

**АНТИЧНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ
И
ВАРВАРСКИЙ МИР**

(Материалы 8-го археологического семинара. Краснодар, 13-15 июня 2001 г.)

Краснодар 2002

**К ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ СКОТОВОДЧЕСКИХ ОБЩЕСТВ
НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ III тыс. до н.э.
(возможности цивилизационного подхода).**

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования Российской Федерации по гранту ГОО -1.2-127.

Отв. редактор **Б.А.Раев**, канд. ист. наук

Последнее десятилетие 20 века ознаменовалось поисками новых исследовательских подходов к изучению древних обществ, которые раньше в нашей науке однозначно рассматривались как позднепервобытные. К пересмотру устоявшихся концепций исследователей побуждал ряд обстоятельств, как объективных, так и субъективных. К 80-м годам они все чаще вступали в противоречие с яркими результатами раскопок памятников эпохи бронзы типа Синташты и Аркаима, а для РЖВ - Филипповского и других "царских" курганов. Их изучение с каждым сезоном все нагляднее свидетельствовало о каком-то ином уровне социокультурного развития оставивших их степных и лесостепных сообществ, нежели допускала старая научная доктрина. С другой стороны, с 70-х годов для оценки уровня социального развития скотоводов эпохи бронзы и раннего железного века российские ученые стали активно привлекать работы Ж.Дюмезиля, который, как тогда казалось, доказал изначальное деление обществ индоевропейцев и индоиранцев на три социальных слоя - жрецов, воинов и трудовое население. Обращение историков и археологов к богатому теоретическому наследию французского ученого стимулировало исследования по этносоциальной тематике и идеологии обитателей Евразийских степей II—I тыс. до н.э., хотя и далеко не во всем подтвердило его основную идею [21]. Появлению нового спектра оценок древних скотоводческих обществ, безусловно, способствовали успехи современной социальной антропологии в изучении общетеоретических проблем, особенно, разработка понятийного аппарата для описания переходных ступеней от первобытнообщинного строя к классовому обществу и государству, таких как "комплексное общество", "раннеклассовое общество", "вождество", "раннее государство". Наконец, к пересмотру устоявшихся концепций многих исследователей побуждал цивилизационный подход, который стал активно внедряться в нашу науку с рубежа 80-90 годов. Не прошли мимо него и археологи. В статье речь пойдет о возможностях и пределах цивилизационного подхода в изучении древних скотоводческих обществ Юга Восточной Европы эпохи бронзы и раннего железного века.

С начала 90-х годов в отечественной археологической науке явственно ощущается стремление использовать ставшую ныне престижной но-

вую "цивилизационную" терминологию применительно к ранним пастушеским и кочевым обществам Евразии и тем самым как бы "приподнять" уровень их исторического развития. Причем, в большинстве работ это достигалось не скрупулезным анализом источников, а чаще всего путем простого наложения ныне модного ярлыка "цивилизация" и производных от него на эти древние скотоводческие общества, хотя зачастую весь их облик, реконструируемый теми же археологами, во многом противится этому. В результате сам термин ставился впереди теории, еще до ее сколько-нибудь аргументированной, системной разработки. Но, как показывает опыт развития нашей науки, со временем такая оценка становилась все более привычной, по существу, приобретая форму аксиомы, хотя нормальная процедура ее обоснования отсутствовала.

Пожалуй, раньше всего цивилизационный подход к древним обществам евразийских степей проявился в работах А.И.Мартынова, посвященных осмыслению такого яркого явления раннего железного века как "скифо-сибирское единство" [18; 19]. Исследователь предложил интерпретировать этот феномен как особую степную цивилизацию кочевников. По его мнению, у скифов, саков, древнего населения Алтая и носителей тагарской культуры уже существовали государства. Однако по началу практически никто из видных скифологов не поддержал эту смелую идею, хотя она вызвала в науке определенный резонанс (обсуждение на II семинаре "Античная цивилизация и варварский мир" в 1988 г.; на специальном совещании в Отделе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР в 1990 г.). На них специалисты по скифской, сарматской, сакской проблематике почти единодушно высказали достаточно обоснованное мнение, что совокупность своеобразных кочевнических культур Степной Евразии I тыс. до н.э. невозможно расценить как цивилизацию. Другими исследователями также были высказаны весьма резонные сомнения в существовании даже "скифской цивилизации" [12].

Тем не менее, в новейшей кочевниковедческой литературе термин "цивилизация" встречается все чаще. Предпринимаются попытки обосновать правомерность применения кномадам понятий типа "степная скотоводческая цивилизация" и даже "кочевая мегацивилизация" [5 13]. Правда, пока они носят скорее декларативный, чем научно-практический характер, так как дефицит сведений, особенно по раннимномадам, не дает реальной возможности для сопоставления но одним и тем же параметрам классических земледельческих и выделяемых степных "цивилизаций", что, впрочем, хорошо осознают и сами авторы.

С рубежа 80-90 гг. цивилизационный подход начинает проникать в проблематику эпохи бронзы. Безусловно, к этому ученых подтолкнули сенсационные открытия в Синташте и Аркаиме. К этим памятникам исследователи начинают широко применять понятия "протоцивилизация", "протогородская цивилизация", "древний очаг цивилизации" и т.п. Загово-

рили о "цивилизационных процессах" в обществах пастушеских скотоводов эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи и даже о некоем "цивилизационном скачке", который, правда, завершился "несостоявшейся цивилизацией" [11; 23]. Появились и такие словесные монстры как "индоевропейская (индоиранская) неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов евразийской скотоводческой историко-культурной провинции" [17]. За всем этим научным словотворчеством и даже своего рода состязанием исследователей в оценке древних скотоводческих обществ с почти обязательными эпитетами "цивилизация", "цивилизационный" стоит не просто очередной курьез, а интересное научное явление - попытка выработать новую исследовательскую парадигму. Но очень важно, чтобы она соответствовала изучаемому явлению, была ему адекватна. Переход к новой научной парадигме обычно сопровождается постановкой целого ряда новых вопросов [16]. Однако, несмотря на активное научное словотворчество, до сих пор не появилось ни одной аналитической работы, действительно демонстрирующей современный цивилизационный подход к обществам Юга России эпохи бронзы и раннего железного века. Более того, практически ни один из известных мне исследователей не дал дефиниции своего понимания цивилизации. Предложенные же для описания скотоводческих обществ критерии (высокий уровень скотоводства, выделение ремесел и т.п.) или не соответствуют феномену цивилизации в том его понимании, как оно утвердилось в науке, или же описывают совсем иное состояние общества, мало похожего на цивилизацию. Более того, сейчас в ряде археологических публикаций явно ощущается стремление расширить понятие "цивилизация" до такого предела, чтобы "уложить" в него степные и лесостепные культуры эпохи бронзы и железного века. Но при этом оно теряет свое конкретное содержание, а значит и свою эвристическую ценность.

Поэтому стоит, хотя бы кратко, напомнить об основных подходах к пониманию цивилизации в современной науке [32; 10; 9]. В отличие от ее многочисленных дефиниций, их не так уж и много - не более четырех:

1. стадияльно-исторический: цивилизация понимается как некая, достаточно высокая ступень развития человеческого общества и его культуры, начиная с эпохи классового образования и возникновения государственности (А. Фергюсон, Л. Морган, Ф. Энгельс);

2. культурологический: цивилизация (точнее цивилизации) как тип культуры со своим неповторимым своеобразием, стилем в духе О. Шпенглера и А. Тойнби;

3. нормативно-оценочный (аксиологический): цивилизация как воплощение мирского, материального, повседневного противопоставляется культуре, как чему-то возвышенному, духовному (И. Кант);

4. французский - во французском языке слово "*civilisation*" означает "культура" безотносительно к уровню ее развития [29].

В нашей археологической литературе последних лет часто встречается расширительное понимание цивилизации во "французском", реже - культурологическом духе. Но все же в силу хорошо известной причины в большинстве работ исподволь чувствуется тяготение к традиционному для отечественной науки стадийно-историческому подходу Морган-Энгельса. В трудах многих исследователей ощущается стремление обнаружить в местных культурах эпохи бронзы - раннего железного века археологические признаки цивилизации, хотя мне неизвестно ни одной статьи, где бы прямо была поставлена эта проблема.

Какие могут быть пути ее решения. Их как минимум три. Все они основаны на сравнительно-историческом методе. Уровень социокультурного развития древних скотоводческих обществ степного пояса Евразии можно определить путем их всестороннего сопоставления с:

1. классическими цивилизациями Востока и Средиземноморья;
2. более подлыми обществами кочевников, по которым имеются надежные письменные свидетельства;
3. реконструированными этнологами и историками первобытного общества переходными к раннеклассовому обществу и государству стадиями развития.

Первый путь условно можно назвать цивилизационным. Для раннего железного века такое сопоставление намечено в статье Ю.В.Андреева о греческом и варварском обществах в Северном Причерноморье [1], для более позднего периода - в работе А.М.Буровского [5]. Для эпохи бронзы подобные исследования неизвестны. Но, кажется, что само по себе это сопоставление даст лишь отрицательный результат, так как мы имеем дело с обществами разного уровня исторического развития, социальной интеграции и культурной традиции, восходящими еще к первому крупному общественному разделению труда.

Как известно, в современной науке используется несколько критериев для выделения ранних цивилизаций. Чаще всего используют известную триаду Клайда Клакхона: появление а) городов; б) монументальной светской и храмовой архитектуры; в) письменности. Разумеется, этим список диагностических признаков цивилизации не исчерпывается. Но все они скорее характеризуют культурный комплекс цивилизации, тогда как внутреннюю социально-экономическую сущность этого феномена все-таки составляет появление классового общества и государства [20]. Наличие последних в обществе находит определенное отражение и в археологическом материале, хотя выявление структуры исчезнувших обществ относится к числу реконструкций высшей степени сложности. Такие исследования требуют "своих источников" (демографических, социологических и пр.), представляющих результат генерализации эмпирических данных. Но, к сожалению, в отечественной археологии специальные исследования в этом направлении практически отсутствуют. Поэтому мне представляется пер-

спективным второй, диахронный путь, который по характеру сопоставляемых источников можно обозначить как археологический. Его преимущество состоит в том, что сопоставляются не реконструкции ~ всегда в большей или меньшей степени умозрительные, а археологические параметры сравниваемых обществ. Таковыми могут быть:

1. поселенческие структуры или точнее остаточные схемы расселения, так или иначе отражающие уровень социально-пространственной организации оставивших их сообществ;
2. господствующие типы и размеры поселений, несущие весьма разнообразную демографическую и социальную информацию;
3. размеры жилищ, в конечном итоге обусловленные такими значимыми социальными параметрами как тип и состав семьи;
4. различия в масштабах погребальных сооружений, указывающие на социальную неоднородность общества;
5. место престижных захоронений в структуре могильников и отдельных курганов.

В силу понятных причин обнаружить в степи материальные свидетельства 1 - 3 практически невозможно. Но зато они массово встречаются в восточно-европейской лесостепи. Важно, что все они представляют достаточно хорошо фиксируемые реалии, которые легко измерить, свести к единому знаменателю.

Для стадии формирования цивилизации и государственности характерно появление и развитие многоуровневой организации общества, которая в археологии выявляется, прежде всего, как иерархия поселений различных размеров с разными функциональными признаками. Сейчас "глубина иерархии" все чаще используется как важная единица измерения сложности общества. По мнению ряда исследователей, переход от двухуровневой системы поселений, свойственной вождествам, к трех- и четырехуровневой может рассматриваться как археологическое свидетельство появления уже государственной организации [2].

Изучение степных и лесостепных поселений эпохи бронзы показывает, что они были весьма автаркичны, приблизительно одинаковы по своей внутренней структуре и в большинстве своем составляли один "административный" уровень. Каких-либо заметных признаков развития иерархических структур в остаточных схемах расселения скотоводов и земледельцев южнорусских степей и лесостепей в эпоху бронзы пока неизвестно. Весьма показательным, что не выявлено сколь-нибудь выраженной иерархии поселений даже на Южном Урале в окрестностях Аркаима и Синташты, где проживало население, наиболее продвинувшееся в социальном и культурном развитии. Появление иерархических поселенческих структур отчетливо фиксируется в восточноевропейской лесостепи с 7-6 вв. до н.э., когда повсеместно возникают сотни больших и малых городищ с сопутствующей им свитой поселений более низкого ранга. Почти все они вместе с

расположенными поблизости курганными могильниками образуют достаточно четко выраженные микрорайоны памятников, которые, скорее всего, соответствовали отдельным вождествам [22]. Это один из самых ярких и массовых показателей уже явно "непервобытного" характера обществ раннего железного века, вышедших на надлокальный путь развития.

С только что рассмотренным признаком тесно связан другой - размеры и типы поселений. Если воспользоваться известным количественным критерием Г.Чайлда (городом является поселение с числом жителей более 5000), то мы не найдем "городов" в эпоху средней и поздней бронзы. Даже такие неординарные памятники, как Аркаим не дотягивают до этого минимального показателя. Площадь остальных, даже так называемых крупных поселений эпохи бронзы очень редко превышала 1-2 га, а число обитателей 100-200 человек [3; 23].

Во многом иная картина наблюдается в раннем железном веке. С 7-6 вв. до н.э. в лесостепи начинают сооружаться сотни хорошо укрепленных городищ, размеры которых подчас многократно превышают минимальный количественный показатель Г.Чайлда. В Поднепровье появляются городища-гиганты, такие как Матронинское (200 га), Трахтемировское (500 га), Немировское (1000 га), Большое Ходосовское (2000 га), не говоря уж о знаменитом Бельском городище площадью 4400 га, где могло проживать не менее 40 - 50 тыс. человек [28]. Такая концентрация населения требовала принципиально новых управленческих, по существу уже потестарно-политических структур. Со 2-ой пол. 5 в. до н.э. большие городища возникают и в степи. Это, прежде всего, хорошо известные Каменское и Елизаветовское городища, которые были не только торгово-ремесленными, но и административными центрами отдельных областей Скифии. Объективно они свидетельствуют о качественно ином состоянии общества по сравнению с эпохой бронзы, о наличии в нем сильных властных структур, способных подвинуть эти общества к выполнению гигантских по объему работ и т.п. По-видимому, их археологическим отражением являются расположенные поблизости от степных городищ аристократические могильники, содержащие курганы "царского" ранга типа Чертомлыка или "Пяти Братьев". Они же являются яркими свидетельствами существования у кочевников не только сложных, но и суперсложных вождеств, явно переросших в раннегосударственные образования.

На мой взгляд, исследователи далеко не в полной мере обратили внимание еще на один важный археологический критерий, отражающий уровень социального развития общества - это размеры жилищ. А они также в целом значительно отличаются в культурах эпохи бронзы и раннего железного века Восточной Европы. Для первых характерны жилища больших и очень больших размеров площадью от 50-70 до 150-300 и более кв. м. По практически единодушному мнению исследователей, они могли служить жилищами большой патриархальной семьи или даже патронимии [14].

Совсем другой тип жилищ мы находим на городищах и поселениях раннего железного века Юга Восточной Европы. Их обычные размеры от 10-12 до 20-30 кв. м., что указывает на иной тип малой патриархальной (нуклеарной) семьи. Ее численность определяют в пределах от 3-4 до 6-7 человек, что находит подтверждение и в античной традиции (*Luc., Scuth., 1; ibidem, Tox., 61*). Вообще, если под этим углом зрения посмотреть на размеры жилищ в обществах переходного типа, где появляются первые признаки цивилизации, то почти повсеместно мы увидим их резкое сокращение до площади, необходимой для проживания малой семьи. В этом смысле домостроительные традиции степного и лесостепного населения раннего железного века определенно стоят гораздо ближе к этой ступени, нежели таковые в большинстве культур бронзового века.

Хорошо известно, что курганные могильники также весьма чутко отражают состояние общества, присутствие в нем социальной дифференциации. В работах специалистов по эпохе бронзы сейчас широко бытует мнение о наличии в оставивших их сообществах выраженной социальной стратификации. А некоторые находят в наших древних степях все признаки варнового и даже кастового строя по древнеиндийской модели [25]. Однако при ознакомлении с этой проблемой у меня сложилось впечатление, что вопрос о наличии сословий в обществах скотоводов II тыс. до н.э. не так уж ясен и очевиден, как об этом пишут многие археологи. Я бы хотел обратить внимание на то, что одно дело - выделить серию престижных погребений, например, колесничих, и совсем иное дело - доказать, что они действительно были организованы в сословие. Для определения сословного статуса умершего не достаточно присутствия в его погребении одних социальных индикаторов - *необходимо установить их связь с пространственной организацией могильника и даже отдельного кургана.*

Специалистам по раннему железному веку хорошо известны воинские дружинные могильники типа Посульских и Среднедонских курганов скифского времени. В них не менее 50% погребенных - то есть практически вся мужская часть - действительно имели основные атрибуты воинов. Их погребения составляли большие могильники, насчитывающие десятки, а иногда и сотни насыпей. Для этого времени вполне уместно говорить о сословном делении общества. Ведь сословия - это социальные группы, различающиеся прежде всего по положению в обществе, которое закреплено обычаями, религией, а позже - законом [27]. Хорошо известно, что в сословном обществе представителей различных сословий как правило погребали на разных некрополях или в различных частях одного кладбища.

Кажется, даже самые яркие и наиболее полно исследованные могильники эпохи средней бронзы типа Синташты во многом не отвечают этому важному критерию. Они содержали погребения и рядового населения, и отдельные захоронения воинов-колесничих. Более того, почти повсеместно престижные и рядовые погребения совершались под одной на-

сыпью, что обычно рассматривается исследователями как свидетельство их родства или принадлежности к одной социальной группе. Социальный статус еще не передавался по наследству. Представляется, что в этом случае правомернее говорить не о стратифицированном обществе, а об обществе *ранжированном*, если использовать известную классификацию М.Фрида [33]. Видимо, тогда принадлежность к определенному социальному рангу обуславливало еще не происхождение, а личные заслуги индивида, например, воинская слава. Для обозначения подобного явления недавно был предложен термин "*ситуационное ранжирование*", когда в условиях повышенной военной опасности или дальних миграций в обществе возникают подобные военизированные структуры [8]. Это название представляется весьма продуктивным, так как оно не только весьма удачно описывает, но в какой-то мере и объясняет феномен стремительного появления и такого же быстрого по масштабам эпохи бронзы исчезновения воинов-колесничих в скотоводческих обществах Евразии 17-16 вв. до н.э. Ранжированным обществам было еще очень далеко до стадии цивилизации. Да многие из них до нее и не дорастали.

В последнее время становится все более очевидным еще одно кардинальное различие в социальной организации пастушеских скотоводов эпохи бронзы и кочевников раннего железного века. В конечном итоге оно было обусловлено характером разделения труда между подвижными скотоводами и оседлым земледельческим населением. В эпоху бронзы между ними еще не ощущается существенных различий этнокультурного и социального плана. В ту пору территориальное разделение труда осуществлялось внутри общины: одна ее часть жила оседло, другая, сопровождая стада, вела подвижный образ жизни [4]. Во многом иная картина складывается на Юге Восточной Европы с появлением номадов. Последние стремились подчинить себе оседлое население, насильственно включить его в свою социально-экономическую систему. На этой основе возникает феномен ранней скифской государственности, где, судя по всему, доминировал так называемый *экзополитарный* или *ксенократический способ производства* [13]. Он базировался на дистанционной (война, грабеж, "подарки") и даннической эксплуатации воинственными кочевниками оседло-земледельческого населения. Привыкшие выпасать свой скот, кочевники легко становились "пастырями" местного "человеческого стада" [26]. Наглядным свидетельством существования этого "способа производства" являются лесостепные городища скифского времени, по соседству с которыми часто возникали большие курганные могильники номадов - истинных хозяев не только степных, но и лесостепных просторов. На Дону такая ситуация повторилась и в сарматское время.

Итак, изучение в диахронии обществ эпохи бронзы и раннего железного века Юга Восточной Европы показывает весьма существенные *структурные различия* между ними, не сводимые лишь к разнице их хо-

зяйственно-культурных типов. Последние имели более крупные масштабы и более сложную социально-политическую организацию. В лесостепи они отличались появлением определенной иерархии поселений внутри локальных микрорайонов, наличием крупных и хорошо укрепленных городищ, повсеместным распространением жилищ небольших размеров для малой патриархальной семьи, наконец, сооружением отдельных некрополей для властвующей военно-аристократической элиты. Ее владычество в Скифии прямо подтверждают античные источники (*Herod., II, 167; Ps.-Hyp., De aere, 22,30; Luc., Scyth., 1,3,5; Athen., XII, 27*). Они же не оставляют сомнений в наличии у тех же скифов не только аристократии, но и государственности. Наличие достаточно развитых властных структур не только в степи, но и в лесостепи подтверждает упоминание Геродотом "царей" будинов, гелонов, меланхленов и других лесостепных "этносов", участвовавших в военном совете скифов в самый напряженный момент войны с Дарием (*Herod., IV, 102, 119*). О том же свидетельствуют курганы лесостепной знати от Днепровского Правобережья на западе до Среднего Подонья на востоке. Причем, даже по составу керамического комплекса инвентарь последних резко отличался от культуры рядового населения близлежащих городищ. Видимо, в раннем железном веке мы имеем дело с моделями политогенеза, направленными на становление "ранней государственности", что в археологии косвенно проявилось в формировании субкультуры властвующей элиты. Однако при всем этом я бы сейчас не решился говорить о наличии у скифов или сарматов цивилизации в стадильном смысле. И дело здесь не только в принципиальной несовместимости цивилизации в изначальном смысле этого слова (а оно все-таки всегда вызывает определенные ассоциации с гражданским обществом, городской жизнью, заложенные в его латинской основе) и номадизма, где последние отсутствуют или не являются базовыми. Существеннее другое. У скифов, как впрочем, и у других номадов, не получил развития такой важнейший атрибут цивилизации как письменность. Ряд современных исследователей вполне резонно рассматривают именно письменность в качестве обязательного признака цивилизации, отличающего ее от первобытных "доисторических" обществ [7; 6]. В том же духе определяет цивилизацию и Мак-Нейл: "Цивилизацией можно назвать лишь тот тип общества, в котором появляется корпус авторитетных текстов, призванных регулировать возникающие социально-бытовые отношения". Видимо, связь цивилизации, классового общества и письменности далеко не случайна. Одно из свойств письменности - быть средством социального господства. Ее появление было связано с особенностями функционирования именно земледельческих обществ, прежде всего с насущной потребностью во всеохватывающей системе учета и распределения людских и материальных ресурсов в рамках дворцового или храмового хозяйственного механизма. Скотоводческое общество по самой своей природе не требовало развития таких сложных и изощренных систем учета и контроля, которые мы

знаем в древнейших речных цивилизациях. И данные нарративных источников, и этнография кочевников свидетельствуют, что у подавляющего большинства пастушеских народов не было своих собственных систем письма, а значит, и корпуса авторитетных текстов, по крайней мере, до перехода к прочной оседлости и до возникновения у них "кочевых империй". Скотоводы прекрасно обходились традиционными способами передачи значимой для них информации. Поэтому у них не получала сколь-нибудь глубокого развития письменная культура, хотя различные знаковые системы, в частности, тамги, хорошо известны. Видимо, то же самое следует сказать и о культуре более ранних скотоводов эпохи бронзы, хотя в последнее время ряд исследователей, вопреки имеющемуся материалу, постулируют появление письменности уже в пастушеских обществах II тыс. до н. э. и даже находят в некоторых знаках аналогии в прото- и раннеалфавитных системам письма [31; 30; 24; 25; 15].

Отказ от ставшего уже традиционным для нашей науки изолированного, статичного рассмотрения пастушеских обществ эпохи бронзы и кочевнических обществ железного века в узких рамках только "своей" эпохи позволяет выявить весьма глубокие, а бы даже сказал качественные различия между ними. Что стоит за ними - различия типологические или стадийные - однозначно ответить не берусь. Может быть, это два разных пути развития скотоводческих обществ Евразии ("пасторализм" и "номадизм") со своими весьма различными социокультурными атрибутами, тем более, что между ними практически не прослеживается преемственности после катастрофы рубежа эпохи бронзы и железного века. Но мне кажется, что в этих двух моделях социальной организации все-таки можно видеть и две стадии в развитии скотоводческих обществ Евразии с явными признаками формирования иерархических, а затем и раннегосударственных образований у кочевников, начиная с I тыс. до н.э.

Нет сомнений, что как пастушеские скотоводы эпохи бронзы, так и ранние кочевники железного века широко использовали многие достижения цивилизации. Они внесли немалый вклад в сокровищницу мировой культуры. Но, учитывая отсутствие в степных культурах базовых и стабильных признаков цивилизации, мне представляется более целесообразным использовать для них традиционные для кочевниковедения понятия "пасторализм" для пастушеских обществ II тыс. до н.э. и "номадизм" для кочевнических обществ железного века. Они вполне адекватно и более точно, нежели весьма неопределенное понятие "степная цивилизация" выражают своеобразие этих обществ и специфику их развития. Вряд ли следует искусственно "подтягивать" пастушеских скотоводов или кочевников до уровня цивилизации как определенной стадии исторического развития. Древние цивилизации и степные скотоводы имели различные экономические базисы, практиковали различные способы эксплуатации, развивались в различных ритмах в соответствии со своими собственными закономерностями, использовали

различные механизмы сохранения и передачи жизненно важных культурных традиций. Они различались даже по своей продолжительности - первые существовали не менее тысячелетия, тогда как возраст вторых редко превышал несколько веков. Более того, как показывает многовековой исторический опыт, даже приближение наиболее "продвинутых" скотоводческих обществ к состоянию цивилизации грозило смертельной опасностью не только для традиционной степной культуры (как правило, это уже "бывшие" кочевники), но и для их жизни, самой целостности скотоводческих этнополитических образований в силу универсального закона "пульсации степей".

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.В. Греки и варвары в Северном Причерноморье.- *ВДИ. 1996, №1.*
2. Антонова Е.В. Месопотамия на пути к первым государствам. М., 1998.
3. Березанская С.С. Усово озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990.
4. Бунятин Е.П. Об уровне развития степных обществ Украины поздней бронзы.- *Срубная культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы Евразийской Степи и Лесостепи. Воронеж, 2000.*
5. Буровский А.М. Степная скотоводческая цивилизация: критерии описания, анализа и сопоставления.- *Цивилизации. Вып.3. М., 1995.*
6. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. *Индоевропейский язык и индоевропейцы... 2. Тбилиси. 1984.*
7. Гельб И.Е. *Опыт изучения письма. М., 1982.*
8. Гей А.Н. *Ново-Гитаровская культура (предварительная характеристика).- РА. 1991. №1.*
9. Гринин Л.Е. *Формации и цивилизации.- Философия и общество. №2. М., 1998.*
10. Ерасов Б.С. *Цивилизация: смысл слова и определение термина.- Цивилизации. Вып.4. М., 1997.*
11. Зданович Г.Б. *Аркаим: арии на Урале или несостоявшаяся цивилизация.- Аркаим: исследования, поиски, находки. Челябинск, 1995.*
12. Зуев В.Ю. *К вопросу о "скифской цивилизации".- Древние культуры и их археологическое изучение. Материалы к пленуму ИИМК 26 - 28.11.1991. СПб., 1991.*
13. Крадин Н.Н. *Кочевничество в утилизационном и формационном развитии.- Цивилизации. Вып.3. М., 1995.*
14. Кузьмина Е.Е. *Откуда пришли индоарии? М., 1994.*
15. Кульбака В. *Найдавнішня індо-арійська писемність з території України- Доба бронзи Доно-Донецького регіону. Капітанове, 1999.*
16. Кун Т. *Структура научных революций. М., 1977.*
17. Малов Н.М. *Индоевропейская неурбанистическая цивилизация эпохи палеометаллов Евразийской скотоводческой историко-культурной провинции - звено мозаичной мироцелостности.- Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи неолита - бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995.*
18. Мартынов А.И. *Степи Евразии в истории человечества.- Проблемы археологии степной Евразии. Ч. 1. Кемерово, 1987.*
19. Мартынов А.И. *О степной скотоводческой цивилизации I тыс. до н.э.- Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата, 1989.*
20. Массон В.М. *Первые цивилизации. Л., 1989.*

21. Медведев А.П. В поисках древнейших социальных структур индоевропейцев.- *Вестник ВГУ. Серия 1. Гуманитарные науки*. Воронеж. 1997.
22. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья (археология и этнокультурная история I тыс. до н.э.). М., 1999.
23. Пряхин А.Д. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы, кн. 2. Воронеж, 1993.
24. Пряхин А.Д. Новый этап в исследовании проблематики эпохи бронзы Евразии степи и лесостепи.- *Комплексные общества Центральной Евразии III-I тьс. до н.э.* Челябинск-Аркаим, 1999.
25. Пустовалов С.Ж. О возможности реконструкции сословно-кастовой системы по археологическим данным.- *Древности Степного Причерноморья и Крыма. Вып.V. За порожье*, 1995.
26. Тойнби А. Дж. *Постижение истории*. М., 1991.
27. Утченко С.Л., Дьяконов ИМ. Социальная стратификация древнего общества.- *XIII Международный конгресс исторических наук. Доклады конгресса. Т.1. Ч.3*. М., 1970.
28. Шрамко Б.А. Фридрих Энгельс и проблема возникновения городов Скифии.- *Фридрих Энгельс и проблемы истории древних обществ*. Киев., 1994.
29. Bénétou Ph. *Histoire de mots: culture et civilisation*. Paris., 1975.
30. Harmatta J. *Herodotus, Historian of the Cimmerians and Scythians.-Hérodote et les peuples Non-Grecs*. Geneve-Van doevres. 1990.
31. Häusler A. *Frühe Schriftzeichen im nordpontischen Raurm.- Zeitschrift für Archäologie. Nr. 19/1. 1985*.
32. Fisch J., *Zivilization, Kultur.- Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Bd. 7. Stuttgart, 1986*.
33. Fried M.H., *On the Evolution of Social Stratification and the State.- Culture in History. N. - Y., 1960*.

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПРЕДСКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ МОГИЛЬНИКА КАЗАЗОВО 3

Работа выполнена при поддержке
РГНФ, грант №01-01-38002 а/Ю

В 2001 г. Н.И. Твердохлебовым, капитаном Северского РОВД, были доставлены в Краснодарский музей-заповедник древние вещи, собираемые им в течение нескольких лет. Среди них выделялись 22 бронзовых предмета, приобретенных у частного лица в 2000 г. По словам продавца, эти вещи происходят с острова находящегося в чаше Краснодарского водохранилища близ аула Казазово. Все предметы корродированы и покрыты зелеными окислами.

Действительно, у аула Казазово имеется остров, площадь которого занимает могильник предскифского времени Казазово 3. Этот памятник не подвергался раскопкам, но подъемный материал из сборов разных лет частично публиковался в научной литературе [2, с. 27 сл.; 18, с. 62 сл.]. Новые находки, описание которых дано ниже, позволяют существенно дополнить наши знания о могильнике. Все размеры указаны в см.

1. Наконечник копья с цельнолитой втулкой и листовидным пером, по середине которого проходит ребро жесткости - рельефное продолжение втулки (Рис. 1, 1). Сечение втулки овальное, по бокам ее имеются вертикальные треугольные валики. В нижней части втулки сделаны сквозные отверстия неправильной формы. Перо резко изогнуто в верхней трети, так что образовалась поперечная трещина. Бронза, литье. Размеры: L 21.2, перо 13.4x3.6x1.4, 0 втулки 2.1x2.

2. Наконечник копья с цельнолитой втулкой и листовидным пером, по центру которого проходит ребро жесткости - рельефное продолжение втулки (Рис. 1, 2). Сечение втулки ромбическое, в нижней части сделаны сквозные отверстия неправильной формы. Перо резко изогнуто в верхней трети. Бронза, литье. Размеры: L 18.1, перо 10.2x3.2x1.1, 0 втулки 2.2x2.1.

3. Наконечник копья с цельнолитой втулкой и листовидным пером, по центру которого проходит ребро жесткости - рельефное продолжение втулки (Рис. 1, 3). Сечение втулки овальное, по бокам ее имеются вертикальные треугольные валики. В нижней части втулки сделаны сквозные отверстия неправильной формы. Перо наконечника изогнуто в верхней трети. Бронза, литье. Размеры: L 13.8, перо 8.8x3.2x1.5, 0 втулки 2x1.9.

4. Удила однокольчатые. Внутренние кольца овальные, сегментовидного сечения, внешние кольца разной формы: одно треугольное, второе овальное. (Рис. 2, 1). Стержни грызел круглого сечения имеют плохо сохранившуюся ложную обмотку в виде узкого спирального валика. Бронза, ли-

ть. Размеры: L 17,8, L стержней с кольцами 9,2 и 9,6, 0 внешних колец 3,2x2,1x0,6, 0 внутренних колец 2,3x1,8x0,8 и 2,3x2,2x0,8.

5, 6. Псалии в виде слегка изогнутых стержней овального сечения с грибовидными шляпками (2 экз.); каждый имеет по три сквозных овальных отверстия (Рис. 2, 2,3). На вогнутой поверхности слабо заметна расположенная вертикально канавка. Она была обрамлена двумя рядами рельефных квадратов, сохранившихся лишь частично на одном экземпляре. Бронза, литье. Размеры: 1-й псалий 9,3x1,5x1, 2-й псалий 8,8x1,5x0,8, 0 шляпок от 2x1,7 до 2,4x2,1.

7. Браслет из овального в сечении прута, разомкнутый, один конец рубленый, второй - плавно сужается (Рис. 1, 5). Бронза, литье. Размеры: браслета 7,1x6,6, 0 прута от 0,6x0,5 до 0,35.

8. Нож черешковый с горбатой спинкой, 2 фрагмента (Рис. 2, 9). Бронза, литье. Размеры: 8,9x1,5x0,1,5.

9. Бляха круглая, выпуклая со слегка опущенными краями и с петлей на обороте (Рис. 2,8). Бронза, литье, шлифовка. Размеры: 0 2,1, петля 1,8x0,45x0,2.

10. Втулка разомкнутая, цилиндрическая, овального сечения (Рис. 1, 10). Бронза, литье. Размеры: h 1,4, 0 1,3x0,9, толщина стенок 0,15.

11-22. Небольшие перстневидные обоймы с узкими дужками сегментовидного и прямоугольного сечения и выпукло-вогнутыми щитками (Рис. 2, 4-7). Бронза, литье. Размеры: 0 блях от 1,2 до 1,1x0,7, дужки от 1,2x0,4x0,25 до 1,1x0,3x0,1.

Ранее были опубликованы три наконечника копья, найденные на этом же могильнике. Они аналогичны описанным выше [18, с. 65, Рис. 3, 3,5,6]. Бронзовые наконечники копий с цельнолитыми втулками найдены практически во всех протомеотских могильниках Закубанья [1, Рис. 6; 4, Таб. И, 1-6; 5, Таб. VI, 3; 12, Рис. 51, 1-10; 13, Таб. XI, б, XII, 2; 14, Таб. V, п. 29, 2, п. 30, 5, VI, 1, 2] и Северо-Восточного Причерноморья [6, Рис. 4, 1,6; 16, Рис. 1, 1-3; 17, Рис. 1, 1; 21, Рис. 2, 2-4]. Здесь они, как и в Центральном Предкавказье, являлись основным видом оружия предскифской эпохи [22, с.76]. Совершенно иная ситуация отмечается в степях Северного Причерноморья, где наконечники копий в это время находят крайне редко [20, с.142].

По мнению А.А.Иессена, выделившего бронзовые наконечники копий с цельнолитой втулкой в отдельный тип, подобное оружие появилось в эпоху бронзы и доживает до начала раннескифского времени [10, с. 114]. В Кубанском могильнике, датированном автором раскопок концом 8 - первой пол. 7 вв. до н. э., присутствуют уже только железные наконечники [3, с. 40].

Ритуальная порча этого вида оружия мало характерна для протомеотского погребального обряда. Деформированные наконечники дротика и

копья были найдены лишь в насыпи кургана 2 м-ка Черноклен и в погр. 6 из Псекупского 1 мог-ка [5, Таб. VI, 3; 7, Рис. 65, 1]. Следует заметить, что многие наконечники из Прикубанских могильников имеют плохую сохранность, что мешает обнаружить следы преднамеренной порчи.

Однокольчатые и треугольноконечные удила с ложновитым рифлением на грызлах уже известны среди материалов могильников Казазово 3 [18, Рис. 1, 2,3,5-7] и Фарс/Клады [22, Рис. 54, 1-12]. Необычным является то, что у наших внешние петли оформлены по-разному, что подтверждает тезис В.Р.Эрлиха о синхронности бронзовых удил с овальными и треугольными внешними петлями, бытовавшими в пределах 8 в. до н.э. [22, с 51, 71].

Дуговидные трехдырчатые псалии имеют много общего с черноголовским типом, но наличие хорошо выделенных шляпок сближает их с камышевахскими псалиями. Это сходство усиливают продольные канавки на вогнутых сторонах стержней и частично сохранившиеся на одном псалии рельефные прямоугольные выступы, обрамляющие канавку. Подобная орнаментация псалиев характерна для середины - второй пол. 8 в. до н. э. [7, с. 139].

В предскифское время в Прикубанье были распространены пластинчатые браслеты с рубленными или утолщенными концами. Их сечение обычно сегментовидное, треугольное или прямоугольное [См. 4, Таб. IV, 9,10; 8, Таб. II, 1-3; 22, Рис. 61, 1-8]. Реже встречаются браслеты из круглого в сечении прута свернутые в несколько оборотов [4, Таб. IV, 11; 18, Рис. 3, 4]. Наш браслет имеет аналогии лишь в кобанских древностях [11, Таб. XXVIII, 75]. Но И.И.Ахановым в Геленджике в кург. 6 был найден пластинчатый браслет с одним рубленным, а другим заостренным концами, сечение которого постепенно уменьшалось к острому концу, как и у нашего экземпляра [6, Рис. 6, 11]. Как видно, публикуемому браслету присущи черты характерные для наручей предскифского времени.

Бронзовые черешковые ножи аналогичные казавскому найдены в Николаевском могильнике [4, Таб. III, 7,8]. Наш экземпляр, насколько позволяет судить состояние металла, относится к III или IV типу по С.В.Махортых [15, с. 9, 10].

Круглая бляха со слегка опущенными краями, разомкнутая втулка, как и перстневидные обоймы не имеют полных аналогий, но следует отметить, что разнообразие форм этих категорий предметов - характерная черта предскифской эпохи.

Судя по набору предметов и по характерным одинаковым окислам, покрывающим их, казавские вещи могут происходить из одного комплекса и по аналогиям, предварительно датировать набор 8 в. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов И.Н. Древнемеотский могильник близ г. Абинска. - ВИА. Майкоп, 1981.

2. Анфимов И.Н. Могильник протомеотской культуры у хут. Казазово.- Меоты - предки адыгов. Майкоп, 1989.
3. Анфимов Н.В. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского).- Скифский мир Киев, 1975.
4. Анфимов Н.В. Протомеотский могильник у с. Николаевского. - СМАА. Том. II. Майкоп, 1961.
5. Анфимов Н.В., Пьянков А.В. Протомеотские погребения в курганах эпохи бронзы Закубанья- Меоты - предки адыгов. Майкоп, 1989.
6. Аханов Н.И. Геленджикские подкурганые дольмены.- СА. 1961, № 1.
7. Вальчак С.Б. Основные мотивы орнаментации уздечных принадлежностей юга Восточной Европы в начав раннего железного века.- Скифы и сарматы в VII - III вв. до н.э.: палеэкология антропология и археология. М., 2000.
8. Дитлер П.А. Могильники в районе п. Колосовка на р.Фарс.- СМАА, Том. II. Майкоп, 1961
9. Дударев С.Л. Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-восточной Европы в предскифскую эпоху (IX - первая половина VII в. до н.э.). Армавир, 1999.
10. Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.- МИА. № 23. 1951.
11. Козенкова В.И. Материальная основа быта кобанских племен. Западный вариант.- САИ, вып. В2-5. М., 1998.
12. Лесков А.М., ЭрлихВ.Р. Могильник Фарс/Клады. М.,1999.
13. Ловпаче Н.Г. Могильники в устье Псекупса.- ВАА. Майкоп, 1985.
14. Ловпаче Н.Г. Могильник Кочине (Восточный) в Майкопе.- Культура и быт адыгов (этнографические исследования). Вып. VIII. Майкоп, 1991
15. Махортых С.В. Происхождение и хронология бронзовых ножей Северного Кавказа X - VIII вв. до н.э.-МИАР. № 1. М., 1997.
16. Новичихин А.М. Материалы первой половины 1 тыс. до н.э. из долины Сукко. Историко-археологический альманах Вып. 1. Армавир-М., 1995.
17. Новичихин А.М. Находки предметов эпохи раннего железа на Шум-речке.- МИАР. № 1М,1997.
18. Пьянков А.В., Тарабанов В.А. Могильник протомеотского времени Казазово 3 и другие находки их чаши Краснодарского водохранилища.-МИАР. № 1. М., 1997.
19. Сазонов А.А. Ранняя группа конских жертвоприношений протомеотского могильника Пишишь-1.- Археология Адыгеи. Майкоп, 1991.
20. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
21. Тешев М.К. Новый памятник поздней бронзы на Западном Кавказе.- СА. 1983, № 4.
22. ЭрлихВ.Р. У истоков раннескифского комплекса. М., 1994

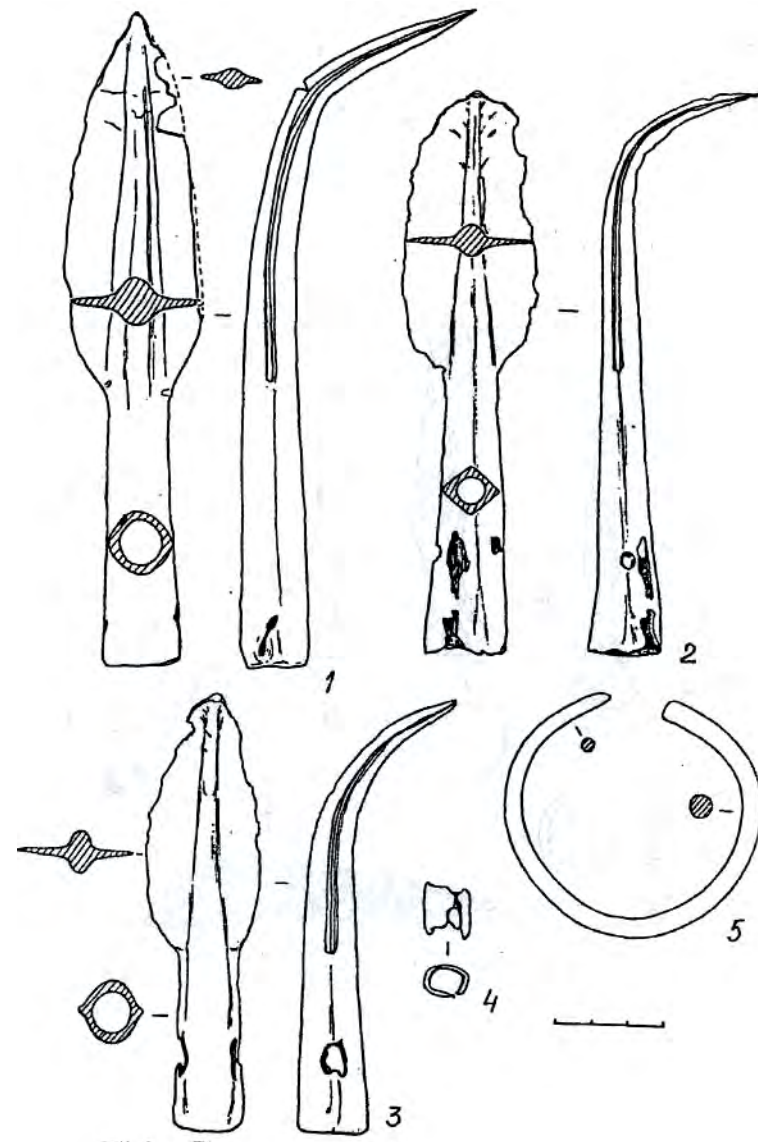

Рис. 1. Бронзовые предметы из могильника Казазово 3
1-3- наконечники копий, 4- цилиндрическая втулка, 5- браслет

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ БРОНЗОВЫХ ПРЯМОУГОЛЬНЫХ АЖУРНЫХ ПРЯЖЕК

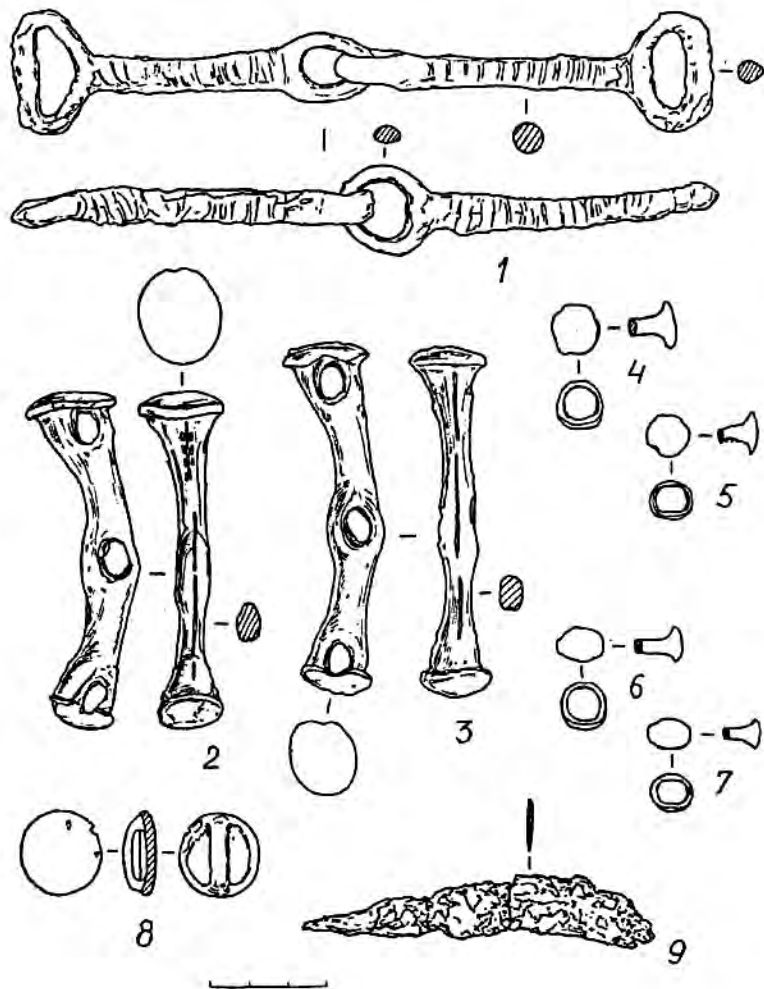

Рис. 2. Бронзовые предметы из могильника Казазово 3
1- удила; 2, 3- псални; 4-7- перстневидные бляхи;
8- круглая бляха; 9- нож

На территории Грузии, локализуясь в памятниках расположенных в районе Рокского, Мамисонского перевала, Халаца и Военно-Грузинской дороги, встречаются бронзовые ажурные прямоугольные пряжки. Три экземпляра таких пряжек происходит из Северной Осетии (собрание СОТОМ). На лицевой стороне этих пряжек представлена "сцена терзания", заключенная в рамку из нескольких рядов орнамента в виде "плетенки" или "двойной спирали", с использованием полос из одинарных шнуров. По углам рамки находятся выпуклые конические или полукруглые выступы. На оборотной стороне в центре боковых сторон рамки находится с одной стороны - крючок, с другой - петля [Рис.1]. Они введены в научный оборот с конца 19 в.* В настоящее время в каталогах Грузии их насчитывается несколько сот экземпляров [8, с.81]. Некоторые из них являются случайными находками или куплены у местных жителей. В настоящее время хранятся в Эрмитаже, ГИМе, Венском музее, многих краеведческих музеях Грузии. Ряд пряжек обнаружен в грунтовых погребениях в прямоугольных ямах, на тазовых костях или в "области живота" погребенного [11; 12]. Поэтому предположение Г.Кипиани [8, с.83, 90] о том, что эти "бляхи" носили на груди, представляется спорным.

Бронзовые поясные пряжки появились и распространились на Кавказе еще в эпоху бронзы. Стилистически наиболее близкими рассматриваемым пряжкам являются прямоугольные пряжки скифского времени, происходящие из Ичкерии [10, с.35]. Для них характерно также использование восковой модели и схожих орнаментальных мотивов (ряды "косичек", "двойная спираль", выпуклые элементы). Поясные пряжки "типа Исти-Су" используют аналогичные художественно-стилистические приемы для изображения хищных животных.

"Сцена терзания" представленная на пряжках, характерна для переднеазиатских и скифских образцов. Для кавказского искусства (кобанского и колхидского) она, видимо, не характерна, а могла появиться несколько позже под скифским влиянием. В кобанском искусстве известны сцены гона оленя или его травли собаками (Кобанский могильник), аналогичная сцена известна на луристанских бронзах (Сухр-Дум) [4, с.11, 13, Табл. 1,1, 4, 5]. Эти сюжеты могли стать той почвой, на которой и появилась затем "сцена терзания".

Набор образов на бронзовых прямоугольных ажурных пряжках: "олень", "конь", "бык", "собако-волк", "хищная птица", "змея" совпадает с образами кобанского и колхидского искусства [3, с.150]. Для рассматриваемых поясных пряжек характерно смешение различных черт животных. Например "олень" и "бык" изображались с лапами и хвостом характерными

для хищного животного. Использование частей тела различных видов животных в одном образе, характерно также для кобанского искусства в скифское время (ср. привеску к сбруе в виде фантастического копытного хищника из Ялхой-Мохжского могильника [9, Рис.2], барсо-волки на поясных птицевидных пряжках "типа Исти-Су" [1 и др.] и кобано-колхидских топориков [6, Рис. 1-10; 13. Рис.1]).

Композиционное решение пряжек во многом зависело от их конструктивных особенностей и технологии изготовления. Центральные фигуры всех типов пряжек присоединялись к рамке в верхнем правом углу рогами, справа - открытым ртом, в нижней части - ногами, слева - хвостом. Для рисунка композиции характерной чертой является замкнутость линий: кольцевидные рога, отростки которых прижаты друг к другу, хвосты прикрепленные к спине животных. Верхняя фигурка (собаководного хищника, хищной птицы или быка или его головы) вписывалась в пространство между левым углом пряжки и спиной центрального животного, прикрепляясь к ним. Фигурка хищника крепилась к левой стороне рамки основанием хвоста, задней частью лапы и коленным суставом. Хвост и голова соединялись с верхней стороной рамки; хвост и голова к рогам. Аналогично фигуркам хищников располагались в композиции пряжки фигурки быков, за исключением скульптурно выполненной головы, расположенной в фас. Головы быков крепились к верхней стороне пряжки. Фигурки животных в максимальной степени прикреплены различными частями тела к рамке и друг к другу. Все это позволяло создать наибольшую прочность конструкции и обеспечивало более качественную отливку в бронзе. Эти закономерности композиционного построения, размещения фигур, точек касания повторяются на всех типах поясных пряжек. Поэтому, несмотря на различные художественные влияния (переднеазиатские, кобанские, колхидские, скифские), можно говорить о создании местного художественного канона для этих пряжек.

Иконография животного также была канонизирована, но в меньшей степени, чем композиция. Основой для туловища животного являлась двойная спираль. Голова некоторых центральных животных направлена вперед, у некоторых назад. Для кобанского и колхидского искусства более характерен первый вариант. В передневосточном и скифском искусстве встречаются оба варианта. Поэтому повернутая назад голова могла появиться на пряжках под воздействием извне. Для всех фигурок животных как центральных, так и периферийных, характерны полусогнутые ноги. Подобная трактовка туловища и ног характерна для многих образцов кобанского искусства середины первого тыс. до н.э. Кольчатые лапы некоторых "оленей" на пряжках (Рис.1, 5) находят аналогии в изображении хищников в скифском искусстве. Трактовка открытого рта центрального животного в виде двух дуг (Рис.1, 1,2,4) напоминает стилистику изображения хищников середины 6 - середины 5 в. до н.э. на скифских памятниках, когда валик, прохо-

дящий по краю пасти, переходил в волуты на носу и подбородке. Изображение кольчатых рогов оленей также находит аналогии в скифском искусстве. Скульптурная трактовка головок "быков" с широко расставленными выпуклыми глазами характерна для изображений мелкой бронзовой пластики из Кобанского могильника, фигурки хищников находят аналогии в луристанских бронзах (фигурка пантеры на булавке с поселения Баба-Джан [14], фигурки хищников на луристанских "алебардах" [14, fig.2, 33,34]; fig. 9) и кобанском искусстве скифского времени (пряжки "типа Исти-Су", бронзовые топоры кобано-колхидского типа и др.). Изображения центральных животных (Рис.1 1,5,7) на рассматриваемых пряжках, аналогичны плоскостным изображениям на бронзовых поясах со сценами охоты из Триалетского и погр. 76 Тлийского могильников и на бронзовых кобано-колхидских топорах. Наиболее ранними аналогиями для фигур коней являются фигурки животных на кувшине конца 7 - нач. 6 вв. из Анатолии [The Anatolian civilizations ... Pl. 173] и на бронзовом луристанском умбоне из коллекции в Базеле [15]. Видимо другие типы изображений на пряжках (Рис.1, 2,3,4,6) являются более поздними вариантами художественного стиля.

Бронзовые ажурные пряжки выполнены в технике "литья по утраченной восковой модели", широко используемой в прикладном искусстве Переднего Востока и Кавказа в эпоху бронзы - раннего железа [5, с.278]. Восковая модель выполнена с помощью "жгутово-ленточного" метода с элементами плетения из провощенных нитей. Детали рамки и композиции лепились, плелись отдельно из восковых лент, жгутов и провощенных нитей, а затем собирались воедино. Одной из единиц измерения пропорций фигур животных и птиц, а также размеров рамки может служить толщина провощенного шнура или толщина восковой ленты. Из плетеных шнуров состоят уши, гривы, хвосты, рога, рты животных. Ряды плетенных или одинарных шнуров определяет ширину рамки. В свою очередь ширина рамки определяет диаметр конических или полукруглых выступов по ее углам. Этот диаметр может быть равен стороне рамки или меньше на ширину одинарного шнура. Кроме того, существует прямая зависимость степени массивности фигурки центрального животного от ширины рамки. Его туловище состоит из трех элементов, которые собраны воедино: передней, задней части и перемычки из ленты между ними. В случаях, когда при прочих равных условиях ширина перемычки больше, чем длина, фигура центрального животного кажется тяжеловесней и массивней (Рис.1, 1,5,7). Важным показателем грациальности центрального животного является соотношение толщины шеи к длине перемычки, т. е. к расстоянию между задней и передней частью туловища. В различных типах поясных пряжек этот показатель различен. Длина ног животных по отношению к фигуре меняется в различных типах пряжек, но не значительно, от 1:2 до 1:3. Ноги центральных фигур изготавливались из отдельных жгутов, сгибались, а затем крепились к туло-

вишу. Морды животных лепились из двух жгутов, один верхнюю часть морды: открытую пасть, надбровные дуг; другой - нижнюю часть морды, подбородочный выступ в изображениях "оленей" и "коней". Аналогичным образом изготавливались морды хищников из Казбекского клада (Рис.2, 2). При моделировании рогов "оленей" каждый из их отростков представлял собой восковую ленту, свернутую в кольцо (Рис. 1,1-3, 5) либо в виде буквы S или ее зеркального изображения (Рис.1, 4). У основания эти ленты соединялись. Уши, хвост и гривы "оленей" и "быков" представляют собой двойные провощенные нити, переплетенные или идущие параллельно. Особенности изготовления моделей таких пряжек имеют параллели в искусстве позднекобанской культуры, в частности, в использовании ленточно-жгутового способа для моделировки фигурки животного в виде "двойной спирали" и изготовления морды животного с выступающими надбровными дугами и подбородком, (напр.: бронзовые пластинки-привески с изображением оленя из Кобанского могильника, волкообразного хищника со ст.Казбек). О способах изготовления центральных фигур именно с помощью закрученной в спираль восковой ленты могут свидетельствовать изображения спиралей на бедрах оленей на сосудах из Нартановского [2, Табл.17] и Шалушкинского [7] могильников, а также двойная спираль, помещенная на бедре бронзовой фигурки в виде коня из Былымского клада [3]. В пользу применения именно такого приема свидетельствуют выпуклые части бедра и плеча, которым объемность легче всего было придать с помощью жгута закрученного в спираль. Концентрические окружности, размещенные на бедре и плече некоторых изображений на пряжках, находятся в центре этих спиралей. Двойные спирали могли изготавливаться из одного куска жгута либо каждая из отдельного, а затем внешние концы спиралей прикреплялись к противоположной. В первом случае перемычка между спиралями равнялась толщине жгута, во втором ее ширина удваивалась, чем и можно объяснить различную степень грацильности центральных животных на пряжках.

Таким образом, создается впечатление, что технологические, стилистические особенности, закономерности композиционного построения и состав не бронзовых ажурных прямоугольных пряжках во многом сходны с кобанскими образцами. Обращает на себя внимание, что распространение этих пряжек совпадает с зоной распространения топоров кобано-колхидского типа, а также с их стилистическими особенностями. Определенное влияние на формирование стиля этих пряжек оказали образцы "кобанского варианта" скифо-сибирского звериного стиля и передневожосточные бронзы Анатолии и Луристана. Традиции, которые возникли на северной стороне Главного Кавказского хребта в кобанское время, позднее продолжили свое развитие на южных склонах, получив материальное воплощение в бронзовых ажурных прямоугольных пряжках.

*Историографический обзор литературы по поясным пряжкам см.: [12].

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова-Полтавцева О.А. *Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период.*- С.А. Т14. 1950.
2. Батчаев Б.М. *Древности предскифского и скифского периодов.*- *Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972-79 гг.* Т.2. Нальчик, 1985.
3. Виноградов В. Б. *К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле.*- *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.* М., 1976.
4. Вольная Г.Н. *К вопросу о чертах переднеазиатского искусства в "кобанском варианте скифо-сибирского звериного стиля".*- *Вопросы северокавказской истории.* Вып.2. Армавир, 1997.
5. Деген Б.Е. *Курганы в кабардинском парке Нальчика.*- *МИА, №3.1941.*
6. Доманский Я.В. *Древняя художественная бронза Кавказа.* М, 1984.
7. Иессен А.А. *Археологические памятники в кабардинском парке Нальчика.*-*МИА. №3. 1941.*
8. Кипиани Г. *Вопросы атрибуции бронзовых и прямоугольных блях.*- *Кавказский сборник. №1. 2000.*
9. Махортиш СВ., Петренко В.А *Новый могильник скифского часу в Чечено-Ингушетии.*- *Археология 1987. № 59.*
10. Петренко В.А. *Бронзовые барельефно-ажурные бляхи скифского времени Юго-Восточной Чечни.*- *Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа Грозный, 1984.*
11. Пчелина Е.Г. *Погребальные комплексы из Сохта, Урсдзуар и Рук.*- *Известия Юго-Осетинского НИИ.* Т. XV. Цхинвали. 1968.
12. Техов Б.В. *Очерки древнейшей истории и археологии Юго-Осетии.* Тбилиси, 1971.
13. Техов Б.В. *О некоторых предметах скифского звериного стиля из памятников Южного склона Главного Кавказского хребта.*- *Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.* М., 1976.
14. *The Anatolian civilizations museum.* Ankara. №. 1-2.
15. Moorey H.R.S. *Some elaborately decorated Bronze Quiver Plates maid in Luristan, 750-650 B.C.*- *Iran. Vol. XIII, 1975.*
16. Moorey H.R.S. *Towards a Chronology for the "Luristan Bronzes".* *Iran. Vol. IX. 1975.*

ЕЩЕ РАЗ О ВРЕМЕНИ ПОЯВЛЕНИЯ НА КАВКАЗЕ ШЛЕМОВ АССИРИЙСКОГО ТИПА

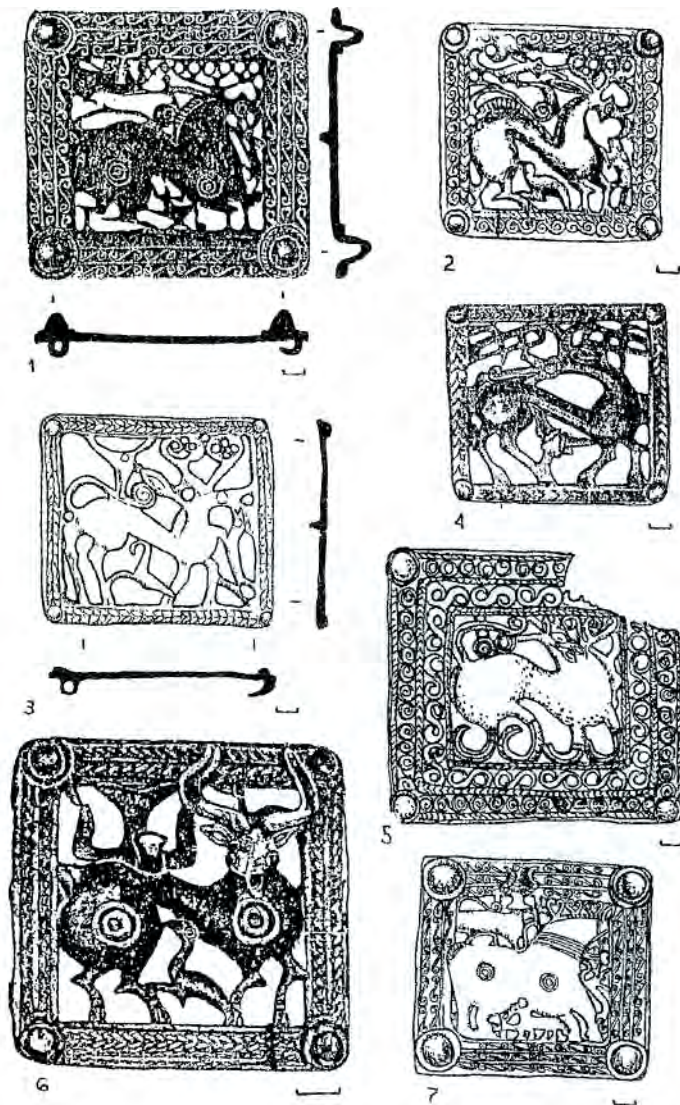

Рис. 1. Типы бронзовых прямоугольных ажурных пряжек
 1- Рачинский уезд (ГИМ, собр. П.С.Уваровой); 2, 4- Кавказ (ГИМ), 3- Северная Осетия (СОГОМ); 5-Грузия (Боржомский музей, по: Ш.Я.Амиранашвили, 1950, Табл. 5, 2); 6- Ксанское ущелье (ГИМ, собр. А.В.Комарова); 7- аул Дыргин, Горийский уезд (Архив ИИМК, сборы В.И.Долбежева)

О кризисной ситуации в "предскифской" хронологии недавно уже писали Я.Хохоровский [1, с. 158] и В.Р.Эрлих [2, с.31], справедливо указав на существование ситуации "замкнутой цепи", когда для датирования "восточноевропейских древностей привлекаются средневропейские и наоборот". В этом контексте значение "независимых реперов" приобретают находки "ассирийских" шлемов на Северном Кавказе, в могильнике Клинь-яр III. Недавно увидело свет исследование А.И.Иванчика [3, с.203 сл], в котором автор стремится доказать, что бронзовые остроконечные шлемы с территории Северного Кавказа и Закавказья, относимые рядом археологов (А.Б.Белинский, С.Л.Дударев, А.Ю.Алексеев, В.Р.Эрлих, С.В.Махортых) к кругу образцов ассирийского типа, на самом деле имеют кавказское происхождение. По его мнению, они не могут быть связаны с "засвидетельствованными письменными источниками походами киммерийцев" и служить хронологическими индикаторами при попытках разработки хронологии новочеркасских древностей на Северном Кавказе и в Восточной Европе.

Рассмотрим два комплекса, которым А.И.Иванчик придает очень важное значение.. Существенно напоминая автора о том, что комплекс погр.13 Бешташенского могильника с бронзовым шлемом, имевшим нащечники, который был причислен к кругу находок ассирийских шлемов на Кавказе и сближен с клинь-ярскими [4, с. 194], датируется К.Н.Пицхелаури и Р.М.Абрамишвили 13-12 вв. до н.э. [5, с.101; 6, с. 115]. При этом второй из названных ученых даже перенес дату погребения ближе к рубежу 14-13 вв. до н.э. [7, с.318]. Комплекс погр.13 действительно имеет сугубо позднебронзовый облик (клинок, серп, наконечник копья, булава и пр.). Мало того, в инвентаре могилы имелась придающая набору вещей архаизирующий оттенок шестигранная сердоликовая бусина, аналогии которой имеются в памятниках Закавказья эпохи средней бронзы [5, с.88]. Поэтому дата погребения, предложенная Ю.Н.Вороновым - не ранее середины 8 в. до н.э. - представляется сильно завышенной [8, с.8].

А.И. Иванчик заострил внимание и на комплексе из с.Приморское, анализ которого позволил ему датировать шлем из его состава второй пол. 10 - нач. 9 вв. до н.э. Примечательно, что бронзовый гравированный топор из данного комплекса как будто подтверждает дату А.И. Иванчика. Он включен А.Ю.Скаковым во 2 группу декорированных кобано-колхидских бронзовых топоров, соответствующую по времени периоду Кобан III-А, т.е. второй пол. 10 - концу 9 вв. по В.И. Козенковой [9, с.96 сл.; 10, с.76; 11, с. 12;]. В то же время анализ комплекса из с. Приморское не учитывает мно-

гих других археологических параллелей и мнений специалистов. Так, А.И.Иванчик сближает фибулу из данного комплекса с образцами из тлийских погребений 6б и 1ба, включенных Б.В.Теховым в группу погребений 12-10 вв. до н.э. [12, с.15,22]. Важно, что в погр.Гли-6б присутствует кинжал, аналогичный находке из комплекса в с. Приморском [12, рис.51, /]. Но здесь же находилась и бронзовая катушкообразная подвеска, подобная которой встречена в могильнике "Лермонтовская скала (у реки)" вместе с наконечником стрелы позднежаботинского типа с шипом [13, с.98,197, рис.10, 1,2]. К тому же кинжалы аналогичного типа (гр.І, тип III, по Р. Папуашвили) [14, с.1, 4, рис.1] найдены в мог. № 1 у с.Эргета Зугдидского района Грузии, и датированы Т.К.Микеладзе 7 в. до н.э., с чем согласны Г.Р.Цецхладзе и М.Ю.Трейстер [15, р.2-3].

Именно сами колхидские аналогии и даты мало использованы А.И.Иванчиком. Между тем, например, наконечники копий из погр. в с. Приморском находят близкие соответствия в могильнике Красный маяк, материалы которого не учтены А.И. Иванчиком, особенно в погр.63 (93), входящем в старшую группу захоронений (8-7 вв. до н.э., по Г.А.Лордкипанидзе) [16, с. 129, табл.ХІІІ, 1-2; 17, с.46]. Особенно примечательно то, что топор из погр.63 (93) входит в число образцов "новочеркасской" серии [18, с.96; 19, с. 165]. Дата самого Новочеркасского клада даже в удревненной версии В.И.Козенковой обозначается не ранее первой пол. 8 в. до н.э. [20, с.34]. Я же, вслед за А.А.Иессеном, отношу его ко времени не позже рубежа 8-7 вв. до н.э. [21, с. 109]. Скорее всего, самый рубеж этих веков и является его действительной датой. Примерно к этому же времени относил погр. 63 (93) Красного маяка и Ю.Н.Воронов [8, с.8 сл.]. Таким образом, комплекс из с.Приморского вряд ли может быть датирован временем ранее 8 в. до н.э.

Сам А.И. Иванчик вынужден констатировать либо отсутствие необходимых данных по шлемам из Закавказья, которыми он оперирует, либо их очень плохую сохранность, а в имеющихся описаниях - зависимость от общих указаний публикаторов (первый Арчадзорский курган, погр. 16 Трельского могильника, Бешташени) [3, с.209]. Теперь совершенно очевидно, что шлем из Бешташени - наиболее ранняя находка подобного типа на Кавказе, о *контуре* которой мы имеем *самое общее представление* по фотографии погребения, помещенной Б.А.Куфтиным [27, табл.ХL]. При этом нужно подчеркнуть, что шлем этот не изучался непосредственно никем из современных исследователей, он не отреставрирован, что лишает А.И. Иванчика, вкупе со сказанным по другим закавказским находкам, четкой доказательной базы. Таким образом, вполне возможно, что клепаные шлемы с нащечниками действительно были в ходу в Закавказье еще в 13-12 вв. до н.э. (о чем, как будто, говорят и арчадзорские шлемы). После этого времени **в течение нескольких столетий о них нет никаких сведений**. Следует обратить особое внимание на шлем из Трельского мог. на территории Большого

Тбилиси. Даже те его остатки, которые опубликованы Р.М.Абрамишвили [28, S.25, abb.3, 1] недвусмысленно дают понять, что это шлем *другого типа*, не конический, а *полусферический*, да еще увенчанный покато уступчатой шишечкой-шпилем, близкий шлемам с базальтовых рельефов из Zincirli [29, S.224f.]. Но дело не только в этом. Досаднее всего то, что А.И. Иванчик пытается датировать его рубежом 9—8 вв. или нач. 8 в., т.е. всячески "отодвинуть" находку от времени киммерийских походов, замалчивая тот факт, что погр.16 Трельского могильника имеет две радиоуглеродные даты: 650 ± 50 (Санкт-Петербургская лаборатория), 780 ± 130 (Тбилисская лаборатория), т.е. 8 - первую пол. 7 вв. до н.э. Добавим, что А.И.Иванчику осталось неизвестным то, что погр.16 Трельского могильника было еще при первой, предварительной публикации, датировано Р.М.Абрамишвили 8-7 вв. до н.э., и эта дата была впоследствии еще раз подтверждена [22, с.28; 23, с. 18]. Итак, трельский шлем, как и шлем из с.Приморское, при всей своей информативной ущербности, все же укладываются в рамки 8-7 вв. до н.э. Получается, что следующая после 13-12 вв. до н.э. "волна" появления клепаных шлемов - время киммерийского движения в Закавказье и Западную Азию. Тем важнее, где найден шлем из с.Приморского, "знаковый" для А.И.Иванчика. Это Северная Колхида, т.е. район, *по которому пролегали трассы киммерийских вторжений*. В данной связи главным обстоятельством представляется *культурно-исторический контекст комплексных северокавказских находок* (на что совершенно не обращает внимания А.И.Иванчик). Шлемы из Пятигорья обнаружены в могильнике Клиньярь III в "свите" других материалов, генезис которых связан с Колхидой - пекторалей, бронзовых браслетов с глиняным наполнителем, изготовленных по технологии исходного центра. Кроме того, из Колхиды поступало бронзовое и железное оружие, а также другие предметы, найденные в "западнокобанских" древностях конца 8 - нач. 7 вв. до н.э. Я считаю их маркерами именно колхидского пути киммерийских походов [24, с.82]. Нельзя забывать и о том, что шлемы и другие называвшиеся выше вещи, были обнаружены *с чешуйчатыми панцирями ассиро-урартского типа или их деталями*, чего также не учел А.И.Иванчик (напр., шлем из погр. 1987 г., топоры новочеркасского типа из погр. 4 мог. "Индустрия"). Все это необходимо, на наш взгляд, рассматривать не изолированно, как А.И.Иванчик, а *в комплексе*, как эпохальное явление, отражающее события *определенного отрезка времени*. Концентрация колхидских маркеров в могильнике Клиньярь III, вряд ли отражает просто торговые связи.

И еще одно обстоятельство. А.И.Иванчик настаивает на том, что принципиальное различие между кавказскими и переднеазиатскими шлемами состоит в том, что первые - клепаные, а вторые - литые. Но Л.К.Галанина отмечает, что древневосточные шлемы (в отличие от литых "кубанских") были в основном *коваными* [25, с.180].

Таким образом, попытки А.И. Иванчика датировать клин-ярские шлемы 10-9 вв. до н.э. не могут быть признаны состоятельными. Особенно неприемлемы они потому, что в комплексах с клин-ярскими шлемами найдено железное и биметаллическое оружие, которое лишней раз подчеркивает то, что эти шлемы, как и бешташенский, принадлежат к совершенно разным историческим эпохам. В горизонте материалов 10-9 вв. до н.э., т.е. конца белозерского и начала раннечерногородского времени (= периоду Кобан ША) из Предкавказья в твердо датированных комплексах нет ни такого количества железного и бронзово-железного вооружения, ни таких его развитых категорий [9, с.95 сл.; 19, с.144 сл.; 26, с.24 сл.].

Что же до внутреннего членения ассирио-урартских шлемов по периодам внутри 9 - первой пол. 7 вв. до н.э., чему А.И.Иванчик посвятил значительную часть своей работы, то теперь перед исследователями стоит задача параллельного самостоятельного анализа всех имеющихся данных, ибо, как показал разбор некоторых положений статьи А.И. Иванчика, ее автор порой субъективен в подборе аналогий и трактовке материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хохоровский Я. Хронология киммерийских памятников в Средней Европе.-Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья V тыс. до н.э. Вв. н.э. Тирасполь, 1994.
2. Эрлих В. Р. К проблеме связей Предкавказья и Средней Европы в новочеркасский период. - МИАР, №1, М., 1997.
3. Иванчик А.И. О так называемых "передневокавказских" шлемах, найденных на Кавказе. - Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии М.,2000.
4. Белинский А.Б. К вопросу о времени появления шлемов ассирийского типа на Северном Кавказе.- СА. 1990. № 4.
5. Пицхелаури К.Н. Основные проблемы истории племен Восточной Грузии (XV -VII вв. до н.э.).-Автореф. дисс... докт ист. наук. Тбилиси, 1972.
6. Пицхелаури К.Н. Восточная Грузия в конце бронзового века. Тбилиси, 1979.
7. Абрамишвили Р.М. К вопросу об освоении железа на территории Восточной Грузии.- Вестник Гос. музея Грузии, Т.XXII-В, 1961.
8. Воронов Ю.Л. Восточное Причерноморье в железном веке (Вопросы хронологии и интерпретации памятников VIIIв. до н.э. - VIII в. н.э.).- Автореф. дисс..докт. ист. наук. М., 1984.
9. Козенкова В.И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М., 1996.
10. Скаков А.Ю. К вопросу об эволюции декора кобано-колхидских бронзовых топоров.- Древности Евразии. М.,1997.
11. Скаков А.Ю. Об одной из групп кобано-колхидских орнаментированных топоров.- ИАА. Вып. 4, Армавир-Москва, 1998.
12. Техов Б.В. Тлийский могильник (комплексы XVI-Хвв. до н.э.). Тбилиси, 1980.
13. Березин Я.Б., Дударев С.Л. Могильник "Лермонтовская скала (уреки)"- памятник раннего железного века Пятигорья- Материалы по изучению-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. 1 Археология Ставрополь, 1998.

14. Папуашвили Р. Колхидские кинжалы. Тбилиси, 1990.
15. Tsetsckhadze G.R., Treister M.Yu. The Metallurgy and Production of Precious Metals in Colchis Before and After the Arrival of the Ionians (Towards the problem of the reasons for Greek colonisation).-Bulletin of the Metals Museum, Vol.24, 1995.
16. Трапи М.М. Труды. Древний Сухуми. Сухуми, 1969.
17. Лордкипанидзе Г.А.. Колхида в VI-IVвв. до н.э. Тбилиси, 1978.
18. Дударев С.Л. К вопросу о колхидо-кобанском импорте в Восточной Европе.- Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. ТД. Донецк, 1979.
19. Дударев С.Л. . Взаимоотношения племен Северного Кавказа с кочевниками Юго-Восточной Европы в предкифскую эпоху. Армавир, 1999.
20. Козенкова В.И. Памятники новочеркасского типа: истоки формирования, культурно-исторический аспект развития (взгляд с гор).- XVIII "Крупновские чтения" по археологии Северного Кавказа. ТД. Кисловодск, 1994.
21. Иессен А.А. К вопросу о памятниках VIII-VII вв. до н.э. на юге Европейской части СССР.- СА. XVIII. 1953.
22. Абрамишвили Р.М. Археологические исследования на новостройках Большого Тбилиси.- Археологические исследования на новостройках Грузинской ССР. Тбилиси, 1976.
23. Тбилиси. Археологические памятники. I. Тбилиси. 1978.
24. Дударев С.Л. К вопросу о месте "киммерийских" комплексов из Западной Азии в системе хронологических и культурных связей Причерноморья, Кавказа и восточных районов Евразии.- ВДИ. 1998. № 4.
25. Галанина Л.К. Шлемы кубанского типа (вопросы хронологии и происхождения).- Культурное наследие Востока. Проблемы, поиски, суждения Л., 1985.
26. Дударев С.Л. О хронологии некоторых памятников конца II - начала I тысячелетия до н.э. из Чечено-Ингушетии.- Проблемы хронологии погребальных памятников Чечено-Ингушетии. Грозный, 1986.
27. Куфтин Б.А. Археологические раскопки в Триалети. I. Опыт периодизации памятников. Тбилиси, 1941.
28. Abramischwili R. Neue Angaben über die Existenz des Thrako-Kimmerischen Ethnischen Elements und des Sog. Skythischen Reiches im Osten Transkaukasiens.- Archäologischer Anzeiger. 1995. H. 1.
29. Das Vorderasiatische Museum Berlin. Berlin, 2001.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД РАНЕСКИФСКОЙ ЭПОХИ

Период скифской архаики представляется исключительно важным для выяснения целого ряда дискуссионных вопросов, касающихся генезиса и расселения скифов, их взаимовлияния с другими народами.

В целом археологические памятники этого периода немногочисленны и хорошо изучены. Существуют сводки и обобщающие монографии как по отдельным могильникам и погребениям, так и по целым регионам [2; 3; 11; 14 и др.]. Определены критерии выделения собственно скифских архаических комплексов и их хронологические рамки, увязанные с датировками античного и переднеазиатского импорта [4, с 185 сл.].

Однако не весь раскопанный материал, относящийся к этому периоду, атрибутирован и опубликован. В связи с этим возникает впечатление, что некоторые регионы (напр., степное Прикубанье) вообще не имеют памятников периода скифской архаики. Сводка таких памятников с территорий Нижнего Подонья и степного Прикубанья, включающая более 70 комплексов, и составленная по материалам печати, архивным материалам АКМ, РОМК, КГИАМЗ, позволяет уточнить и дополнить представления о периоде скифской архаики.

Как уже отмечалось, с большой степенью уверенности можно сказать, что раннескифский погребальный обряд неоднороден, [8, с.90; 9, с. 12 и др.]. В нем, в зависимости от обряда и положения костяка в могиле, коррелирующих с инвентарными наборами, выделяется несколько групп. Как правило, все архаические погребения скифского периода совершались в прямоугольных ямах и в подбойных могилах, впущенных в центр, северную или западную часть насыпи кургана на небольшой глубине.

Самая многочисленная группа включает погребения в вытянутом на спине положении с 3 ориентировкой (49 комплексов). Часто использовались камышовые заклады, подстилки, заупокойная пища - нижняя часть барана-ставилась в изголовье. Там же помещался сосуд, как правило, толстостенный, лепной, неорнаментированный. В инвентарных наборах часто встречаются костяные грибовидные поделки, костяные застёжки-палочки; стрелы, как правило, в незначительном количестве (2-10), очень редки большие колчаные наборы (Новоалександровка 7/8). Стрелы обычно представлены архаическими типами и не выходят за пределы 2 этапа РСК по классификации Коссака - Медведской [15]. Часто встречаются камни: необработанные гальки, куски песчаника, кремневые отщепы, куски серы и др. Изредка - предметы импорта, представленные античной керамикой конца 7 - нач. 6 вв. до н. э. [13, с. 37]. На Дону это погр. Новоалександровка 7/8, Красногоровка III-14/5, Бушуйка 2/10, Хапры 1/25; в степном Прикубанье - Лебеди II-11/8. В этой серии погребений практически отсутствуют предметы, деко-

рированные в скифском зверином стиле. Исключением является погр.8 кург.7 у с. Новоалександровка, выделяющееся из прочих количеством вооружения и сакральной значимостью погребального инвентаря.

Вторая группа содержит труположения на левом боку, с западной ориентировкой и элементами слабой скорченности (9 комплексов). В инвентаре встречаются: 1-2 стрелы иногда с ромбической формой пера архаичных типов, один орнаментированный сосуд, костяные грибовидные поделки и застёжки-палочки. Единичные экземпляры стрел позволяют предположить скорее их ритуальное, чем военное, назначение.

Третья группа отличается от предыдущих, и по количеству комплексов (15) занимает промежуточное положение между первой и второй. Отличия прослеживаются в конструкции могильного сооружения, в обряде, в положении костяка, в некоторых деталях инвентарного набора.

За основу классификации была взята наиболее характерная черта - положение костяка на правом боку с элементами слабой скорченности, лицевая часть черепа ориентирована на Ю при характерной для всех ранне-скифских погребений западной ориентировке. По-видимому, значимым признаком для этих погребений является неестественное положение верхних конечностей: правая вытянута и отведена в сторону, левая согнута в локте, кисть у лица, плеча или таза.

Кроме подбойных могил существуют также прямоугольные и подквадратные ямы, иногда содержащие деревянные конструкции и перекрытые камышом. Кроме впускных, иногда фиксируются основные погребения, некоторые из которых окружены ровиками (Константиновск, Новопапестинский II), и кольцевыми выкидами из могилы (Красногоровка III -14/5).

Иногда в погребениях фиксируются следы огненного ритуала (угли в заполнении, частично сожженный настил или перекрытие), жертвоприношения лошадей (наличие конских черепов и иногда конечностей в погребениях), подсыпка мелом, необработанные гальки у черепа и в левой руке, сочетание орнаментированного и неорнаментированного сосудов в одном комплексе. Их особенность - наличие изделий, декорированных в скифском зверином стиле при отсутствии предметов вооружения. Встречаются в них и костяные "столбики".

Таким образом, материал дает основания для выделения погребений с положением костяка на правом боку в обособленную группу. СИ. Лукья-яшко связал некоторые погребения этой группы с вернувшимися из переднеазиатских походов скифами и считал, что они не оставили значительного следа в степи [9, с. 12].

Поиск аналогий погребениям с положением костяка на правом боку в раннескифских комплексах с других территорий выявил некоторые интересные детали. Прежде всего, надо отметить редкость подобных комплексов, их ранние датировки "предкелермесским" [5, с.30] и "киммерийским" [12, с. 62] временем. Погр. 1/3 из Ильевского мог. анало-

гично погр. из Константиновска положением костяка и рук, наличием конского черепа, сочетанием орнаментированного и неорнаментированного сосудов, один из которых аналогичен константиновскому [Ср.: 12, с. 61 сл.]. Сходство "Малого кургана" в Мильско-Карабахской степи и константиновского погр. уже отмечалась [6, с. 171]; можно лишь акцентировать внимание на наличии конских черепов в обоих погребениях. Целая серия донских погребений, определяемая как переходные от периода бронзы к железу [11], имеет признаки выделяемой группы. Это погр.4/4 из мог. Кастырский-6 Константиновского р-на (труположение на правом боку с 3 ориентировкой, в инвентаре два сосуда, один из которых орнаментированный) [11, с. 48]; погр. 3/6 группы Баранчук Песчанокопского р-на (слабоскорченное труположение с 3 ориентировкой, под костями меловая подсыпка, за головой орнаментированный лощеный кубок и кости барана) [7, с. 173]; погр. 5/4 той же группы (вытянутое труположение с 3 ориентировкой, у правого плеча орнаментированный округлотелый кубок с петлевидной ручкой и лепной сосуд баночного типа) [10, с. 123 сл.]; погр. 5/5 той же группы (без-инвентарное вытянутое труположение на правом боку, перед грудью и за спиной - остатки деревянных плашек) [10, с. 125]; погр. 132/10 у х. Новый Мартыновского р-на (труположение на правом боку со слабо подогнутыми ногами, ориентировка ЮЗ, под скелетом мощный слой черного тлена и меловой подсыпки, в заполнении фрагменты сосуда) [11, с. 80]; погр.2/6 мог.Сагван-2 Семикаракорского р-на (слабоскорченное на правом боку, СЗ ориентировка, перед черепом лепной сосуд со сливом, у таза кости животных) [11, с. 81]. Аналогичны по обряду погр. 1/1, 1/2, 3/6 у х.Веселого Веселовского р-на (два безинвентарные, одно с астрагалами и биконическим сосудом) А.И.Тереножкин определил как предскифские [16, с.38]. Стратиграфические наблюдения также позволяют определять погребения с положением на правом боку как более древние в сравнении с традиционно скифскими. Так, погр. 30/9 мог. Высочино перекрыто погр. 30/8 с типично скифским инвентарем [1].

Кроме этого, можно предположить социальную неоднородность погребений выделяемой группы, поскольку есть как "богатые" погребения со следами конских жертвоприношений под индивидуальными насыпями, так и безинвентарные. Необходимо отметить, что "богатство" и "бедность" в этом случае понятия скорее условные, поскольку все погребения данного периода на территории Подонья и степного Прикубанья содержат мало вещей. Можно предположить, что основные погребения со следами конских жертвоприношений, со рвами и предметами импорта, а также предметами, декорированными в скифо-сибирском зверином стиле, являются погребениями социальной верхушки.

Выделенность этих погребений контрастирует с незначительным количеством оружия (безусловно, богатое погр. "Малого кургана" содержит обломки копья и два наконечника стрелы, положенные туда с явно риту-

альной целью; для Нижнего Дона - это единственный наконечник меча в погр. у Константиновска; погр. 14/5 мог. Красногоровка III ограблено, но почему-то не сохранились обычные в таких случаях наконечники стрел, детали горита и т.д.). Отсутствие оружия в этой группе, вероятнее всего, свидетельствует об обрядовых требованиях, поскольку предположение о делении погребений по половозрастным признакам не подтверждается: среди этой серии есть мужские (7), женские (3) и неопределенные (14).

В наиболее богатых погребениях этой группы зафиксированы следы ритуалов с использованием коня. В константиновском погр. черепа лошадей зафиксированы в С и 3 частях рва, в красногоровском череп лошади в С секторе насыпи, в погр. Донской 1/24 кости коня в С половине могильной ямы, в ильевском череп к С от погребенной, в "Малом кургане" череп коня с уздечным набором за спиной погребенного к С от костяка.

Очевидно, рвы так же были необходимой частью погребального обряда, так как фиксируется их ритуальное использование: в константиновском погребении в С и 3 частях рва - остатки конских черепов, в СЗ части рва - разбитое каменное блюдо; в кург. 5 мог. Новопалестинский II также зафиксирован ров с остатками многочисленных ритуальных действий: разбитое каменное блюдо в В части, останки собаки, скопление галек, бикони-ческое пряслице в С части [17]. Известно, что рвы - характерная деталь самых ранних скифских (Новозаведенное, Стеблев) и даже предскифских (Квитки) комплексов. Это может быть дополнительным аргументом в пользу более ранних относительных датировок погребений выделяемой группы среди прочих архаических.

Все эти наблюдения позволяют сделать следующие выводы. Погребения выделяемой группы на шкале относительной хронологии должны предшествовать скифским архаическим с вытянутым положением костяка и западной ориентировкой. Выделяемая группа погребений, несомненно, более ранняя, продолжает существовать и позднее, то есть, некоторые ее погребения синхронны архаическим скифским, что может свидетельствовать в пользу этнической или социальной обособленности людей, погребаемых в соответствии с вышеописанным обрядом. Нижнедонские погребения, отнесенные к переходному периоду от эпохи бронзы к железу, совершенные в соответствии с вышеописанным обрядом, можно считать относящимися к данной группе, тем более что для многих из них также характерно сочетание орнаментированной и неорнаментированной керамики. Неоднородность погребений, по-видимому, является следствием социальной неоднородности древних коллективов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалый Е.М., Парусимов И.В. Отчет Приморского отряда АДЭ за 1986 г. Архив АКМ, КВФ 10647.
2. Галанина Л.К. Келермесские курганы. М, 1997.

АНТОРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ СКИФСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ БЕГЛИЦКОГО НЕКРОПОЛЯ

3. Дубовская О.Р. О некоторых критериях отбора раннескифских погребений циркум-меотийского региона.- Проблемы охраны и исследования памятников археологии в Донбассе. Донецк, 1989.
4. Дубовская О.Р. Раннескифские погребения у ст. Новокорсунской.- СА. 1990 № 4.
5. Иессен А. А. Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. - МИА №125 М, 1965.
6. Кияшко В.Я., Кореняко В.А. Погребение раннего железного века у г. Константиновска-на-Дону.- СА. 1976. №1.
7. Кореняко В. А., Максименко В.Е. Погребения раннежелезного века в бассейне Нижнего Дона.- СА. 1978. №3
8. Лесков А.М. Предскифский период в степях Северного Причерноморья, МИА № 177 М, 1971.
9. Лукьяшко СИ. Этнополитическая история и экономические связи кочевого населения Нижнего Дона в VIII-III вв. до. н. э. Автореферат дисс к.и.м. М., 1990.
10. Лукьяшко СИ. Погребения раннего железного века из районов левобережья Среднего Маныча.- ИАИАНД. Вып. 14. Азов, 1997.
11. Лукьяшко СИ. Предскифский период на Нижнем Дону. Азов, 1999.
12. Мамонтов В.И. Погребение VIII в. до н. э. из Ильевского курганного могильника КСИИ. Вып. 186.
13. Монахов СЮ. Греческие амфоры в Причерноморье. Саратов, 1999.
14. Мурзин В.Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья Киев, 1984.
15. Рябкова Т.В. К вопросу о хронологии архаических скифских комплексов Нижнего Подонья и Прикубанья.- АЦВМ (Материалы 7-го археологического семинара) Краснодар, 2000.
16. Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976.
17. Яценко В.В. Альбом иллюстраций к отчету о раскопках могильника Новопапестинский II в Песчанокопском районе Ростовской области в 1999 г. Азов 2000 Архив АКМ, КВФ 12812.

Беглицкий некрополь расположен на южной окраине с. Беглицкая коса Неклиновского района Ростовской области. С 1950 г. исследование могильника периодически проводится в основном в ходе спасательных работ [7], так как в результате обрушения береговой линии (до нескольких метров в год) происходит сползание памятника в Азовское море. Из-за размывания морем определить истинные размеры могильника не представляется возможным, сохранившийся участок раскопан еще не полностью. Открыты подкурганые и бескурганые погребения второй пол. 5 - первой пол. 3 вв. до н. э., принадлежащие скифам, а также отдельные погребения кочевников 8-10 и 12-14 вв. н.э. Поселение, которому принадлежал могильник, не обнаружено, возможно, оно уже находится на морском дне.

Материалом для настоящего исследования послужили костные останки человека из раскопок на Беглицком некрополе в 1990-95 гг. [7-11]. Во время этих работ было открыто 57 погребений, из них 48 скифского времени. Из последних на исследование поступило 13 мужских, 30 женских и 12 детских костяков, в двух погребениях взрослых был определен только возраст. Сохранность костей в основном плохая, после реставрации измерены 4 мужских и 5 женских черепов (Табл. 1).

В полученной выборке были посчитаны демографические показатели: половозрастные соотношения, средний возраст смерти, распределение взрослых и детей по возрастам.

Демография. При палеодемографическом анализе для репрезентативности выборки необходимо, чтобы проводился полный сбор костного материала, чтобы материал происходил из полностью или почти полностью раскопанного могильника, был однородным по культурной принадлежности и достаточным по численности. Представительность выборки определяется также ее демографическими характеристиками - нормальным соотношением полов и возрастных групп [1; 12].

Определить, какая часть Беглицкого могильника раскопана, мы не имеем возможности. Остеологический материал исследовался практически полностью в течение шести лет и однороден в культурном отношении. Характеристики выборки представлены в таблицах 2-5.

Мужчины составляют в выборке 22.8%, женщины 52.6%. Всего взрослых 78.9%, детей 21.1% (Табл.2). Более 23% женщин умирали до 25 лет, а в мужской группе моложе 25 лет нет ни одного погребенного (Табл. 3, Рис. 1). Средняя продолжительность жизни у мужчин 36.2 года, у женщин 29.9 лет, средняя продолжительность жизни населения с учетом детей 26.3 лет (Табл. 4). Первый пик детской смертности приходится на возраст до года, второй на 6-9 лет (Табл. 5, Рис. 2.).

Количество детских скелетов, распределение умерших детей и взрослых по возрастным категориям, а также продолжительность жизни в Беглицкой популяции, соответствуют особенностям, общим для древних популяций от энеолита до средневековья: высокая детская смертность, большее влияние условий существования на женщин, средняя продолжительность жизни, колеблющаяся ок. 40 лет, а с учетом детской смертности немногим более 20 лет [1, с.3 сл.; 4, с.148 сл.; 6, с.87 сл.; 12, с.67 сл. и др.].

У женщин Беглицкой популяции продолжительность жизни намного ниже, чем у мужчин, так как большая часть их умирала в репродуктивном периоде. Это является обычным для древних могильников и, по-видимому, связано с различными родовыми осложнениями. Высокая младенческая смертность в могильнике, косвенно подтверждает невысокий уровень родовспоможения в популяции.

В рассматриваемой выборке наблюдается перекося в соотношении мужских и женских скелетов. Число женских погребений значительно превышает число мужских.

С одной стороны, так как могильник исследован не полностью, вполне вероятно, что раскопанный в участок имеет в его пределах свою специфику, связанную с традициями погребения данной группы населения, как это можно наблюдать на некрополях Танаиса и Кобяковского городища. На этих могильниках отчетливо выделяются участки с преобладанием мужских, женских или детских погребений. Обращает на себя внимание то, что в обследованной выборке из Беглицкого некрополя в подкурганых погребениях были похоронены только мужчины, хотя и не все мужские погребения имели курганные конструкции. С другой стороны, преобладание числа женских погребений над числом мужских может быть косвенным свидетельством в пользу того, что могильник принадлежал укрепленному постоянному поселению.

В ряде погребений были отмечены различные патологические изменения на зубах и костях скелета умерших.

В погр. 2 кург. 3 (1990) у мужчины 35-40 лет наблюдается остеофитоз коленного сустава, а также следы посттравматического воспалительного процесса на нижнем конце левой большой берцовой кости в виде продолговатого углубления. В погр. 10 траншеи II Р. X (1992) у мужчины 30-35 лет спондилоз поясничных позвонков и прижизненная утрата нижнего правого второго резца. В погр. 11 траншеи III раскопа X (1992) у мужчины 30-35 лет спондилоз. В погребении 3 площади 4 Р. XV (1993) у мужчины 25-30 лет зубочелюстная патология с образованием свищевого хода на альвеоле верхнего левого первого резца.

В погр. 3 траншеи II Р. X (1992) у женщины 35-40 лет кариес нижнего второго левого премоляра и множественная зубочелюстная патология. В погр. 8 траншеи II Р. XVI (1995) у женщины 30-35 лет на правых большой и

малой берцовых костях наблюдается искривление и образование костных мозолей в результате двойного перелома.

В таблице 6 показана частота встречаемости обнаруженных в могильнике патологий. Процент патологий вычислялся отдельно у мужчин и у женщин, на черепе - относительно общего количества обследованных черепов, на скелете - относительно общего количества обследованных скелетов.

В мужской части рассматриваемой выборки зубочелюстная патология встречается в 11% случаев, почти в два с половиной раза чаще, чем в женской подгруппе (4.5%). На мужских скелетах отмечены прижизненная утрата зубов и поражения костной системы, а на женских они не обнаружены. Это, видимо, связано с большим процентом погребенных возмужалого возраста в мужской подгруппе.

В женской выборке обнаружен кариес, который может быть маркером нарушения иммунитета и общего состояния здоровья индивида [2, с.21]. Уровень травматизма у женщин не намного ниже, чем у мужчин и отмеченные травмы носят осложненный характер (неправильно сросшийся двойной перелом).

В целом частота наблюдаемых патологий и уровень травматизма в группе невелики, что свидетельствует об относительно благоприятной и спокойной обстановке.

Краниология. Мужские черепа серии характеризуются большим продольным и малым поперечным диаметрами. По черепному указателю резко долихокраничные. Выраженность рельефа на черепе средняя. Лицо хорошо профилированное, с резко выступающим носом, среднеширокое и средне-высокое, по указателю узкое. Орбита и нос характеризуются средними величинами. Три мужских черепа из четырех могут быть отнесены к средиземноморскому варианту большой европеоидной расы. Только один мужской череп отличается от других уплощенностью лица и относительно высокими орбитами.

Женские черепа в среднем по группе очень длинные и средние по ширине, преимущественно долихокраничные. Лицо широкое и средневысокое (по указателю среднеширокое). Орбита средневысокая и низкая, по индексу средневысокая. Нос средних величин, хорошо выступающий.

При оценке на индивидуальном уровне, женская выборка оказывается менее однородной, по сравнению с мужской. У трех из пяти черепов относительно широкое лицо и широкий нос, у двух женских черепов из пяти заметная уплощенность на уровне орбит, а женский череп из погребения 3 (1990) обнаруживает уплощенную переносицу и слабое выступание носовых костей.

Плохая сохранность и малочисленность материала ограничивают возможности сравнения характеристик серии с другими группами этого времени [3; 5], но можно отметить определенное сходство мужских и жен-

ских черепов Беглицкого некрополя с долихокранным вариантом могильников Боспора и скифских серий Украины и Крыма (Рис. 3).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В.П. Палеодемография СССР.- СА. 1972. №1.
2. Бужилова А.П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М, 1995.
3. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М, 1987.
4. Козинцев А.Г. Демография тагарских могильников, - СЭ, 1971, №6.
5. Кондукторова Т.С. Физический тип людей Нижнего Приднепровья на рубеже нашей эры (по материалам могильника Николаевка-Казацкое). М., 1979.
6. Мовсесян А.А. Палеодемография Чукотки.- ВА. Вып. 73. М. 1984.
7. Прохорова Т.А. Раскопки некрополя на Беглицкой косе в 1990-1991 году.- ИАИА, Вып. 11 Азов, 1993.
8. Прохорова Т.А. Раскопки Беглицкого некрополя.- ИАИА. Вып. 12. Азов, 1994.
9. Прохорова Т.А. Раскопки Беглицкого некрополя в 1993 году.- ИАИА. Вып. 13. Азов, 1994.
10. Прохорова Т.А. Раскопки некрополя на Беглицкой косе.- ИАИА. Вып. 14. Азов. 1997.
11. Прохорова Т.А. Раскопки Беглицкого некрополя в 1995 году.- ИАИА. Вып. 15. Азов, 1998
12. Романова Г.П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни на селения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы.- ВА, Вып.82. М. 1989.
13. Яблонский Л. Т. К палеодемографии населения средневекового города Сарая Бату (Селитренное городище).- СЭ. 1980. №1.

Таблица 1. Индивидуальные и средние размеры черепов из Беглицкого некрополя.

Пол, погребение Имя № Возраст (лет)	Мужские черепы				Женские черепы				Среднее арфметическое метриче
	1990 г. кур-ган 3 погребение 2	1992 г. рас-коп X погребение 10	1993 г. рас-коп XV площадь 4 погребение 3	1994 г. рас-коп XV площадь 4 погребение 7	1990 г. рас-коп XI площадь 18 погребение 3 (второй)	1992 г. рас-коп X греша II погребение 3, (вытянутый)	1992 г. рас-коп X греша II погребение 3	1993 г. рас-коп XV площадь 4 погребение 4	
Полная (№ по Маргину)	752	757	760	763	753	756	756/1	762	764
1	2	3	4	5	6	8	9	10	11
Старше 45	40-45	40-45	40-45	40-45	40-45	40-45	40-45	30-35	35-40
1. Продольный диаметр	192	192	189	190	179	184	191	185	168
5. Длина основания черепа	114	114	136	137	110	110	114,0		80
8. Поперечный диаметр	100	100	95	140	133	139	141	135	135
9. Наименьшая ширина лба	114	114	116	117	93	93	99	101	89
10. Наибольшая ширина лба	124	124	120	121	116	110	122	116	108
11. Ширина основания черепа	117	117	109	98	108	125	127	114	122
12. Ширина затылка (ba-br)	149	149			134	113	116	103	102
17. Высотный диаметр (pro-br)	124,5	124,5	113,8	117,0	110,1	104,6	109,95	114,1	109,7
20. Высотный диаметр лица	130	130	130	131	123,7	139	137,7	124	132
40. Длина основания лица	105	105	104	104,5	106		108		82
43. Верхняя ширина лица	130	130	130	130,3	123,7	139	137,7	124	132
45. Скуловой диаметр									

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Указатели											
45-8. Поперечный фацио - церабральный		95,6	94,9	93,6	94,7	92,5?	100,0	97,2?	91,9	97,8	95,9
48-17. Вертикальный фацио - церабральный		46,98			47,0	50,0				47,7	48,8
9-45. Лобно - скуловой		76,9	73,1		75,0	75,6?	66,9	72,3?	81,5	67,4	72,7
40-5. Выступания лица						96,4				102,5	99,4
47-45. Общий лицевой		88,5	91,5	89,3	89,8		79,1		91,9	77,3	82,8
48-45. Верхний лицевой		53,9	56,2	54,96	55,0	54,5?	46,0	49,6?	60,5	46,2	51,4
54-55. Носовой	48,00		48,2	50,0	48,7	42,3	55,6	50,0?		51,1	49,7
MS:MC. Максиллофонтальный			39,1		39,1	44,4			57,9		51,2
SS:SC. Симметричный			50,0		50,0	36,4			54,6		45,5
52-51. Орбитный mf	80,49	85,0	76,7	80,5	80,7	85,0	81,6	73,8	75,0	86,5	80,4
8-1. Поперечно - продольный		70,8	72,5	73,7	72,3	74,3	75,5	73,8	72,97	80,4	75,4
17-1. Высотно - продольный		77,6			77,6	74,9				76,2	75,5
17-8. Высотно - поперечный		109,6			109,6	100,8				94,8	97,8

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
46. Средняя ширина лица	94	86	98		92,7	82				85	83,5
47. Полная высота лица	114?	115	119	117	116,3		110		114	102	108,7
48. Верхняя высота лица	70?	70	73	72	71,3	67	64	68	75	61	67,0
51. Ширина орбиты от mf	41	40	43	41	41,3	40	38	42	44	37	40,2
52. Высота орбиты	33	34	33	33	33,3	34	31	31	33	32	32,2
54. Ширина носа	24		26	26	25,3	22	25	25?		23	23,8
55. Высота носа	50	52	54	52	52,0	52	45	50	53	45	49,0
MC. Максиллофронтальная ширина		25	23		24,0	18		24	19	19	20,0
MS. Максиллофронтальная высота			9		9,0	8			11		9,5
SC. Симметричная ширина			8		8,0	11			11		11,0
SS. Симметричная высота			4		4,0	4			6		5,0
43-1. Бималлярная ширина fпо-fпо		97	94		95,5	92	95	101	97	88	94,6
Высота п над бималлярной шириной		16	18		17,0	20	14	18	20	14	17,2
zm' - zm'. Зигмаксиллярная ширина		82	98		90,0	85				82	83,5
Высота ss над zm' - zm'		15?	26,5		20,8	25				24	24,5
75-1. Угол выступания носа			30		30,0	20			41		30,5
Клыковая ямка (в мм)			4	3	3,5	3,5		3,5		2	3,0
Нижний край грушевидного отверстия	anthr		anthr	anthr		anthr	inf	anthr		inf	
77. Назо - малярный угол		143,5	138,2		140,9	133,1	147,2	140,8	135,2	144,7	140,2
Зигмо - максилла угол		139,8	123,3		131,6	119,1				119,3	119,2

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Указатели											
45.8. Поперечный фацио - церальный		95,6	94,9	93,6	94,7	92,5?	100,0	97,2?	91,9	97,8	95,9
48.17. Вертикальный фацио - церальный		46,98			47,0	50,0				47,7	48,8
9.45. Лобно - скуловой		76,9	73,1		75,0	75,6?	66,9	72,3?	81,5	67,4	72,7
40.5. Выступания лица						96,4				102,5	99,4
47.45. Общий лицевой		88,5	91,5	89,3	89,8		79,1		91,9	77,3	82,8
48.45. Верхний лицевой		53,9	56,2	54,96	55,0	54,5?	46,0	49,6?	60,5	46,2	51,4
54.55. Носовой	48,00		48,2	50,0	48,7	42,3	55,6	50,0?		51,1	49,7
MS:MC. Максиллофонтальный			39,1		39,1	44,4			57,9		51,2
SS:SC. Симметричный			50,0		50,0	36,4			54,6		45,5
52.51. Орбитальный mF	80,49		76,7	80,5	80,7	85,0	81,6	73,8	75,0	80,5	80,4
8.1. Поперечно - продольный		70,8	72,5	73,7	72,3	74,3	75,5	73,8	72,97	80,4	75,4
17.1. Высота - продольный		77,6			77,6	74,9				76,2	75,5
17.8. Высота - поперечный		109,6			109,6	100,8				94,8	97,8

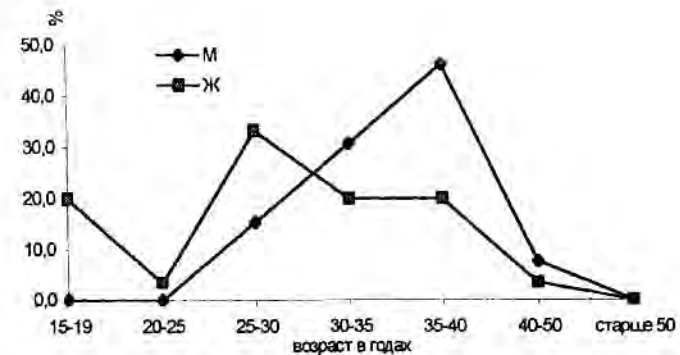

Рис. 1. Распределение мужских и женских погребений по возрасту

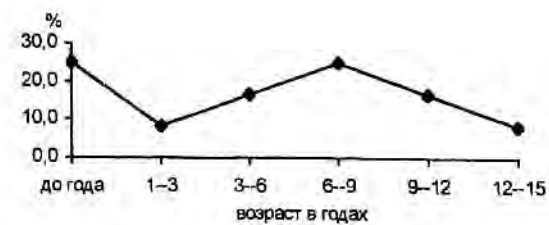

Рис. 2. Распределение детских погребений по возрасту

О КОНСТРУКТИВНЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ЗООМОРФНЫХ КОНСКИХ НАНОСНИКОВ (НАЛОБНИКОВ) ИЗ СКИФСКОГО КУРГАНА КОЗЕЛ

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 01-01-00399а)

Материалы скифского царского кургана 4 века до н.э. Козёл, раскопанного И.Е.Забелиным в 1865 г., хранятся в ГИМ (Инв. № 54746). В коллекцию входят предметы убора 11 коней, традиционные для этого круга памятников. Предметом настоящего исследования являются налобники (или наносники - в литературе приняты оба термина), оформленные в скифском зверином стиле.

В материале кургана есть 11 бронзовых и серебряных наносников, из которых девять относятся к одному типу, широко распространенному в это время. Они имеют зооморфно оформленный плоский щиток, над которым поднимается скульптурное изображение головы животного на длинной шее с большим отверстием для уздечного ремня в основании (Рис. 1,1-2).

Подробно изучая конструкцию налобников, мы обнаружили еще одно сквозное отверстие почти круглого сечения диаметром 3-6 мм, проходящее внутри шеи, идущее, начиная от основания, сквозь голову и выходящее в пасть животного. Встает вопрос: намеренно ли сделано это отверстие или же получилось случайно, в процессе отливки вещи?

По мнению специалиста в области древних технологий Т.Г. Сарачевой,* налобники выполнены в технике литья по выплавляемой модели с утратой формы. При такой технологии обнаруженное нами сквозное отверстие получиться случайно не могло - напротив, нужны были дополнительные усилия, чтобы его сделать. В частности, для этого мог вкладываться специальный изогнутый стержень, скорее всего сделанный из глины. Это отверстие прослежено почти на всех налобниках Козла, и только в двух случаях оно не получилось из-за производственного брака.

Все эти обстоятельства говорят в пользу того, что интересующие нас сквозные отверстия, скорее всего, были сделаны преднамеренно. Утвердиться в этом мнении можно, рассмотрев подобные налобники из других курганов.

Такие предметы в курганах Чертомлык [2, с.86, Рис.56, с.88, Рис.60], Толстая Могила [12, с.44, Рис.27, с.105, Рис.100], Огуз [4, с.124, Рис.5], Мелитопольский [16, с.138, Рис.152, 3, с.140, Рис. 155, 7], Страшная Могила [15, с. 139, Рис.21, 2], Лемешев №1 [ОАК за 1911 г., с.34, Рис.62], Александропольский (ДГС I). Налобники из Чмыревой Могилы, нередко объединяемые с перечисленными (ср., напр.: [12, с. 185; 4, с. 122]), мы в эту группу не включаем из-за значительных внешних различий. Судя по известным

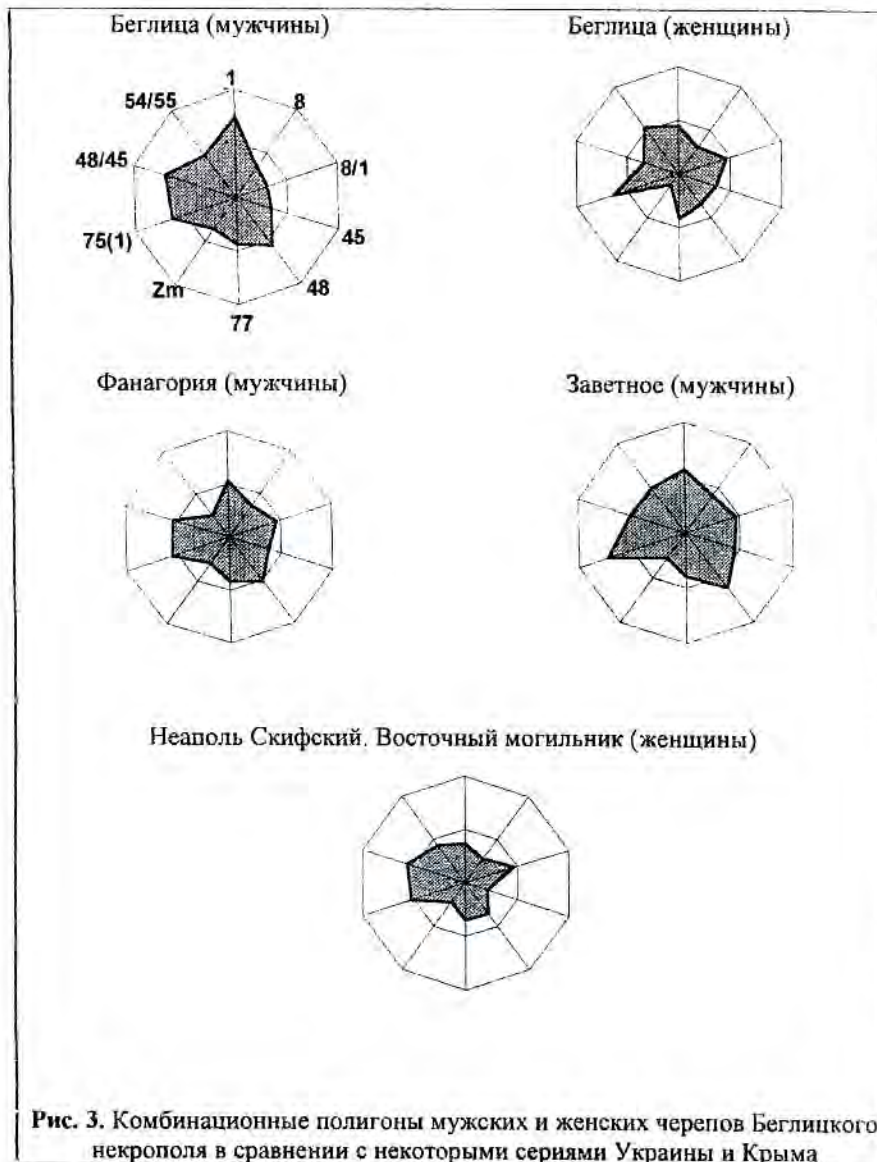

Рис. 3. Комбинационные полигоны мужских и женских черепов Беглицкого некрополя в сравнении с некоторыми сериями Украины и Крыма

нам публикациям вещей, сквозные отверстия до сих пор не привлекали внимания исследователей; во всяком случае, ни в одном из известных нам текстов они не упоминаются. Что же касается изображений таких налобников, то на некоторых из них можно увидеть круглое углубление в центре пасти при изображении предмета анфас - это вещи из Толстой Могилы (Рис. 2, 2) и Огуза (Рис.2, 1). При этом на рисунке огузского налобника снизу, на оборотной стороне щитка в основании шеи зверя, показано углубление такой же формы, как и на налобниках из кургана Козёл. Эти наблюдения, при всей их малочисленности, позволяют предполагать наличие подобных сквозных отверстий и на других налобниках.

Хотя вопросы стилистики изображений на налобниках данного типа не входят в задачу настоящей работы, заметим все же, что эти изображения несколько различаются. Ближе всех к нашим стоят вещи из Чертомлыка, Огуза и Страшной Могилы. Насколько можно судить по рисункам, с ними сближаются предметы из Мелитопольского и Лемешева курганов. Скульптурные изображения на них весьма схематичны: голова зверя практически составлена из таких деталей, как широко раскрытая пасть, огромные глаза, занимающие почти целиком все боковые поверхности головы, и высокие, вертикально торчащие уши. По краю глаза и при этом по краю пасти проходит рубчатый кант, отделяющий эти детали друг от друга. Такой схематизм неоднократно провоцировал исследователей считать, что на подобных налобниках изображены головы фантастических существ (см., напр.: [8, с.46; 15, с. 138; 12, с.185; 2, с. 90]). В.А.Ильинская иногда называет их "львами" или "львиными грифонами" [7, с. 122]. На наш взгляд, нет оснований говорить в данном случае о фантастических существах: на рассмотренных изображениях нет никаких деталей, не совместимых с образом хищного зверя: преувеличенные глаза, уши, раскрытая пасть как таковые характерны для изображений хищников в скифском зверином стиле, а общая схематизация изображений отличает поздние произведения этого искусства.

Косвенным подтверждением нашей трактовки могут служить скульптурные головки на золотых налобниках Толстой Могилы (Рис. 2, 2а). На них присутствуют те же детали, только выполненные и скомпонованные не столь схематично. Глаза, меньше по размеру, расположены не на боковых сторонах головы, а на лбу, в результате чего рубчатый кант просто окаймляет пасть, не заходя за нос животного, расчерченный такими же косыми полосками. В результате изображение выглядит более понятным. Бронзовые же налобники из этого кургана (Рис. 2, 2б) по общему схематизму изображения, преувеличенным круглым глазам и использованию рубчатого канта сближаются с группой, рассмотренной выше, хотя и отличаются от нее менее рельефной моделировкой деталей.

Напомним, что сквозные отверстия замечены нами в налобниках как из курганов Козёл и Огуз, так и из Толстой Могилы. При этом любопытно, что при фронтальном взгляде на предметы из кургана Козёл и подобные им

видно, что основные изобразительные элементы морды животного создают некое нагромождение вокруг круглого отверстия в его пасти. Иными словами, они играют роль своего рода композиционного центра изображения, вокруг которого размещены губы, язык, щеки и нос зверя. В какой-то мере, думается, именно это обстоятельство делает изображения трудно читаемыми и осложняет определение вида животного.

По данным А.Ю.Алексеева, курганы Чертомлык, Козёл и Огуз возведены в третьей четверти 4 в. до н.э., а Толстая Могила - в последней его трети [1, с. 40 сл., 49]. Мнение А.Ю.Алексеева, В.Ю.Мурзина и Р.Ролле, что за 10-20 лет (приблизительная разница во времени между курганами) облик основных предметов конского убора мог стандартизироваться [2, с.90], не вызывает возражений. И если в материалах Толстой Могилы мы наблюдаем просто небольшое круглое отверстие в открытой пасти хищника, то в стандартном варианте вокруг этого отверстия группируются основные детали изображения. Все это возвращает нас к вопросу о его назначении.

Согласно различным реконструкциям конских уборов 4 в. до н.э. (Рис. 3, 2) налобники располагались либо на лбу, либо на носу лошади, но всегда при естественном положении головы лошади морда животного на налобнике направлены вниз. Следовательно, это отверстие не было декоративным и вообще не предназначалось для обзора.

Можно предположить, что в это отверстие продевалось нечто вроде шнура с каким-то украшением на конце (например, кисточкой или чем-то подобным), сделанным из органического материала, не дошедшего до наших дней. Такого рода украшение могло дополнять декор конского убора (Рис. 3, 7-2). "Кисточка" же на налобнике при этом выглядела как язык животного.

На первый взгляд, такое предположение выглядит странно, - ведь в скифском зверином стиле подобный прием не был принят. Каноны скифского искусства предполагали акцентирование, преувеличение основных признаков животного - глаз, ушей, пасти, рогов, когтей, но не языка. В пасти хищного зверя иногда можно увидеть голову другого животного - редуцированный вариант сцены терзания, - но наш случай совсем не похож на подобные сюжеты. Итак, если наше предположение справедливо, мы имеем дело с не вполне традиционным для звериного стиля случаем.

Однако в памятниках близкого Козлу круга можно встретить некое зрительное подобие того, что нами реконструируется. В Краснокутском кургане 4 в. до н.э. на конских нащечниках изображены грифоны, из пасти которых свисает язык, в одном случае с раздваивающимся завитком (Рис.4

1), а в другом на конце длинного узкого языка помещается пальметта, напоминающая кисточку (Рис. 4, 2). Изображения грифона с "кисточкой" в пасти отмечены признаками греческой изобразительно традицией и, возможно, греческой работы. Так или иначе, эти нащечники найдены в скиф-

ском царском кургане того же времени. Следовательно, такой декоративный прием не был чужд эстетике этого круга памятников.

Интересно, что другая пара нащечников из Краснокутского кургана (Рис. 4, 1) отмечена чертами фракийского влияния [10, с. 124] и находит себе полную аналогию в Венгрии [14, с. 126, Рис. 88]. Можно предположить, что этот изобразительный прием имеет латенское происхождение. В кургане Огуз найдены нащечники с явно латенским орнаментом, в котором можно углядеть некое подобие звериной морды с процветшим языком (Рис. 4, 3). Разумеется, в латенской традиции такая фигура могла и не обозначать звериную морду; во всяком случае, более внятных изображений такого рода мы не встретили. Можно, однако, предположить, что скифское "зооморфное мировоззрение" могло увидеть в латенском орнаменте черты привычного звериного образа. Это предположение в какой-то мере подтверждается самим фактом помещения такого узора на нащечники коня знатного скифа. Тот факт, что курган Огуз относится к ому же кругу памятников, делает предположение о заимствовании изобразительного мотива из латенского искусства правдоподобным, хотя пока и не доказанным.

Не входя в подробности сложной проблемы взаимоотношений скифского и фракийского искусства в 4 в. до н.э., заметим, что следы фракийского влияния в скифском конском уборе этого времени в той или иной мере признаются практически всеми исследователями [ср.: 7, с. 122; 10; 12, с.186-187; 9]. Эти обстоятельства направляют поиск параллелей в область фракийских памятников.

В материалах фракийского кургана в Аджигиоле (Румыния) есть конские налобники со сквозными отверстиями, подобными обнаруженным нами (Рис.5). На некоторых изображениях налобников из других фракийских памятников можно видеть намек на подобные отверстия [5, Рис. 259, 260, 303]. Возможно, и эти отверстия использовались так, как мы предполагаем.

Высказанное предположение требует дальнейших доказательств и, прежде всего, визуального изучения всех налобников рассмотренного типа.

* Выражаем признательность Т.Г.Сарачевой за консультацию

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев А.Ю. *Хронография Скифии второй половины IV века до нашей эры.* АСГЭ, Вып.28. Л. 1987.
2. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. *Чертомлык (Скифский царский курган IV в. до н.э.).* К., 1991.
3. Berciu D. *Arta Traco-getica.* Bucuresti, 1969.
4. Boltrik J.V., Fialko E.E. *Der Oguz-Kurgan. Die Grabanlage eines Skythenkonigs der Zeit nach Ateas.- Hamburger Beitrage zur Archaologie 18. 1991. 107-129.*
5. Венедиков И, Герасимов Т. *Тракийското изкуство.* София, 1973.
6. *Древности Геродотовой Скифии.* СПб.

7. Ильинская В.А. *Скифы днепровского лесостепного Левобережья (курганы Посулья).* К., 1968.
8. Ильинская В.А. *Скифская узда IV в. до н.э.- Скифские древности.* К., 1973.
9. Манцевич А.П. *Об уздечках фракийского типа из кургана Огуз.- Actes au II Congrès international de Thracologie (Bucarest, 4-10 sept. 1976): Histoire et archéologie.* Bucuresti, 1980.
10. Мелюкова А.И. *К вопросу о взаимосвязях скифского и фракийского искусства. Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии.* М., 1976.
11. Minns E.H. *Scythian and Greek. A survey of ancient history and archaeology on the north coast of the Danube to the Caucasus.* Cambridge, 1913.
12. Мозолевский Б.М. *Товста Могила.* К., 1979.
13. *Отчет Императорской Археологической комиссии за 1911 год.* Петроград, 1914.
14. Rosen-Przeworska J. *Ikonografia wschodnioceltycka.* Wroclaw, Warszawa, Kraków, Gdansk, 1976
15. Тереножкин А.И., Ильинская В.А., Черненко Е.В., Мозолевский Б.Н. *Скифские курганы Никопольщины.- Скифские древности.* К., 1973.
16. Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н. *Мелитопольский курган.* К., 1988.

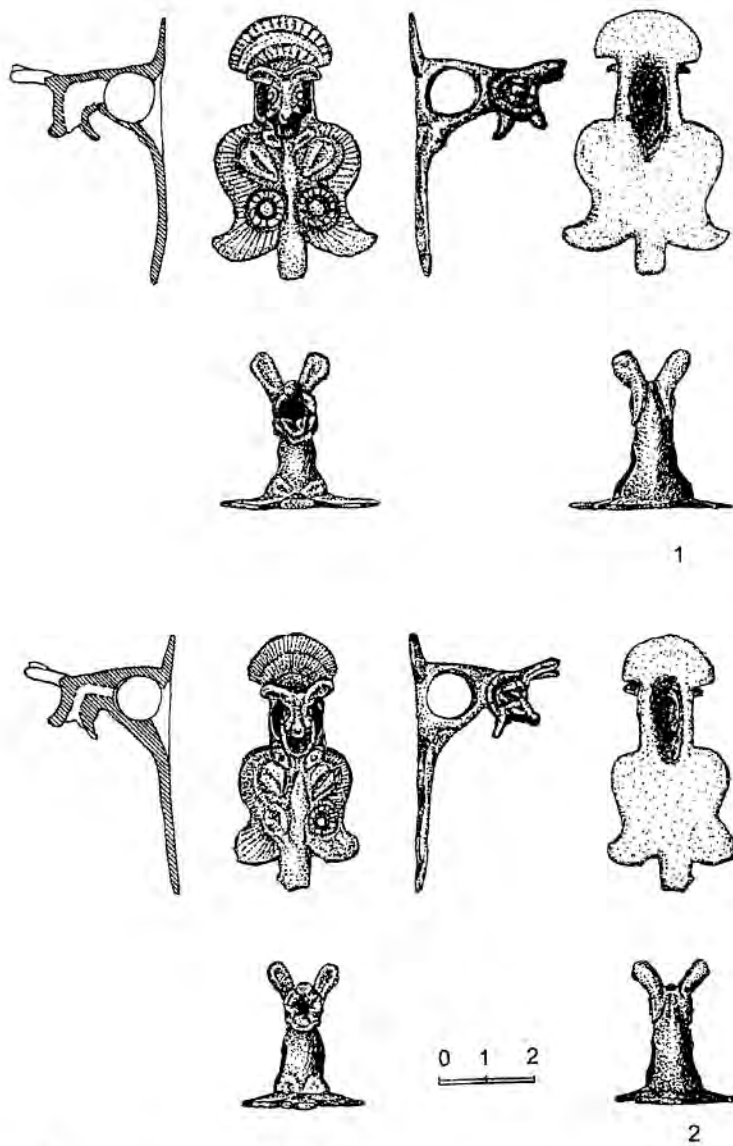

Рис. 1. Зооморфные конские налобники (наносники) из кургана Козёл (бронза)

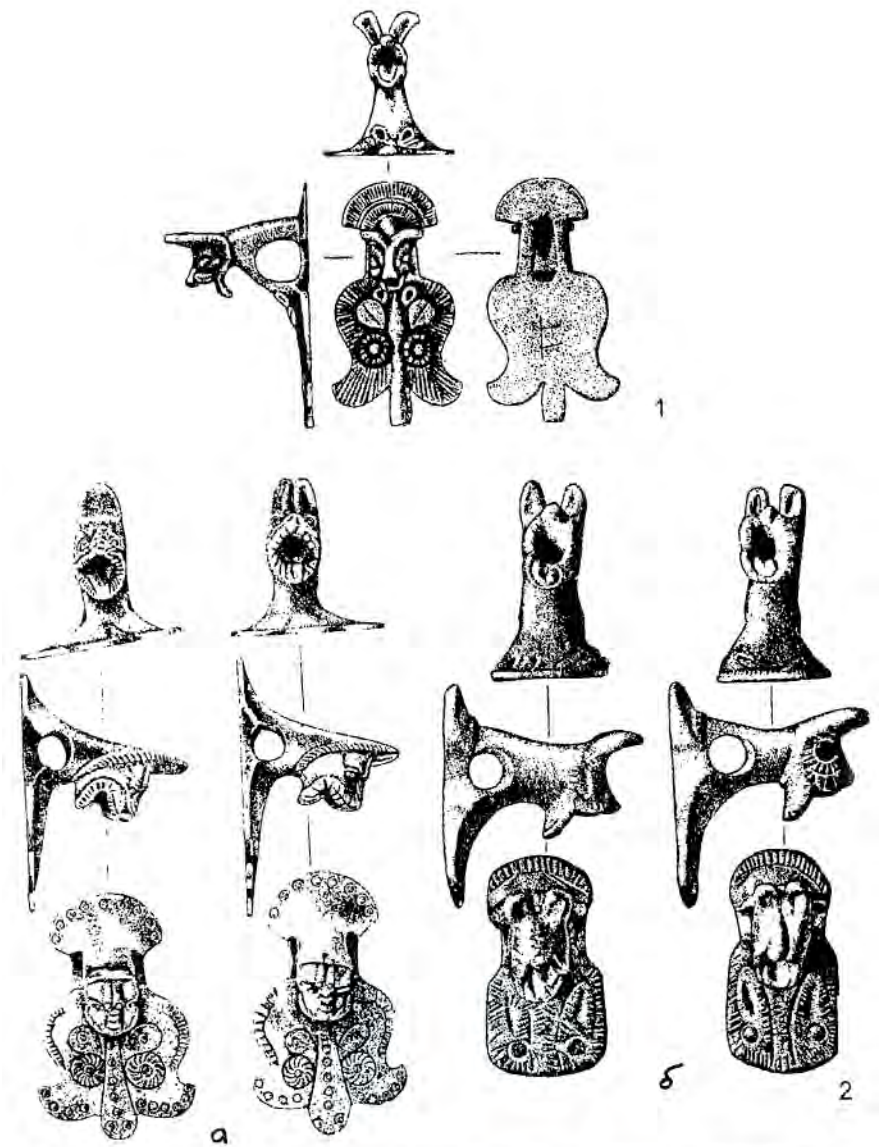
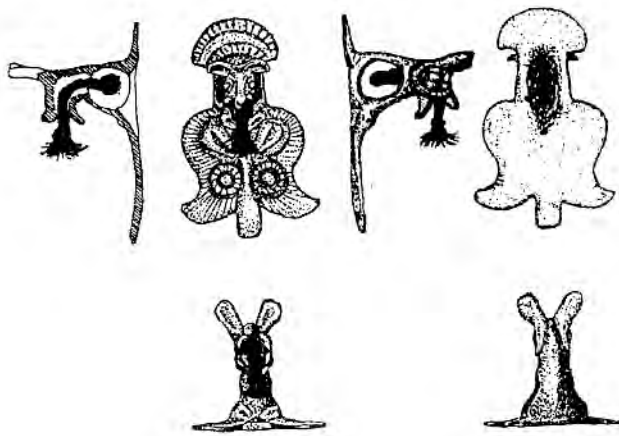
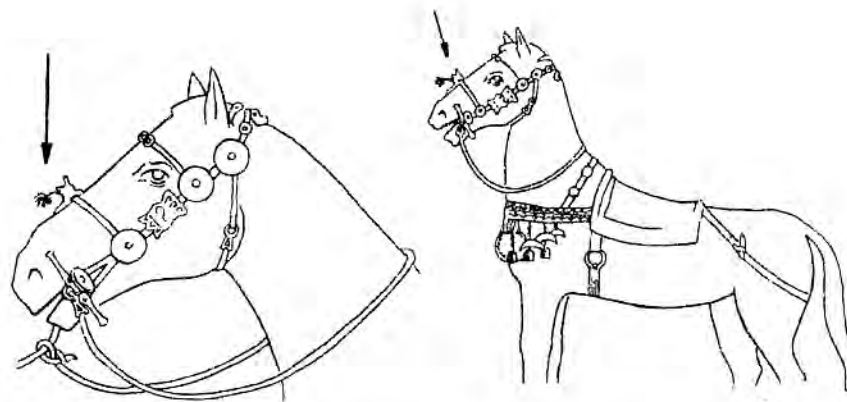

Рис. 2. Зооморфные конские налобники (наносники) из скифских курганов
 1- Огуз (по: Болтрик, Фиалко 1991, 124, Рис. 5); 2 а,б- Толстая могила (по: Мозолевский 1979, 44, Рис. 27; 105, Рис. 100)

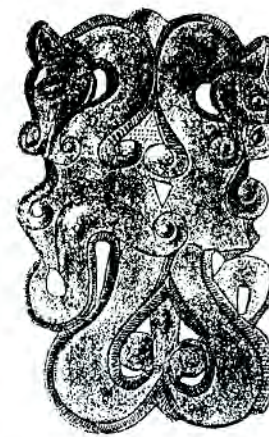
1

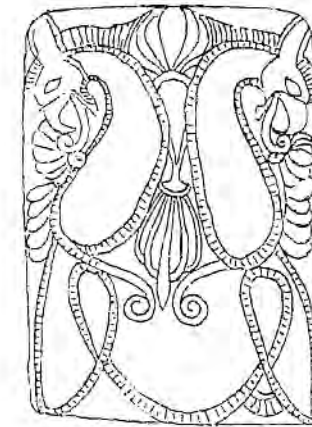
2

Рис. 3. Вариант реконструкции декора налобников
1 – курган Козёл; 2 – реконструкция убора второго коня из Мелитопольского кургана (по: Ильинская 1973, 49, Рис. 3, 3.4 с дополнениями авторов [указаны "1"])

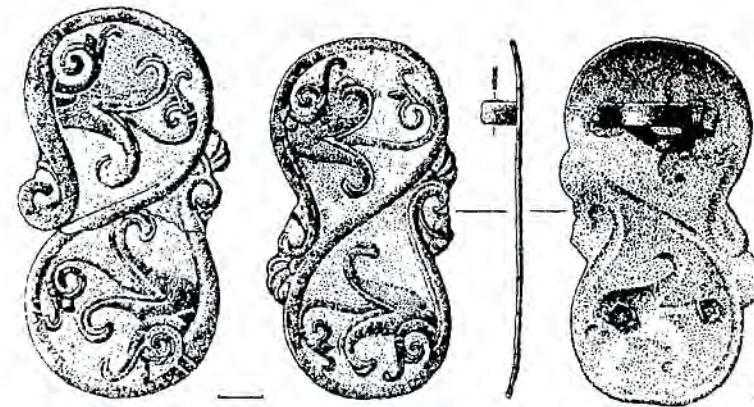
54

1

2

3

Рис. 4. Изобразительные аналогии реконструкции авторов
1, 2 – нащечники из Краснокутского кургана (по: Миниз 1913, 167, Рис. 56; 158, Рис. 45); нащечники из кургана Огуз (по: Болтрик, Фялко 1991, 123, Рис. 4)

55

ДЕРЕВЯННЫЕ СОСУДЫ ИЗ УСТЬ-АЛЬМИНСКОГО НЕКРОПОЛЯ

Усть-Альминский некрополь располагается на ЮЗ побережье Крымского полуострова, в месте впадения р. Альмы в Черное море. Могильник исследуется с 1968 г. (раскопки Т.Н. Высотской 1968-1984 гг., И.И. Лободы 1988, 1991-1992 гг., А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева, И.И. Лободы 1993-1997 гг., А.Е. Пуздровского, Ю.П. Зайцева 1998-1999 гг., А.Е. Пуздровского 2000-2001 гг.). За это время здесь открыто более 700 могил и склепов, содержащих захоронения 2 в. до н.э. - 3 в.н.э. Одной из особенностей некрополя является исключительно редкое по своей сохранности состояние органических останков, главным образом изделий из дерева, обнаруженных на СЗ и СВ его участках. Известно, что из вещей, захороненных в древности, сохраняются преимущественно изделия из неорганических материалов - металл, керамика, стекло и пр. Поэтому даже в случае с ненарушенным комплексом реконструировать материальную сторону погребального обряда в полном объеме невозможно. Уникальная сохранность погребений Усть-Альминского некрополя в определенной степени позволяет заполнить этот пробел. Большое количество найденной здесь деревянной утвари делает возможным анализ отдельных категорий таких предметов.

Все известные нам сосуды из дерева были обнаружены только в могилах и склепах второй пол. 1 - первой пол. 2 вв. н.э. (№№ 88, 120, 318, 450, 520, 550, 590, 595, 620, 640, 700, 720). В более ранних погребениях они пока не встречаются. В ходе раскопок некрополя и последующей обработки материала были установлены определенные закономерности размещения деревянной посуды.

Деревянные косметические сосудики в большом количестве найдены в женских погребениях. Среди них наиболее массовая и стандартная по конструкции и исполнению категория инвентаря — пиксиды (Рис. 1). По форме они похожи на костяные коробочки подобного рода [5, с. 119], а один экземпляр (склеп № 520) составляет им точную аналогию (Рис. 1, 12). При этом в отличие от составных костяных пиксид, они вырезаны из цельного куска дерева. Деревянные сосудики отличаются от костяных и по принципу соединения крышки с корпусом. Для этого в крышках вырезаны пазы, а по верхнему краю корпуса - соответствующие им специальные замковые выступы (Рис.1, 14). Такие пиксиды часто украшены резным орнаментом (линии, зигзаг, двойные кружочки с точкой в центре), что почти не встречается на костяных экземплярах. Заметим, что в могильнике число деревянных пиксид значительно превышает количество сосудиков из кости. Наряду с высокой степенью стандартизации формы и конструкции это, видимо, свидетельствует об их серийном изготовлении.

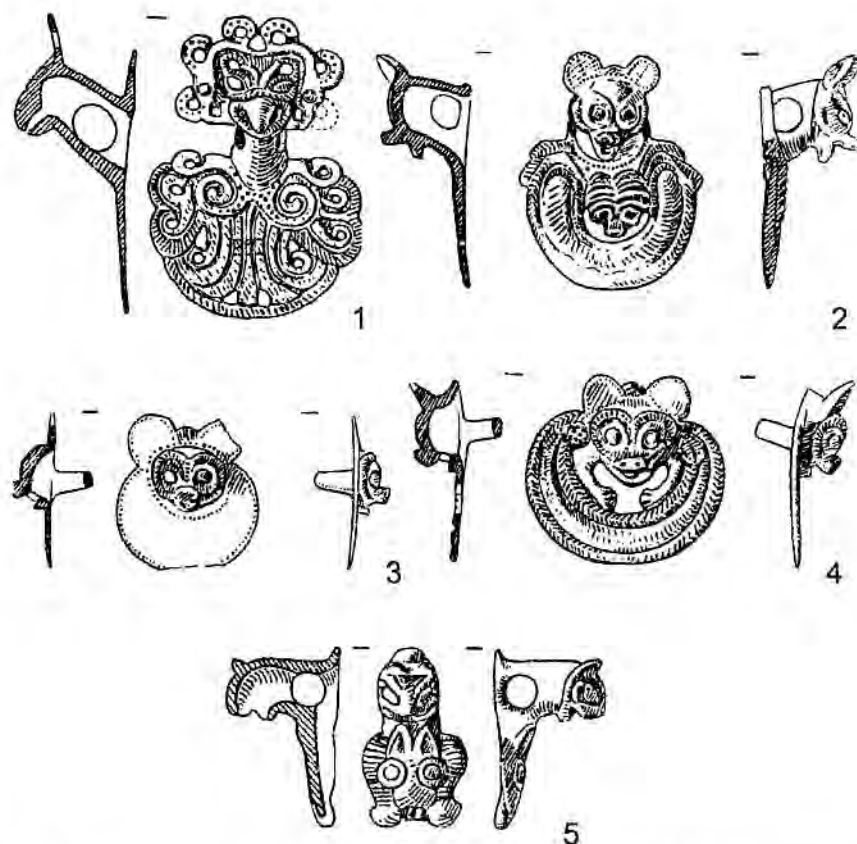

Рис. 5. Зооморфные конские налобники (наносники) из кургана в Аджиголе (Берчу 1969, 50, Рис. 18)

К категории туалетных сосудов относятся также небольшие чашечки открытых и закрытых форм (Рис. 2), в которых были найдены кусочки румян, остатки мазей, порошок белого и розового цвета. Подобно пиксидам, они выточены на токарном станке. По форме они часто копируют краснолаковую посуду (ср. деревянные чашки на рис. 2, 2, 4, 5 и краснолаковые сосуды [10, рис. 4, формы 8.2, 8.3; 9, Таб. 1,1, 4, 5]).

В сравнении с большим числом туалетных сосудов деревянная столовая посуда встречается редко. Так, в склепе № 520 (42 погребения) найдена только одна резная деревянная чаша (Рис. 3, 7), в склепе № 550 (36 погребений) - 1 тарелка, выточенная на токарном станке (Рис. 3, 2), в склепе № 590 (29 погребений) - 1 резная кружка (Рис. 3, 3). При такой редкости сосудов из дерева керамические формы из тех же комплексов более многочисленны и разнообразны (краснолаковые сосуды, лепная керамика, амфоры). Не исключено, что в быту, как и в погребальном обряде, деревянная посуда использовалась сравнительно редко.

Особую группу усть-альминских древностей составляют деревянные сосуды, обстоятельства находки и особенности оформления которых свидетельствуют об их ритуальном назначении.

В богатом женском погребении склепа № 720, в специально устроенном "тайнике" были зафиксированы отпечатки деревянной тонкостенной чаши на кольцевом поддоне, раскрашенной полосами розовой, серой, коричневой и оранжевой краски (Рис. 3, 4).

В парном женском погребении склепа № 595 [13] рядом с колодой и гробом на кукле лошади, набитой камышом, была установлена группа деревянных предметов: выточенные на токарном станке сосуд на ножке (Рис. 4, 3) и тарелка с прочерченными на дне двумя конскими фигурками, вписанными в расчерченное квадратами поле (Рис. 4, 5), резное блюдо с фигурными ручками (Рис. 4, 4), а также крупный сосуд с носиком-сливом, вырезанный из цельного куска крымского бука (определение А.В. Лысенко (Рис. 4, 1-2). С тыльной стороны корпус сосуда украшен вертикально размещенной объемной фигурой лошади (Рис. 4, 1а). У животного схематически проработана морда и хвост, уши обрезаны в древности. Напротив головы лошадиной фигурки крепилась съёмная деревянная модель амфоры (Рис. 4, 1б). На верхней кольцеобразной плоскости сосуда в определенном порядке размещены пять высоких квадратных в сечении столбиков-подставок, верхняя плоскость которых обработана в виде паза, с трех сторон ограниченного тонкими высокими бортами. Кроме того, между столбиками, также в определенном порядке, сохранились нижние части ног четырех фигурок животных, которые были срезаны в древности.

В мужском погребении № 700, которое по многим признакам обряда аналогично склепу № 595, также найден набор ритуальных сосудов. В ногах погребенного стояло резное деревянное блюдо на четырех квадратных в сечении ножках (Рис. 5, 4). В нем лежали кость коровы, железный нож и де-

ревянная круглодонная чаша с фигурной ручкой в виде птицы (Рис. 5, 1). Длинный загнутый клюв и пропорции ее головы напоминают ворона. Сверху все эти предметы были накрыты "куклой" конской головы, сшитой из кожи и набитой рубленным камышом. Рядом с блюдом стоял вырезанный из цельного куска дерева сосуд с четырьмя фигурками животных по краю (Рис. 5, 3). В могилу он был поставлен таким образом, что животные были ориентированы по сторонам света: лев - на север, хищная птица - на восток, кошачий хищник - на запад, еще один хищник (сохранились лишь передние лапы) - на юг. Внутри сосуда лежал деревянный черпачок (Рис. 5, 2).

До настоящего времени ритуальные сосуды варварского населения Северного Причерноморья и близлежащих районов были известны почти исключительно по бронзовым котлам и драгоценным кубкам или чашам с зооморфными ручками. Усть-альминские находки существенно дополняют наши представления об этой группе предметов.

Все они были поставлены в погребения не просто как "вместилище" для пищи, а с какой-то иной целью. Это подтверждается обстоятельствами их размещения в могилах. Над некоторыми из них были проведены специальные ритуалы: были срезаны фигурки животных и обрезаны (?) уши у лошади на большом деревянном сосуде из склепа № 595*, деревянное блюдо на ножках и чаша с ручкой в виде птицы из могилы № 700 были накрыты "куклой" головы коня, а сосуд с четырьмя животными ориентирован по сторонам света.

Часть сосудов по форме можно сопоставить с бытовой посудой, более известной по керамическому материалу или металлическим аналогам. Так, расписная чаша на кольцевом поддоне из склепа № 720 близка красно-лаковым чашкам, широко распространенным как в эллинистическое, так и римское время (см., например, 12, с. 58 сл., рис. 2-3, №№ 11, 28-30). Деревянный черпак из мог. № 700 похож на лепные кружки первых веков н.э. [7, Рис. 5, 17, 18; 4, Табл. III, 17; IV, 8, 10].

Большинство же ритуальных сосудов из дерева не находит точных аналогий в керамических и металлических формах того же времени.

Сосуд на ножке из склепа №595 похож на курильницу, хотя такое его использование вряд ли было возможно. Деревянное блюдо по форме фигурных ручек отдаленно напоминает античную металлическую посуду. Тарелке с граффито из склепа №595 нет точных аналогий, но граффито, изображающее сетку, есть, например, на гераклеийской амфоре из Неаполя скифского [11, Рис. 3, 77].

Сосуды, близкие жертвенному блюду из мог.700 (также с четырьмя квадратными в сечении ножками) имеются в культуре ранних кочевников Тувы гунно-сарматского периода 2-1 вв. до н.э. [20, Табл. 83, 5,8].

*А, Туаллагов сообщает об осетинском обычае обрезать уши коню перед погребением.

Круглодонные серебряные чаши с зооморфными ручками известны по находкам в курганах сарматской знати [6, с.32; 11, с. 119, Рис, 5, 1-2; 15, с. 146, Рис. 2]. Есть также данные о существовании подобных чаш из дерева у сарматов [17, с.18, Рис. 14, 13]. Глиняные чаши с ручками в виде животных, держащихся за край сосуда, встречаются в погребениях джетысар-ской культуры [20, Табл. 25,20-21].

Что касается ручки усть-альминской чашки, то в упомянутой серии сарматской ритуальной посуды имеются похожие экземпляры. В виде хищной птицы ручки оформлены на сосудах из кург. 28 мог. Жутово [15, Рис. 2] и кург. 18 у ст.Тифлисской в Прикубанье [6, Табл. 31, 298]. Причем птичьи лапы держатся за край сосуда лишь на маленьких чашах из Жутово (Рис. 5, б). Интересно, что по некоторым стилистическим особенностям серебряные фигурки птиц близки деревянным. Одинаковым образом проработаны лапы у птиц на усть-альминской и малых жутовских чашах: задний коготь оформлен в виде подраженного треугольника, опущенного вершиной вниз, три передних пальца отделены друг от друга проточенными желобками. Сравнение с фигуркой птицы из Тифлисской (Рис. 5, 5) показывает несомненное сходство их изобразительной схемы: крылья серповидной формы перекрывают друг друга, при этом они наложены на хвост раструбообразной формы так, что нижний их край и нижний край хвоста образуют треугольник. Спина и крылья тифлисской фигурки покрыты прочерченными линиями, что напоминает деревянную поверхность.

Уникален большой круглодонный сосуд с четырьмя фигурками животных по краю. Ни в позднескифских, ни в сарматских древностях первых веков н.э. ничего подобного не обнаружено. Круглодонные ритуальные сосуды с животными по краю известны в культуре саков Семиречья [20, Табл. 27, 43б-43в], однако животные там расположены цепочкой по краю сосуда, а не обращены к его центру, как на нашем.

Фигуры животных на круглодонном сосуде не имеют полных стилистических аналогий. Фигура "льва" с подгнанными пятипальными лапами имеет некоторые общие черты с изображениями тигров на золотых пластинах Сибирской коллекции [1, илл. 175]: пятипальные лапы сбоку имеют подпрямоугольные очертания, фигура показана в движении. Некоторые малозаметные детали сближают изображения хищных птиц на рассматриваемом сосуде и на круглодонной чаше из того же склепа: форма головы, пропорции туловища, наложенные друг на друга крылья, трехпальные лапы с отставленным назад четвертым треугольным когтем. Хотя фигурка "ворона" на круглодонной чаше выполнена более тщательно, оба изображения, видимо, следует отнести к одной изобразительной традиции.

В связи с данными сосудами необходимо упомянуть несколько редких находок деревянных зооморфных изображений в погребениях того же культурно-хронологического диапазона.

Так, в 1918 г. на территории округа Ольвии было раскопано ката-комбное погребение двух мужчин высокого социального ранга. Помимо прочего, там был найден деревянный музыкальный инструмент прекрасной сохранности, украшенный фигурками животных - медведя и птицы [19, Рис. 2]. Данный предмет известен только по схематическому рисунку, судя по которому упомянутые фигурки животных стилистически близки усть-альминским.

Серия деревянных сосудов (блюдо, чашка, две "чарки" и пиксида) была обнаружена в богатом сарматском погребении у с. Олонешты, причем два сосуда были украшены фигурками "медведей" [14, с. 203, Рис. 6, 5-7].

Фигурки кошачьих хищников (остатки деревянного сосуда) найдены в позднесарматском погребении на Нижнем Дону [2, с. 218, Рис. 3, 16].

Особый интерес представляет единственный в своем роде большой сосуд с носиком-сливом из склепа №595. По наличию носика-слива и зооморфных фигурок, тулову закрытой полусферической формы его можно соотнести с некоторыми сарматскими котлами первых вв. н.э. (тип 1 по Н.А. Боковенко [3, с.232]; IX-XII типы по СВ. Демиденко [8, с. 137]). Их форма находит аналогии среди церемониальной посуды Китая ханьского и более раннего времени [18, с.96 сл.]. Не исключено, что усть-альминский экземпляр использовался с той же целью.

Приведенные параллели дают возможность отметить различные традиции в особенностях оформления усть-альминских ритуальных сосудов. Отчетливо прослеживается связь с "восточной традицией", причем она выражается как в форме сосудов, так и, возможно, в сфере их использования (блюдо на ножках, чаша с зооморфной ручкой, сосуд с четырьмя животными по краю, сосуд с носиком-сливом). Античное влияние видится в форме расписной чаши из склепа 720, оформлении деталей сосуда с носиком-сливом (съёмная модель амфоры). При этом данные сосуды вряд ли были импортными - они изготовлены из местных, характерных именно для Крыма пород дерева (большой сосуд из склепа 595). Скорее всего перед нами результат слияния на местной основе различных культурных традиций.

Почти все деревянные ритуальные сосуды были сосредоточены в двух погребениях: склепе 595 и мог. 700. Само помещение в могилу множества деревянных сосудов является признаком, выделяющим эти комплексы из массы одновременных им захоронений.

Как видно из контекста, погребальный обряд этих погребений занимает особое место в могильнике не только по количеству и богатству помещенных там вещей, но и по сложности ритуала. Есть все основания считать совершенные там захоронения принадлежащими особой социальной группе, видимо, лицам жреческого сословия [13, с.316]. Датируются они достаточно компактно - второй пол. 1 - нач. 2 вв.н.э. Именно в это время в погребениях так называемой позднескифской культуры массово появляются вещи нового, часто "восточного" облика, что принято связывать с сар-

матским влиянием. Из-за недостатка информации о собственно сарматских сосудах подобного рода трудно сказать, связано ли изготовление ритуальных сосудов из дерева с влиянием сарматов или же новые, привнесенные извне формы, повлияли на местную традицию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонов М.И. Сокровища саков. Л., 1973.
2. Беспалый Е.И. Погребения позднесарматского времени у г. Азова.- *СА. 1990. № 1.*
3. Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе.- *СА. 1977. № 4.*
4. Власов В.П. Лепная керамика позднескифского Булганакского городища.- *Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Бахчисарай. 1997.*
5. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994.
6. Гуцина И.И., Засека И.П. "Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
7. Дашевская О.Д. Лепная керамика Неаполя и других скифских городищ.- *МИА № 64. М., 1958.*
8. Демиденко С.В. Типология литых бронзовых котлов савромато-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа.- *Древности Евразии. М., 1997.*
9. Домжалский К. Из истории исследования краснолаковой керамики восточного производства.- *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.*
10. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata В из могильника Бель-бек IV в Юго-Западном Крыму.- *Древности Евразии. М., 1997.*
11. Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь скифский в эпоху диофантовых войн.- *Северо-Западный Крым в античную эпоху. Киев, 1994.*
12. Зайцев Ю.П. Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара I Южного дворца Неаполя скифского.- *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье. М., 1998.*
13. Зайцев Ю.П. "Склеп жриц" Усть-Альминского позднескифского некрополя.- *Жертвоприношение. М., 2000.*
14. Мелюкова А.И. Сарматское погребение из кургана у с. Олонешты.- *СА. 1962. № 1.*
15. Мордвинцева В.И. Набор серебряной посуды из сарматского могильника Жутово.- *РА. 2000. № 1.*
16. Мордвинцева В.И., Сергацков И.В. Богатое сарматское погребение у станции Бердия.- *РА. 1995. № 4.*
17. Сергацков И.В. Сарматские курганы на Иловле. Волгоград, 2000.
18. Скрипкин А.С. О китайских традициях в сарматской культуре.- *Античная цивилизация и варварский мир. Материалы 7 археологического семинара. Краснодар, 2000.*
19. Симоненко О.В. Сарматське поховання з тамгами на території Ольвійської держави.- *Археологія, 1999, № 1.*
20. Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. *Археология СССР. М., 1992.*

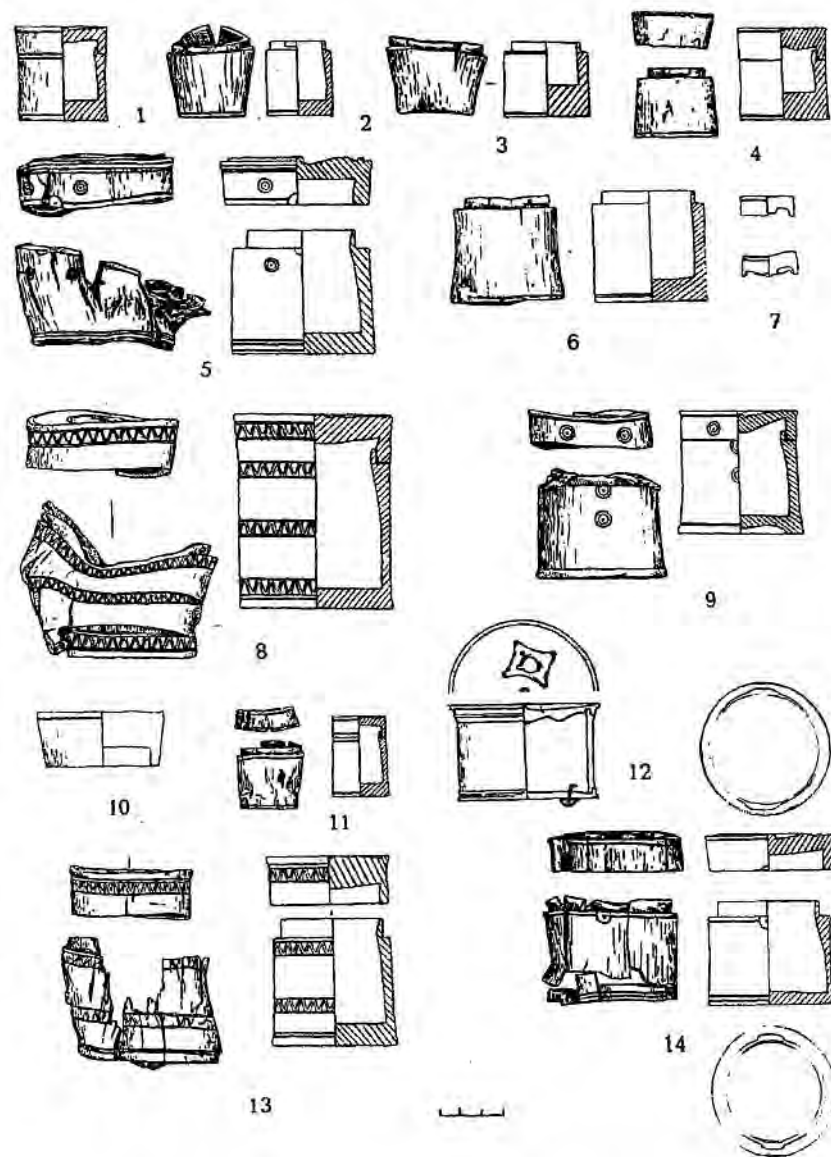

Рис. 1. Деревянные пиксиды из Усть-Альминского могильника

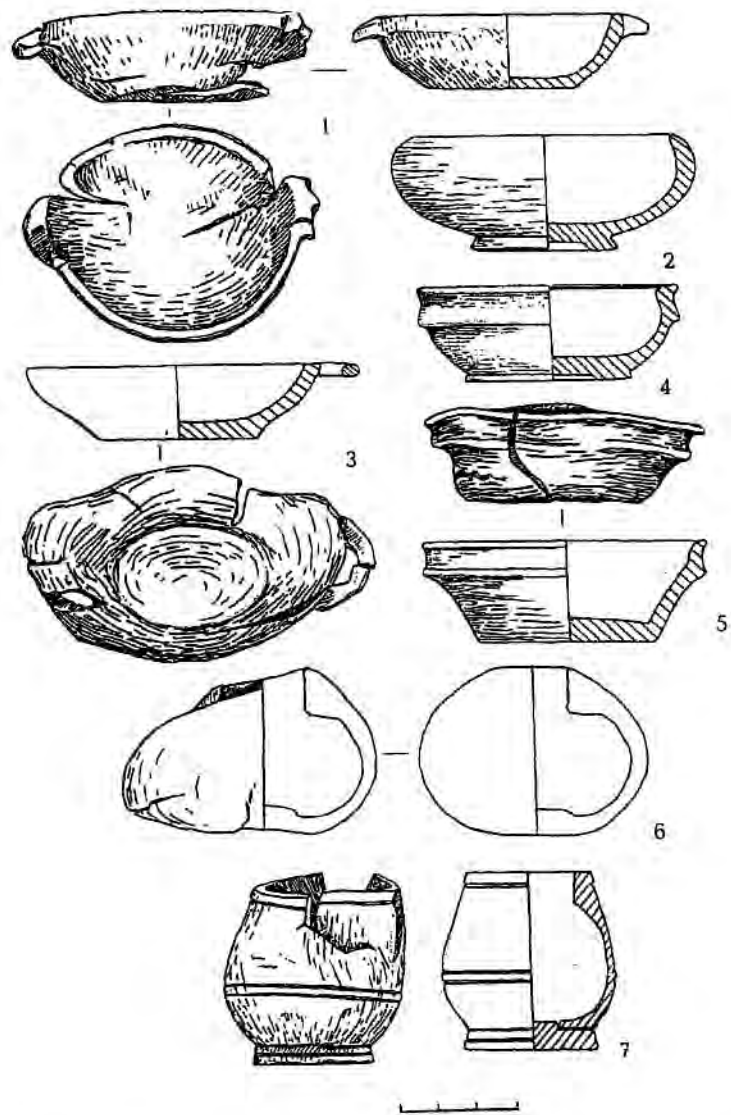

Рис. 2. Деревянные туалетные сосуды из Усть-Альминского могильника

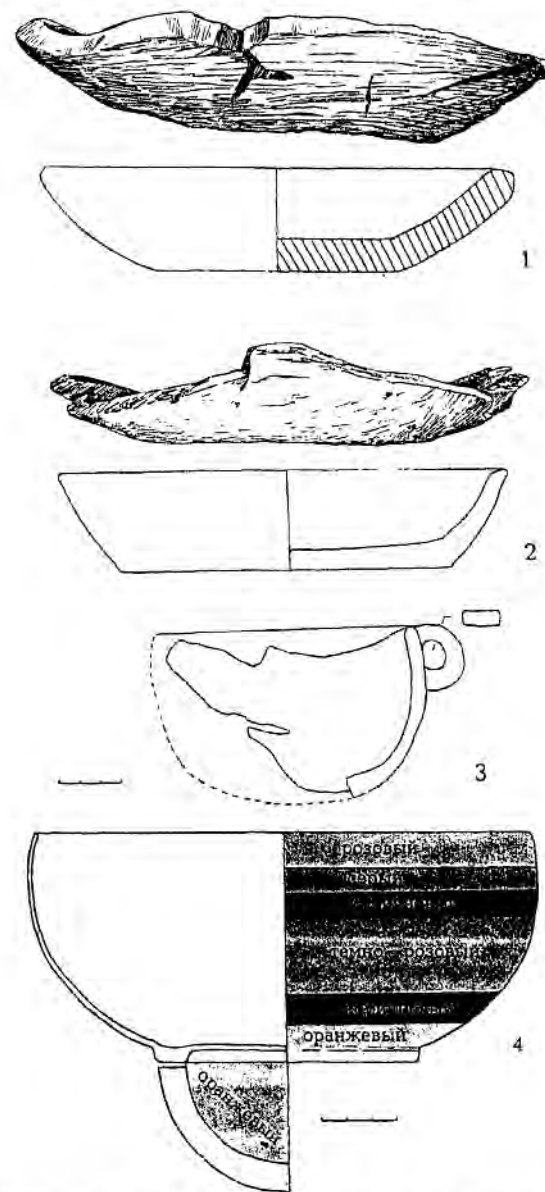

Рис. 3. 1— тарелка, склеп 520; тарелка, склеп 550; 3— кружка, склеп 590; 4— расписная чаша, склеп 720

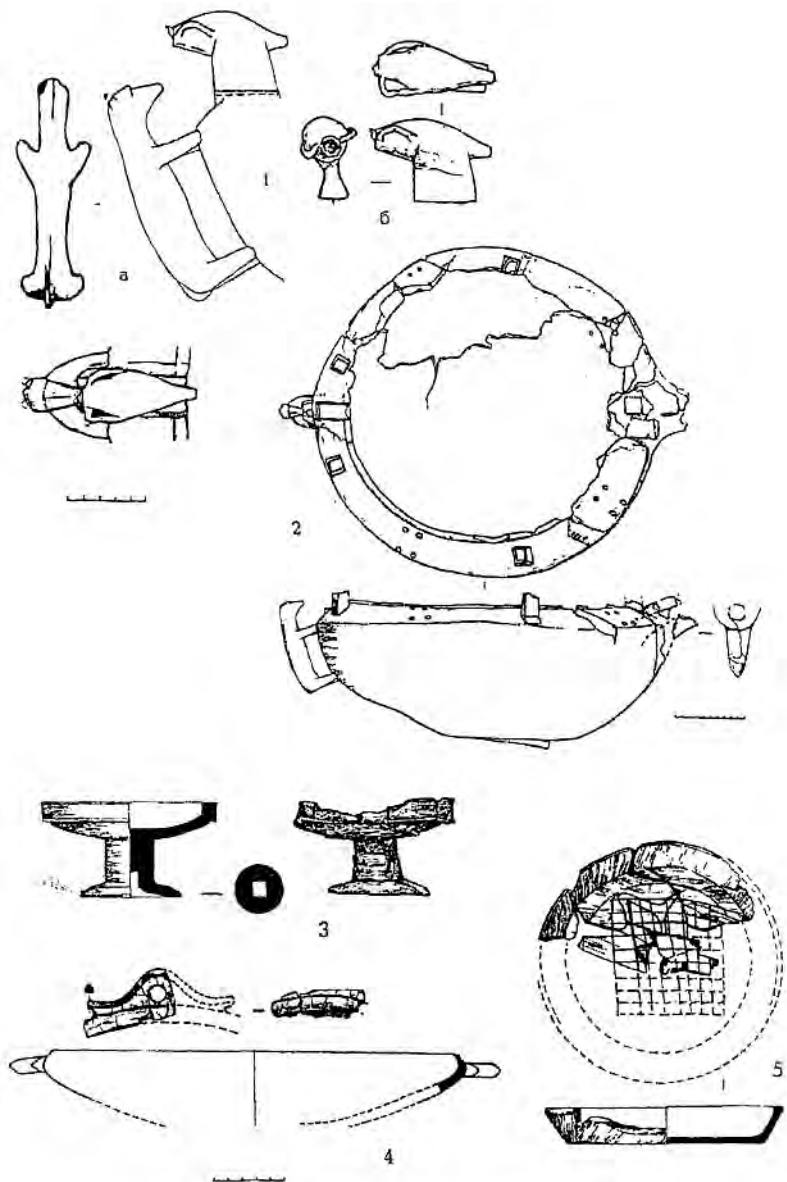

Рис. 4. Деревянные сосуды из склепа 595
 1,2-сосуд с носиком-сливом; 3-чаша на ножке; 4-блюдо; 5-тарелка с граффити

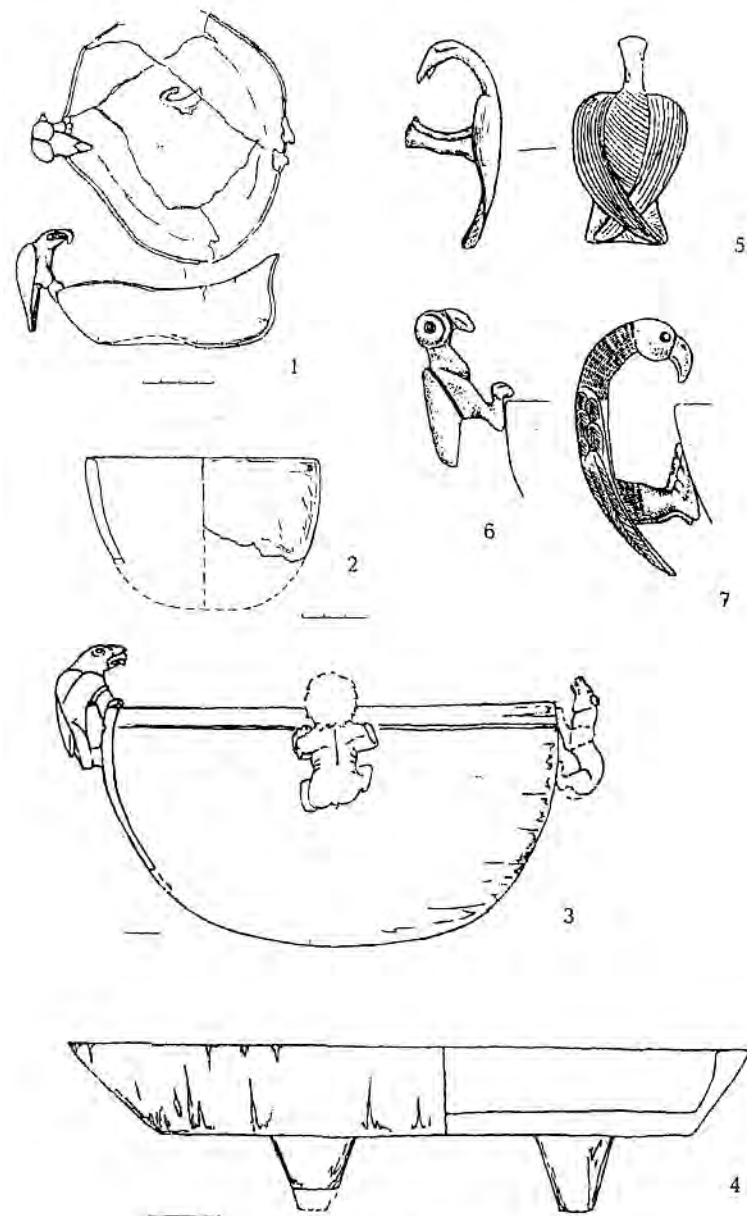

Рис. 5. 1-4- деревянные сосуды из могилы 700; 5- ст.Тифлисская; 6,7- Жутово

Светлой памяти друга моего Евгения Беспалого.

В 1986 г. Е.И.Беспалым был исследован курган 1 могильника "Дачи", располагавшийся на ЮВ окраине г.Азова. Погребение, находившееся в центре кургана, было ограблено. Мелкие обломки костей взрослого человека, кости ног барана, остатки инвентаря были найдены в заполнении могилы. На основании найденного материала курган был датирован второй пол. 1 в. н.э. К 3 от могильной ямы на уровне погребенной почвы в глинистом выкиде был найден ритуальный комплекс, определенный исследователем как тайник. На дне тайника было помещено расшитое золотыми бляшками изделие, которое исследователь первоначально посчитал свернутой в несколько раз накидкой на лошадь. В дальнейшем, под влиянием консультаций с С.А.Яценко в публикации материала он написал, что в тайнике находилась "накидка на лошадь(?) и, возможно, два стяга" [1, с. 175 сл.]. Попробуем разобраться в этом вопросе.

Накидка была расшита золотыми бляшками восьми типов: 11720 бляшек ромбической формы, 2590 полусферической формы, 479 в виде полумесяца, 195 треугольной формы, 92 в виде стилизованных бараньих голов, 57 в виде трехступенчатых башенок, 41 ажурная бляшка подквадратной формы, 33 в виде "узлов Геракла". Бляшки в виде полумесяцев образовывали орнамент из удлиненных фестонов-языков, окантованных треугольными бляшками. Изделие имело кайму: ряд бляшек в виде стилизованных бараньих голов, ниже ромбические бляшки, образующие геометрический орнамент, и по самому краю - полусферические бляшки

Поверх накидки был уложен парадный уздечный набор. Железные удила с псалиями, концы которых украшали фалары. Девять фаларов оголовья, нагрудная бляха, два больших фалара зооморфного стиля. Здесь же находился золотой браслет, собранный из двух фигурок скачущих оленей и сдвоенной протомы этих животных. В центральной части лежал парадный кинжал в богато украшенных ножнах. Кожаные ножны были окрашены в красный цвет. На лицевую сторону наложена золотая пластина с двумя парами боковых выступов. По длинной оси накладки расположены четыре плоскостные композиции с повторяющимся сюжетом борьбы хищной птицы с верблюдом. На рукоятке кинжала также изображение орла и верблюда. Изделие инкрустировано бирюзой и гранатом [2, с. 180 сл.]. (Рис. 1).

В насыпи кургана тоже содержались находки: отдельные кости крупного рогатого скота, зуб лошади, фрагменты серолощеной и амфорной керамики, а также компактно расположенные древесные угли [2, с. 175],

В 162 гимне первой мандалы Ригведы, посвященной восхвалению коня, описывается ритуал жертвоприношения скакового коня. Коня сопрово-

ждает многоцветный козел - доля Пушана, в качестве предварительной жертвы. Коня трижды обводят вокруг жертвенного столба: *"Когда предназначенного для жертвы коня люди По правилу трижды обводят кругом по пути богов, То доля Пушана идет первой -Козел, оповещающий богов о жертве"* [РВ,1, 162,4]. Предназначенный для жертвоприношения конь выступает в праздничном убранстве, он спутан веревками и нагружен добром [РВ,1, 162,4]. С заколотого в ходе ритуала коня снимают сбрую и дары, что он везет, и укладывают на покрывало:

"Тот убор, который расстилают для коня, Верхнее покрывало, те золотые вещи, (что кладут) для него, Узда, конские ножные путы-(вся) принадлежащая (ему сбруя), Пусть удержат его у богов!" [РВ, 1,162,16].

Представляется, что цитируемый стих описывает или, по крайней мере, является типологической параллелью находке из кург. 1 мог. "Дачи". Коня в ритуале индоариев затем расчленили сустав за суставом, называя один за другим, и стараясь не повредить частей тела жертвы. Считалось, что конь не умирает, не терпит ущерба, а идет к богам легкими путями в сопровождении коней Индры и Марутов, а также осла Ашвинов [РВ,1, 162,18,21]. Жертвенное животное варили и съедали.

Рассмотрим теперь осетинский ритуал, генетически связанный с сарматской архаикой. В 1882 г. В.Ф.Миллером был введен в научный оборот материал, получивший в этнографической литературе название "обряд посвящения коня покойнику". Цель обряда состояла в том, чтобы снабдить умершего человека загробным конем, который должен был служить ему и довезти до предназначенного покойнику места. Положив покойника в могилу, к могиле приводили коня, приносили шкуру зарезанного в день погребения барана и ушат браги. Коня нагружали дарами: на шею клали два аршина белого коленкора, под седло, не имеющее подушки - новый неношенный сафьян. Женщины в дар покойнику снимали с себя украшения - кольца, браслеты. Человек, ведущий коня, держал в руке новую плеть. Для коня брали с собой пригоршню проса.

Пока покойника зарывали, конь стоял в стороне. Затем его подвели к изголовью погребенного. Народ, присутствующий на похоронах, становился вокруг могилы, образуя круг. Один человек становился перед конем и произносил речь. По окончании речи коня трижды обводили вокруг могилы, давали выпить браги. Чашку, из которой поили коня, разбивали о его копыто. Затем коня кормили просом, которое насыпали на шкуру барана, и отрезали у него кончик уха. После чего кто-нибудь из присутствующих садился на коня верхом и скакал до тех пор, пока не вгонял в испарину. Сафьян и коленкор раздавали бедным [6, с. 132 сл.].

В речи, произносимой перед конем, рассказывалось о путешествии к месту упокоения души умершего человека. По дороге в загробный мир, глазам следующего этим путем, представлялись картины посмертного воздаяния за жизненные поступки. Дорога разветвлялась на три пути: верхний, средний и нижний. Ехать надо было по среднему пути, ведущему к мосту из гибких ветвей и тростника. Чтобы оказаться на другой стороне, надо было сильно ударить коня плетью. Конь в мощном прыжке переносил седока к райскому кургану у молочного озера. Из озера выбегали дети. И златокудрый мальчик стреноживал коня на зеленом райском лугу. Райские двери открывались, с шумом и треском навстречу вновь прибывшему вставали люди. Речь завершал пассаж формульного характера: "Посадите его наверху, дабы он был спутником Сослана, чтобы он сидел вместе с Урызмагом. Где место пребывания души того покойника, там будет и место пребывания души этого покойника". [6, с.115].

Описание пути в загробный мир вербальной части осетинского обряда посвящения коня покойнику идентично описанию катабасиса героя нартского героического эпоса Сослана [5, с.50-51]. Параллельными в обряде и эпосе являются сюжеты посмертного воздаяния за грехи и добрые дела. В эпосе путь в царство мертвых описывается как путь вниз: в ущелье, вниз по тропинке к реке, вниз по течению реки до конца ущелья, в густом тумане. Выход из ущелья ведет на бескрайние равнины, покрытые травой. На небе нет ни луны, ни солнца. Посреди равнины - озеро. Путь далее ведет вниз, на дно озера, где опять открываются бескрайние равнины, на которых мучаются грешники. Дорога ведет к мосту, а за мостом располагается райский сад, в котором играют дети.

Параллельными мотивами обряда и эпических сказаний являются: дорога, озеро, мост, равнины, райские сады, дети. Считалось, что дети могут выходить из Страны мертвых, что связано с архаическим пониманием смерти как нового рождения. Загробный конь на райских пастбищах стреноживался. Эпический герой Сослан имел трехногого одноглазого коня, а сам был колченогим и с тремя зрачками в каждом глазу [5, с.48]. Такие уродства - непарность того, что должно быть парным - характерны для связанных с загробным миром мифических животных, героев и богов. Таковым становится в ходе осетинского ритуала конь, после того как лишается одного уха. Выявленные соответствия свидетельствуют в пользу того, что ядро нартского эпоса сформировалось из обрядовых действий, сакральных формул и мифических представлений, составляющих некогда ритуальную практику сарматских племен.

Осетинский обряд посвящения коня покойнику является трансформой древнего ритуала жертвоприношения коня. Этим объясняются общие места в ведийской и осетинской обрядности. Предназначенный в жертву конь нагружался дарами, его сопровождала предварительная жертва. У индоариев это был многоцветный козел, у осетин - баран, зарезанный в день погребения.

ния. В ведийском обряде празднично убранный конь трижды обводился вокруг жертвенного столба, играющего роль мировой оси. У осетин конь трижды обводился вокруг могилы, также моделирующей некий центр. Ритуал сопровождался сакральной речью. Индоарии жертву закалывали, а сбрую и золотые вещи укладывали на верхнее покрывало коня. В осетинском ритуале заклятие заменено срезанием уха коня и скачками до испарины. Однако, находка в кургане могильника "Дачи" расшитого золотыми бляшками покрывала с разложенными на нем золотыми вещами свидетельствуют в пользу того, что обряд жертвоприношения-посвящения коня, отправлявшийся в сарматское время был значительно ближе к содержащемуся в Ригведе варианту. У индоиранцев заклятие коня полагалось только лицам высших социальных рангов и совершалось царем или в его присутствии [4, с.72].

В прослеженном в кург. 1 мог. "Дачи" ритуале имеются и другие элементы, которые могут быть соотнесены с ведийской обрядностью. Из заполнения ограбленного погребения происходили кости барана, игравшего в ритуале роль предварительной жертвы. В насыпи кургана обнаружены разбитые сосуды, зуб коня, угли костра. Геродот сообщает следующие сведения о жертвоприносительных ритуалах скифов. Обряды жертвоприношений всем богам и на всех праздниках у них одинаковы. Жертвенное животное они душили, обдирали шкуру, очищали кости от мяса и бросали в котлы. Так как в Скифии мало леса, то для варки мяса скифы придумали следующий способ. Заложив мясо в котлы, они поджигали кости жертв и на них производили варку. Получалось, что жертва сама себя варит [3, 4, 60-61]. От принесенной таким образом жертвы не оставалось никаких следов.

Обнаруженное на уровне древней дневной поверхности покрывало с золотыми вещами следует относить не к разряду тайников, а к разряду ритуальных комплексов, связанных с царской погребальной обрядностью. Тайники устраивались непосредственно в могилах и не были редкостью для курганов I в. н.э. Находки на уровне погребенной почвы представляют собой материальные остатки, отправлявшихся во время похорон обрядов. Зафиксированы они в курганах аланской родоплеменной знати. В кург. 28 мог. Высочино 7 на древнем горизонте в трех местах группировались следующие находки: в СЗ секторе кургана - разломанный в древности деревянный ларец, серебряные таз и кувшин, железный умбон от щита. Ближе к центру кургана - золотая чаша с серебряным ситечком и четыре серебряных канфара, к югу - два бронзовых котла. Стратиграфически зафиксировано, что ритуалы, в ходе которых эти находки оказались в кургане, были отправлены до совершения захоронения [1, с. 163 сл.]. В древних иранских обществах чаша являлась сакрализованным атрибутом жречества, а сосуды были обязательным инвентарем, используемым в ходе жертвоприношений. Представляется, что в кургане мог. Высочино 7 обнаружены следы похоронных жертвоприносительных ритуалов. Очевидно, женщина, погребенная

в этом кургане, при жизни являлась служительницей культа. Находки на уровне древней дневной поверхности были обнаружены и в царском кург. 10 Кобяковского могильника. Однако, в связи с тем, что насыпь кургана была разрушена до начала раскопок, полученные данные не составляют единого текста. Яркий ритуальный комплекс из кург. 1 мог. "Дачи" следует связывать с обрядом посвящения-жертвоприношения коня и относить к разряду царской погребальной обрядности. Соответствия в ведийской, сарматской и осетинской обрядности объясняются тем, что восходят к общему первоисточнику периода индоиранского этнического единства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беспалый Е. И. Курган 1 в.н.э. у г. Азова.- *СА*. 1985, №4.
2. Беспалый Е. И. Курган сарматского времени у г. Азова.- *СА*, 1992, № 4.
3. Геродот. *История*. М, 200/.
4. Кузьмина Е. Е. О семантике изображения на Чертомлыцкой вазе.- *СА*. 1976, № 3.
5. Нарты. *Осетинский героический эпос*. Кн. 2. М., 1989.
6. Миллер В.Ф. *Осетинские этюды*.- *Ученые записки Императорского Московского университета*.. Вып.1. М., 1882.
7. *Ригведа*. Мандолы 1-4. М, 1989.

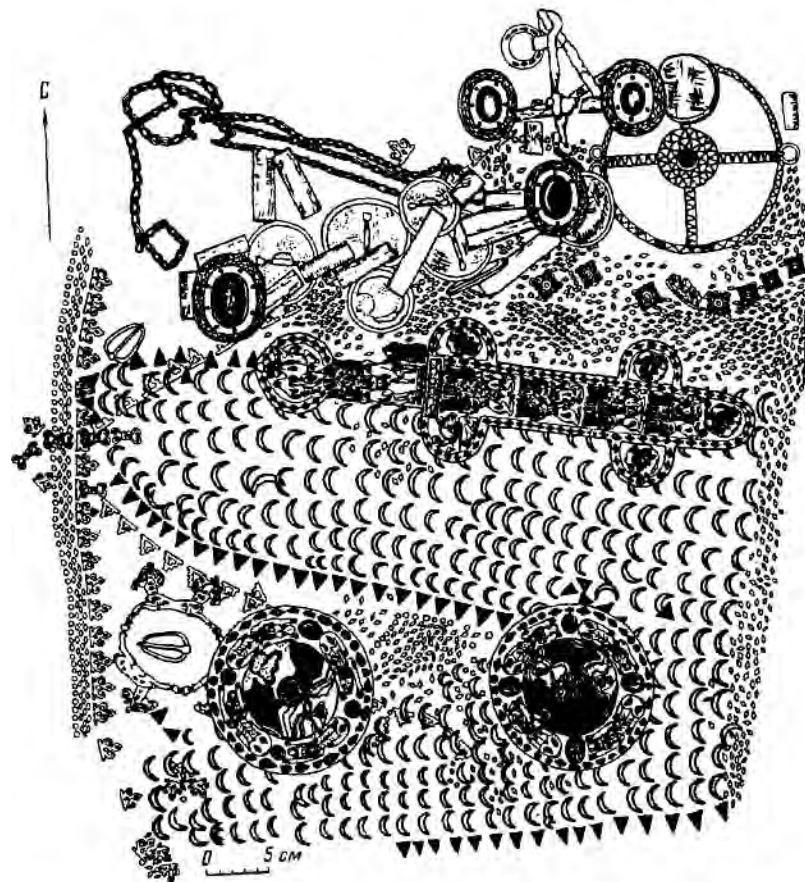

Рис. 1. Курган 1 мог. «Дачи». Верхнее покрывало коня, посвященного покойнику

НАХОДКА ДВУХ СТОЛИКОВ-БЛЮД ИЗ ДАРГАВСКОГО КАТАКОМБНОГО МОГИЛЬНИКА

В 2000 г. при раскопках катакомбы №28 аланского мог. у с. Даргавс Северной Осетии¹ среди прочего погребального инвентаря было найдено большое количество изделий токарной и ручной работы из дерева: кружки, миски, короба, орнаментированный пенал, древки стрел и др. Особый интерес вызывает находка двух столиков-блюд (Рис.1 а,б). Оба столика одинаковой конструкции: вырезаны из цельного куска дерева, имеют по четыре невысокие ножки, приподнятый бортик и отличаются лишь формой столешницы - у одного она слегка вогнутая и овальная, у второго - прямоугольная. Размеры столиков-блюд: а) 24x38 см, высота ножек - 7,5 см; б) 24x45 см, высота ножек - 5,2 см; высота бортика у обоих блюд 1,5 см. Наиболее вероятная датировка катакомбы 9 в.

Подобные столики в древностях средневековых северокавказских алан встречаются чрезвычайно редко. Ближайший их аналог - столик-блюдо из раскопок 1999г. на Архонском катакомбном могильнике², практически повторяющий форму и размеры первого из даргавских блюд. Архонская находка датируется концом 7 - 8 вв.

В то же время в более ранних памятниках подобные столики хорошо известны. Это, прежде всего, многочисленные находки из Пазырыкских и Туэктинских курганов [7, с.82сл.; 8, с. 109,116], отличающиеся более крупными размерами и одной конструктивной особенностью: они имеют съемные ножки, вставлявшиеся в специально высверленные в блюдах пазы, что делало их более удобными при перевозке. Очень близки описываемым овальные или подпрямоугольные блюда (размеры: 20-22x27-28 см) с закругленным бортиком, с четырьмя короткими ножками (высотой 2-10 см) или без них из курганов Уландрыка, [4, с.50сл.]. Подобные столики найдены в могильнике Кокэль в Туве [3, с.107сл.], в Фергане [6, 1959, рис.7], Ноин-Уле [9, с.33] и Кенколе [2, Таб. XVIII, XIX]. Большинство из них изготовлено из цельного куска дерева.

С.И.Вайнштейн высказал спорное мнение о заимствовании формы блюда-столика кочевниками у оседлых земледельческих народов [3, с. 108], поскольку они известны еще в Ассирии и ахеменидской Персии. Сходство ассирийских и ахеменидских столиков и тронов с горноалтайскими отмечалось еще С.И. Руденко, но оно ограничивается "круглыми резными ножка-

ми, опирающимися на львиные лапы и с кольцевым орнаментом..., но это не горноалтайские блюда-столики" [7, с.86]. Предположение С.И. Вайнштейна требует дополнительной аргументации и, прежде всего, убедительного ответа на вопрос: кем из кочевников, когда и у кого был заимствован данный тип стола.

Функциональное назначение описываемых низеньких столиков не вызывает споров у специалистов. Фактически это блюда или подносы на ножках, на которых подавалась пища, вероятнее всего, мясо [7, с.86; 8, с.202]. Любопытно, что на хорошо сохранившейся "столешнице" первого из даргавских столиков четко различимы следы от ножа; вполне возможно эти царапины оставлены именно при разрезании отварного мяса.

Переходя от археологических аналогий к этнографическим, хочется отметить как наиболее близкие тувинские деревянные блюда теспи (деспи) овальной или прямоугольной формы, имеющие такой же загнутый по краю бортик, четыре ножки и изготовленные из одного куска дерева (размеры: 20-25 x 20-45 см, высота ножек - 2-10 см). Теспи бытовали у западных тувинцев еще в нач. 20 в. как блюда для мяса [3, с.91,107]. Как ни парадоксально, мне не удалось найти близких аналогий даргавским столикам в осетинской этнографии. По словам Б.В. Техова, такого рода столики были хорошо известны в горной Осетии еще в первой пол. 20 в., где их также использовали в качестве блюда-подноса для отварного мяса. К сожалению, ни в опубликованных этнографических материалах, ни в этнографических коллекциях музеев Осетии такого предмета не обнаружилось.

Говоря об археологических и этнографических параллелях столикам из Даргавса, хочется высказаться по поводу другого хорошо известного алано-осетинского столика *фынг*. В отличие от Н.Е.Берлизова и В.Н.Каминского [1, с. 107], я не считаю возможным ставить знак равенства между столиками-блюдами и фынгом, хотя их близость несомненна. Первые, как уже говорилось, редки в аланских погребениях, второй встречается чаще (Рим-гора, Кольцо-гора, Гамовская балка, Хасаут, Архон, Даргавс). Фынг, как правило, имеет круглую крышку и три ножки. Отличаются они и функционально. Фынг являлся, прежде всего, столом, за которым происходила трапеза; кроме того, он мог служить для заклания жертвенного животного. Если он имел приподнятый бортик, в него могли складывать мясо, доставая его из котла. О сакральном характере фынга, его особом почитании осетинами неоднократно писалось в литературе [10, с. 108 сл.; 5, с. 159].

В заключение хотелось бы особо подчеркнуть, что и археологические (Алтай, Кокэль, Кенкол, Фергана) и этнографические (тувинцы, хакасы) параллели обнаруженным в Даргавсе столикам-блюдам уводят нас в Центральную Азию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берлизов Н.Е., Каминский В.Н. Аланы, Кангюй и Давань. - ПАВ, №7, 1993.

¹ Раскопки ведутся совместной археологической экспедицией Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований и Северо-Осетинского гос. Объединенного музея. Начальник экспедиции - Р.Г. Дзаттиаты.

² Автор выражает искреннюю признательность Э. Шестопаловой, любезно познакомившей меня с данной находкой.

2. Бернштам А.Н. Кенкольский могильник. Л., 1940.
3. Вайнштейн СИ. Мир кочевников центра Азии. М... 1991.
4. Кубарев В.Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
5. Кузнецов В.А. Алано-осетинские этюды. Владикавказ, 1993.
6. Латынин Б.А., Оболдуева Т.Г. Исфаганские курганы. - КСИИМК. т. LXXVI.
7. Руденко СИ. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.-Л., 1953.
8. Руденко СИ. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.-Л., 1960.
9. Руденко СИ. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М.-Л., 1962.
10. Уарзиати В.С. Праздничный мир осетин. Владикавказ, 1995.

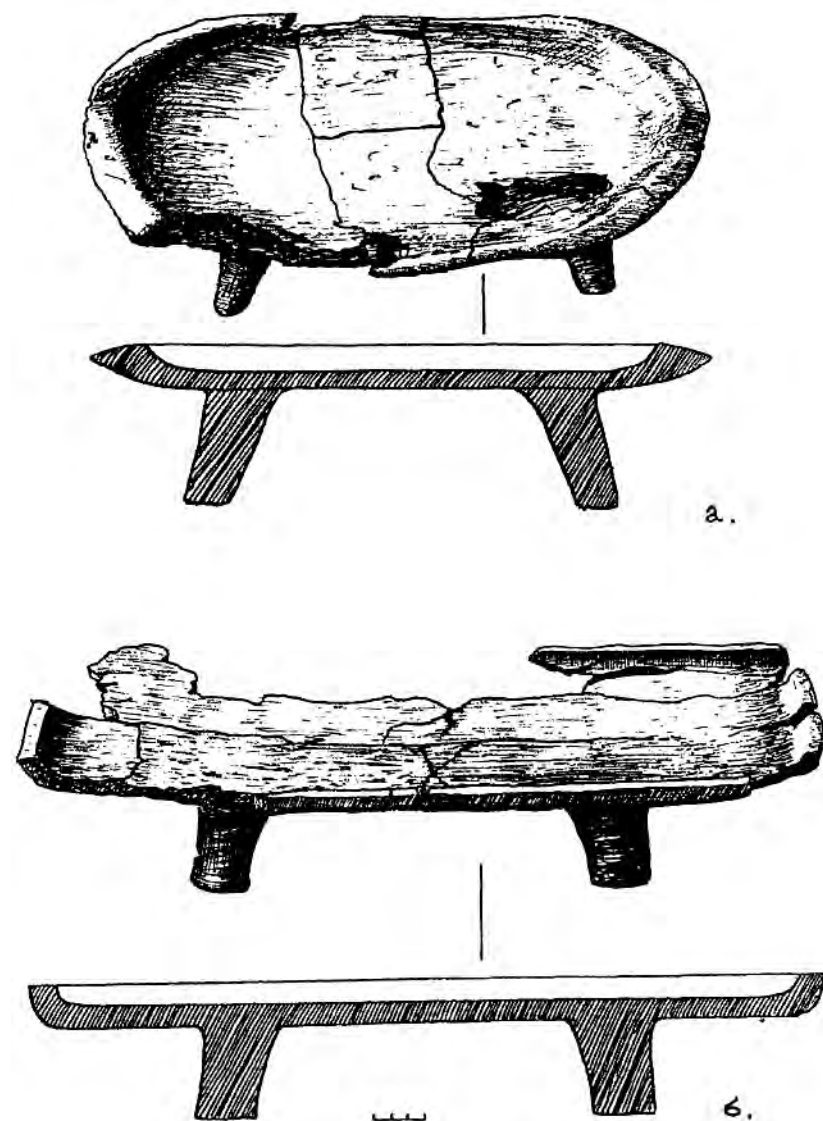

Рис. 1. Деревянные столики из катакомбы 28 могильника у с. Даргавс

ПРЕДГОРНЫЙ КРЫМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 3 В. Н.Э.

(по материалам могильников Дружное и Нейзац)

Могильники Дружное и Нейзац расположены в Центральном Крыму на северных отрогах Крымских гор в 12 км друг от друга. Они сходны между собой и, несомненно, оставлены одной этнической группой населения.

Некрополь Дружное находится у истоков р.Малый Салгир в 0,5 км к В от одноименного села Симферопольского р-на. В 1984 г. А.И. Айбабин изучил на нем один склеп и две подбойные могилы [1]. В 1990-1994 гг. не разрушенная часть памятника была полностью исследована экспедицией Симферопольского государственного университета. Всего открыто 25 склепов, 32 подбойные могилы и 29 грунтовых (15 с погребениями людей и 14 с погребениями коней) [2].

Могильник Нейзац расположен на правом берегу р.Зуя в 1 км к ЮВ от с. Баланово Белогорского района. Памятник был открыт в 1927 г., когда Н.Л. Эрнст доследовал разрушенные крестьянами склепы. В 1957 и 1969 гг. еще три склепа расчистила экспедиция Института археологии АН УССР [3, с.73 сл.]. С 1996 г. некрополь планомерно исследуется экспедицией Таврического Национального университета. Всего изучено 25 склепов, 47 подбойных могил, 75 грунтовых (из них 5 с погребениями коней) и 3 могилы уникальных конструкций [4; 5; 6].

Все погребальные сооружения этих могильников делятся на две культурно-хронологические группы. Первая характеризуется одиночными (реже парными) погребениями в подбойных или простых грунтовых (часто с пазами в стенах) могилах, которые сопровождалась стандартным в целом инвентарем, датированным концом 2-3 вв. н.э. Это зеркала-подвески с боковой петлей, браслеты с концами, орнаментированными в виде змеиных головок, и иных форм, краснолаковая посуда (в первую очередь тарелки с вертикальным бортиком), огромное количество разнообразных бус, которые составляли ожерелье и обшивку платья, фибулы: лучковые, смычковые, сильнопрофилированные и т.д. Большинство погребальных сооружений первой группы исследовано на могильнике Нейзац. В Дружном обнаружено лишь несколько таких могил, расположенных у самого края разрушившего значительную часть памятника карьера. Видимо, древнейшая часть этого некрополя была уничтожена современными земляными работами.

Во второй группе доминируют склепы с многократными погребениями, состоящие из подпрямоугольной в плане погребальной камеры и узкой входной ямы, соединенной с камерой коротким коридорчиком-дромосом. Подбойные и простые грунтовые могилы немногочисленны. Погребальный инвентарь представлен фибулами с прогнутым корпусом черняховского облика, зеркалами-подвесками с центральной петлей, пряжками

со ступенчато срезанным сзади язычком, короткими мечами и кинжалами с вырезами у пяты клинка, новыми формами краснолаковой и стеклянной посуды, узкогорлыми светлоглиняными амфорами типа F, специфическим набором лепной керамики и т.д.

Погребальные сооружения второй группы обычно датируют второй пол. 3-4 вв. н.э., а их появление связывают с переселением в Крым в середине 3 в. алан [7; 8; 9]. Однако обращает на себя внимание тот факт, что в наиболее поздних погребениях первой группы, содержащих фибулы и монеты середины - второй пол. 3 в. н.э. (№№ 20 и 24 Дружного [10; 11]), отсутствуют изделия, характерные для второй группы. В погребениях же второй группы за исключением некоторых типов украшений нет вещей, свойственных наиболее поздним захоронениям первой группы. Это наблюдение позволяет заключить, что древности второй группы распространяются не ранее конца 3 в. н.э.

Следует отметить, что комплексы второй пол. 3 в. н.э. в Предгорном Крыму крайне немногочисленны, в то время как захоронения первой пол. 3 и 4 вв. известны уже сотнями. Это отчасти объясняется сложностью их выделения из общего массива погребальных комплексов. Погребения этого времени совершены в таких же подбойных могилах, что и более ранние. Мало чем отличается и сопровождающий инвентарь. Наиболее четкий хроноиндикатор второй пол. 3 в. - двучленные лучковые фибулы, однако в крымских предгорьях их находки единичны (мог. №№ 20 и 24 Дружного, №№ 9(35) и 15(45) Черной речки [12] и, возможно, мог. № 28 Восточного некрополя Неаполя скифского [13, с.53]). Такая ситуация не может объясняться случайностью и явно свидетельствует о запустении полуострова в этот период.

Из письменных источников известно, что в середине 3 в. н.э. в Северное Причерноморье вторгаются племена готского союза. В это время опустевает хора Ольвии, гибнет Танаис и меотские поселения низовьев Дона и Кубани. Прекращает свое существование и т.н. позднескифская культура в Крыму. Единичные захоронения второй пол. 3 в. свидетельствуют о доживании старых культурных традиций в крымских предгорьях до конца этого столетия. Распространение же на полуострове новой археологической культуры, называемой иногда "культурой типа Инкерман" [14; 15], относится к концу 3 или рубежу 3-4 вв. н.э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айбабин А.И. Раскопки могильника близ с. Дружное в 1984 году.- *МАИЭТ, Вып. IV. Симферополь, 1994.*
2. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. н.э.) (в печати).
3. Высотская Т.Н., Махнева О.А. Новые позднескифские могильники в Центральном Крыму.- *Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев. 1983.*
4. Храпунов И.Н. Две грунтовые могилы из некрополя Нейзац в Крыму.- *МАИЭТ. Вып. VI. Симферополь, 1998.*

5. Храпунов И.Н. *О позднесарматской археологической культуре в Крыму.- Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья III Граковские чтения Запорожье, 1999.*
6. Кропотов В.В. *Погребение с фибулой среднелатенской схемы из могильника Нейзац.- Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.*
7. Храпунов И.Н. *О двух направлениях миграции предков средневековых алан- Донская археология. №2. 1999.*
8. Айбабин А.И. *Население Крыма в середине III - IVвв.- МАИЭТ.- Вып. V. Симферополь, 1996.*
9. Айбабин А.И. *Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени.-МАИЭТ. Вып. I. Симферополь. 1990.*
10. Храпунов И.Н, Масыкин В.В. *Подбойная могила второй половины III в. н.э. из могильника Дружное.- STRATUM + (ПАВ). СПб. - Кишинев, 1997.*
11. Храпунов И.Н. *Погребение середины III в. н.э. из могильника Дружное.- МАИЭТ. Вып. IV. Симферополь, 1994.*
12. Бабенчиков В.П. *Чорноріченський могильник.- АП УРСР. Т. XIII. 1963.*
13. Амброза А.К. *Фибулы юга Европейской части СССР II в. до н.э. -IVв. н.э. М., 1966.*
14. Юрочкин В.Ю. *Памятники группы Озерное-Инкерман в позднеантичном Крыму.- Херсонес в античном мире: историко-археологический аспект. Тезисы докладов. Севастополь, 1997.*
15. Труфанов А.А., Юрочкин В.Ю. *Боспоро-херсонесские отношения и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии III - IV вв. н.э.- Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. Материалы международной научной конференции. СПб., 1999.*

Ровно сто лет назад в докладе В.А. Городцова на XII археологическом съезде [15] была впервые выделена группа сарматских памятников северной Украины. С этого времени начинается накопление материала и создание общих трудов по археологии и истории европейских сарматов. К числу наиболее значимых разработок в этой области можно отнести труды М.И. Ростовцева [28; 29], К.Ф. Смирнова [32], М.И. Вязьмитиной [12; 13], МП. Абрамовой [1], Т. Сулимирского [42], Г.Б. Федорова [34], Э.А. Рикмана [26; 27], В.И. Гросу [14], М.Б. Щукина [36; 37; 38], А.В. Гудковой [16], А.В. Симоненко [30; 31], В.И. Костенко [19], А.П. Медведева [21]. В настоящее время создан ряд локальных хронологических шкал Европейской Сарматии, которые можно связать в общие схемы. Моя работа имела целью связать в единое целое уже предложенную ранее схему хронологии савромато-сарматских древностей Азии [7] и вновь разработанные шкалы для двух макрорегионов: Днепро-Донского и Дунайско-Днепровского междуречий.

Всего было исследовано ок. 800 комплексов, из которых ок. 300 вошли в итоговые корреляционные таблицы (Табл. 1-4). При этом наборы из мужских и женских погребений исследовались отдельно. Использовались готовые типологические схемы для бус [2-4], фибул [5], зеркал [35], бронзовой италийской посуды [38; 39; 40] и бронзовых котлов [10]. Для древностей Молдавии важны типологические разработки В.И. Гросу [14]. Корреляция хронологических индикаторов в комплексах позволила выделить 5 этапов (А-Е) для древностей днепро-донского междуречья и 4 этапа (А-Д) для междуречья Днестра и Дуная. Первые два этапа днепро-донской шкалы разделяет hiatus в 150-180 лет. Уточнение абсолютной и относительной хронологии позволило синхронизировать эти шкалы между собой и связать их с общей хронологией Азиатской Сарматии. Выделяются 5 горизонтальных секвенций [Табл.5], соответствующие второму-четвертому пластам предложенной мною хронологии Азиатской Сарматии [7].

Первый пласт (фаза А Днепро-Донской шкалы). Представлен небольшой серией погребений междуречья Дона и Сев. Донца. Это основные и впускные подкурганые погребения в прямоугольных ямах и дромосных могилах. В них типичная "скифская триада" сочетается с мечами и наконечниками стрел меотского облика, отмечены раннесарматское зеркало и изделия из уральской бронзы. Большинство комплексов по аналогиям из задонских и кубанских позднесавроматских погребений, а также по находкам амфор относятся к кон. 5-4 вв. до н.э., более ранним временем - 6 в. до н.э. - можно датировать погр. у ст. Хапры, относимое к кругу савроматских.

На протяжении почти всего 3 в. до н.э. сарматские древности не встречаются западнее Волги, а скифские фиксируются в Крыму, Приднестровье и на Нижнем Днепре. При этом на рубеже 4-3 вв. до н.э. фиксируется движение части скифов на восток в Задонье-Предкавказье-Закаспий [8]. Эти события синхронны периоду повышенного увлажнения в Европе [6; с. 15-17], вызвавшего продвижение лесов на юг и многоснежные зимы, затруднявшие зимние выпасы скота в степи.

Второй пласт. Более многочислен и представлен серией погребений и т.н. "кладов" от Дона до Днепра (фазы В1-2 Днепро-Донской шкалы). Ближе к финалу этого хронологического среза (Фаза А Дунайско-Днепровской и В 3-4 Днепро-Донской шкал) сарматские памятники появляются к западу от Днепра, аккуратно огибая при этом ареал культуры Поянешти-Лукашевка.

Материал из погребений представлен немногочисленными находками, характерными для прохоровской культуры: мечами с серповидными навершиями и прямыми перекрестиями, литыми зеркалами с валиком по краю и штырем для насадки рукояти, удилами с крестовидными либо S-видными двудырчатыми псалиями, чернолощенными сосудами, орнаментированными "полотенцами" и бронзовыми котлами 1 типа по Н.А. Боковенко [10]. Преобладающие в комплексах данного пласта зеркала типов VI и VIII по А.М. Хазанову [35], фалары, геометрические золотые бляшки, многовитковые браслеты, серолощенные кружальные кувшины, характерны уже для следующего этапа сарматской культуры. В Азиатской Сарматии такой набор типичен для комплексов кон. 2 - второй трети 1 вв. до н.э. [7, Таб. 1-4]. Датировку подтверждают и находки в погребениях данного пласта "воинских" и среднелатенских фибул, веретенообразных унгентариев типа артюховских.

Для этого пласта характерны впускные подкурганые погребения в небольших прямоугольных ямах с небогатым инвентарем. На правобережье Нижнего Днепра известно погребение в катакомбе-"чулке", а на правобережье Нижнего Дона - подбои. "Изюминкой" раннесарматских погребений Украины считается значительный процент погребений с северной ориентировкой. Аналогичные комплексы известны в Задонье. К западу от Днепра большинство комплексов этого времени являются кладами или жертвенно-

поминальными комплексами, немногочисленные погребения ориентированы чаще в западном секторе.

Третий пласт (фазы С1-3 Днепро-Донской и В1-2 Дунайско-Днепровской шкал). Характеризуется массовым распространением сарматских памятников в обоих исследуемых регионах. Особенно взрывообразно их распространение в Днепро-Дунайском междуречье и воронежской лесостепи.

Материал из погребений типичен для развитой среднесарматской культуры. Это мечи и кинжалы с прямым перекрестием и кольцевидным навершием, небольшие железные трехлопастные наконечники стрел, серолощенная кружальная посуда типа меотской и нижнедонской, зеркала типов VIII и IX/1 по А.М. Хазанову, котлы типа 2 по Н.А. Боковенко, украшения в "бирюзово-золотом" зверином стиле из курганов знати. Чернолощенная керамика с "полотенцами", ранние типы лучковых и сильнопрофилированных фибул, "Аукиссы", бронзовая римская посуда ступени В1 - начала ступени В2 позволяют отнести начальную дату пласта к кон. 1 в. до н.э. - рубежу эр, а финал к 80-100 гг. н.э..

Изменяется характер памятников. Исчезают т.н. клады. Одиночные впускные погребения уступают место курганным и грунтовым могильникам. Помимо погребений в обычных ямах появляются диагональные погребения, известны единичные катакомбы (только к западу от Днепра) и подбои. В низовьях Дона, Приднепровье и Приднестровье появляются богатые "княжеские" погребения.

Четвертый пласт (фазы D Днепро-Донской и С Днепро-Дунайской шкал). Хорошо представлен в Буго-Днепровском междуречье и гораздо слабее в более восточных областях, отделенных с 3 в. от памятников Буджака массивом черняховской АК.

Ядро инвентаря этого периода составляют мечи и кинжалы без металлического перекрестия и навершия, зеркала-подвески типа IX/2 по А.М. Хазанову, плоскодонные миски с загнутым внутрь бортиком, удила с кольчатым трензелем, а в поздних комплексах - грубые лепные горшки с выделенным дном и защипами по краю венчика. Стоит отметить некоторое запаздывание материала по сравнению с Азиатской Сарматией. Бронзовые римские сосуды ступени В2, фибулы (сильнопрофилированные 2 вар.; лучковые одночленные вар. 4; с завитком на конце приемника, двучленные лучковые) и круглорамчатые бронзовые пряжки с прогнутым язычком и прямоугольной обоймой ограничивают данный пласт рамками 2-3 вв.

Для этого времени характерны могильники с основными подкурганными и грунтовыми погребениями в подбоях, ямах с заплечиками, прямоугольных ямах. Исчезают диагональные и "княжеские" погребения с украшениями в "бирюзово-золотом" стиле. У погребенных фиксируется прижизненная деформация черепов.

* Предположение С.В. Полина о катастрофической засухе как причине запустения Скифии в III в. до н.э. [25] не подтверждается современными исследованиями палеоэкологов [6, 18 и др.] и в своей основе нелогично. Засуха в Причерноморье могла привести лишь к расширению степной зоны на север, как это имело место в эпоху поздней бронзы [22, с. 15], и появлению полупустынь. Последние являются идеальными зимними пастбищами [23, с. 178, 186]. Таким образом, номады в засушливый период лишь расширили бы свою экологическую нишу, что *de facto* в Причерноморье 3-2 вв. до н.э. не наблюдается.

Пятый пласт (фаза Е Днепро-Донской и D Днепро-Дунайской шкал). Характеризуется крайне немногочисленной выборкой мужских погребений в низовьях Дона, Среднем Приднепровье и низовьях Днестра и Дуная.

Характерные находки этого времени - трехчастные черняховские гребни, римские стеклянные кубки, ранние "хоботковые" пряжки, украшения в стиле Клаузонне. Хронологический диапазон таких вещей - 4, м.б., нач. 5 вв.

В этот период большая часть территории между Днестром и Дунаем занята древностями черняховской АК, а в Приднестровье в могильнике Кубей помимо сарматских встречены синхронные им гуннские погребения [33, Рис. 16-19,22].

Большинство сарматских погребений этого времени совершено в катакомбах (Т-образных к востоку от Днестра и "чулках" к западу от него), подбоях и ямах.

Анализ полученных хронологических колонок позволяет, сделать следующие выводы:

Первый и второй пласты причерноморской шкалы соответствуют началу и финалу прохоровского хронологического пласта Азиатской Сарматии. Третий причерноморский пласт синхронен (м.б. с небольшим запозданием) среднесарматскому азиатскому. Последние два хронологических пласта сарматских древностей Молдавии и Украины соответствуют поздне-сарматскому этапу восточной шкалы (Табл. 5).

Уточнение абсолютных дат для междуречья Дона и Днестра позволяет считать датировки А.В. Симоненко для Таврии [30; 31] несколько "растянутыми". В выделенной им группе погребений 2-1 вв. до н.э. преобладают комплексы с инвентарем переходным от ранне- к среднесарматскому. Это возможно лишь в случае сарматской "реконкисты" Причерноморья в последние 10-20 лет 2 в. до н.э. Фибулы среднелатенской схемы, часть из которых действительно может датироваться и LTZ C₂, сочетаются только с XII смешанного прохоровско-среднесарматского типа и могли попасть на Украину только в 1 в. до н.э., вероятнее всего в эпоху Митридатовых войн. Ряд комплексов 1 в. до н.э. неоправданно омолаживается, в т.ч. погребения с центральнокавказскими чернолощенными сосудами с "полотенцами". Последние после рубежа эр не производились и в комплексы не попадали [7]. Завышена и верхняя дата среднесарматского пласта: он хорошо укладывается в пределы кон. 1 в. до н.э. - 1 в. н.э. Последнее связано с тем, что хронология римского импорта на Украине, вопреки мнению А.В. Симоненко, хорошо согласуется с общепринятой, а не запаздывает.

Древности первого пласта принадлежат смешанной группировке носителей савроматского и раннепрохоровского культурных комплексов, известных, вероятно, под названием сирматов. Материалы Причерноморья подтверждают высказанное мною ранее предположение о перемещении в нач. 3 в. до н.э. савромато-сарматов на северные окраины развалившейся

Персидской империи [7]. Поход Александра создал необходимые политические предпосылки к миграции, а ее основной причиной можно считать изменение климатических условий в Причерноморье во второй пол. 4-2 вв. до н.э.

Сарматская "реконкиста" Причерноморья, вероятнее всего, начинается в 120-е - 110-е гг. и связана с переселением роксолан, скорее всего из Задонья. Именно там находят аналогии сарматские погребения Причерноморья кон. 2 в. до н.э.. Письменные источники [App. Mithr. 15, 72] и взаиморазмещение сарматских и позднескифских памятников позволяют говорить о мирных и даже союзнических отношениях, сложившихся у роксолан со скифами. Наличие и в позднескифских, и в сарматских погребениях кельтского оружия и украшений LTZ D1 подтверждает свидетельства об участии варваров Причерноморья в Митридатовых войнах [9; 38, с. 143].

Появление сарматов на западном берегу Днестра в сер. 1 в. до н.э., одновременные разрушения на позднескифских городищах, исчезновение тираспольской группы скифов и кризис культуры Поянешти-Лукашевка можно считать результатом нашествия гетов Буребисты в 49 г. до н.э.. Близость первых сарматских памятников к западу от Днестра кубанским позволяет связывать их с проникновением на запад сираков. Появившиеся в это время катакомбные могильники типа Золотой Балки, близкие центрально-кавказским (Прочно-окопская, Нижний Джулат, Чегем), могут принадлежать аланам. Первые диагональные погребения Таврии и "княжеские" погребения правобережья Дона кон. 1 в. до н.э. ~ нач. 1 в. н.э. могут документировать перемещение на запад части аорсов. Таким образом, можно считать, что этнокарта Причерноморья, зафиксированная Плинием [NH., IV, 83] реально сложилась во второй пол. I в. до н.э., а карта Страбона [Geogr., VII, III, 17] - раньше.

Основным населением степей Причерноморья в 1 в. можно считать роксолан и язигов. Гипотезе Ю.Г. Виноградова о перемещении политического центра Аорсии в Причерноморье [11] противоречит локализация большинства сарматских "княжеских" погребений, соотносимых с упоминанием "величайших царей" в низовьях Дона и отсутствие серьезных изменений в культуре сарматов междуречья Дона и Волги на протяжении всего среднесарматского периода, т. е. с последней трети 1 в. до н.э. по кон. 1 в. н.э.. Сираки и аорсы этнокарты Плиния были, скорее всего, небольшими выселками избыточного населения Дона и Кубани.

Серия среднелатенских и раннеримских импортов из комплексов кон. 1 в. до н.э. - первой трети 1 в. н.э. подтверждает сообщения о первых набегах сарматов на дунайские провинции Рима в 16 г. до н. э. и 10-12 гг. н.э. [Dio Cass., LX. 30. 3; Ov. Tr. III, 10, 34; V, 7, 13-14, 56; V, 12, 58; Ep. III, 2, 40; IV, 7,9-10].

Во второй трети 1 в. н.э. сарматские памятники между Днестром и Днестром смещаются на север к границам зарубинецкой АК, городища ко-

торой подвергаются разрушению и запустению, прекращают функционировать могильники в Золотой Балке и Петуховке и прерывается функционирование могильника в Николаевке. По времени эти события совпадают с сообщениями о волнениях сарматов, блокаде варварами Ольвии [11], повлекших за собой карательную экспедицию Плавтия Сильвана [CIL., XIV, 3608].

Перемещение некрополя аорсской знати на правый берег Дона (Хохлач, Садовый, Кобяково, Чугунно-Крепинка) появление под Винницей в Порогах комплекса круга кубанского "Золотого Кладбища", наборы парадной римской посуды ступени В1с-В2 из погребений сарматов Дона и Кубани может свидетельствовать о появлении в Причерноморье новой волны кочевников с востока в кон 60х-80е гг.. Тацит, сообщая о набегах роксолан 69 г. [Hist. I, 79], отмечал своеобразие сарматских чешуйчатых панцирей, а потому лишь близкими контактами восточных сарматов с западом можно объяснить сходство наборов панцирных чешуи I в. из "Золотого Кладбища" [17, Кат. 56, 178/2; 7, Таб. IV, XII 99.] и римских лагерей на Дунае [41, Fig. 159, 161].

Римский импорт ступени С2 из комплексов II в. скорее всего, мог появиться в результате набегов роксолан на Мезию и Фракию в 102, 117-118 гг. либо во время Маркоманнских войн.

Изменения в археологической карте Причерноморья в III в. связаны с готской инвазией [20, С.3; 37, С]. Глубокое проникновение германцев на не свойственные им степные территории и уход отсюда сарматов, возможно, были следствием увлажнения климата между 180 и 350 гг. [6, С. 18] и разрастания лесов, занимавших долины Южного Буга и Днепра [24, С.367]. О мирном сосуществовании готов и сарматов (невозможном в случае военного захвата первыми части степи) свидетельствуют материалы позднесарматских и черняховских погребений Причерноморья [26, С.86-87]. Документировано совместное участие готов, алан, роксолан, саракенов (сираке-нов-сираков?) в Сарматской войне 260-70 гг. [SHA. Divus Avrelianus. 33].

Исчезновение сарматов в Причерноморье может быть результатом вторжения гуннов в 370е гг.. Можно отметить хотя бы временное сосуществование тех и других в Буджакской степи, о чем говорят синхронные сарматские и гуннские погребения могильника Кубей.

ЛИТЕРАТУРА

1. М.П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины II в. до н.э. - I в.н.э.- СА, 1961. №1.
2. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья- САИ, Вып. Г1-12. М., 1975,
3. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья- САИ, Вып. Г1-12. М., 1978.
4. Алексеева Е.М. Античные бусы Северного Причерноморья- САИ, Вып. Г1-12. М., 1982.
5. Амброз А.К. Фибулы юга Европейской части СССР.- САИ, Вып. Д1-30. М. 1966
6. Бараиш СИ. История неурожая и погоды в Европе. Л., 1989.

7. Берлизов Н.Е. Относительная хронология Азиатской Сарматии VII в. до н.э. - IV в. н.э.- ИИА. Вып. 4. 1998.
8. Берлизов Н.Е. Поздние скифы на Северном Кавказе,- Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии: V "Минаевские чтения" по археологии, этнографии и краеведению Северного Кавказа. ТДК. Ставрополь, 2001.
9. Берлизов Н.Е., Еременко В.Е. Латенские импорты в сарматских памятниках Причерноморья: проблема интерпретации.- Древности Кубани, Вып. 7. Краснодар, 1998.
10. Боковенко Н.А. Типология бронзовых котлов сарматского времени в Восточной Европе,- СА, 977, №4.
11. Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в.н.э.- ВДИ, 1994. №2.
12. Вязьмитина М.И. Сарматские погребения у с. Новофилиппоека.- ВССА. М., 1954.
13. Вязьмитина М.И. Сарматское время - Археология Украинской ССР, т. 2. Киев. 1986.
14. Гросу В.И. Хронология памятников сарматской культуры Днестровско-Прутского междуречья. Кишинев, 1990.
15. Городцов В.А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г.- Тр. XII АС в Харькове. М, 1905.
16. Гудкова А.В., Фокеев М.М. Земледельцы и кочевники в низовьях Дуная I-IV вв. н.э. Киев, 1984.
17. Гущина И.И., Засецкая И.П. "Золотое кладбище" Римской эпохи в Прикубанье. СПб., 1994.
18. Демкин В.А., Лукашов А.В. Почвенно-ландшафтные условия Северо-Западного Прикаспия во II тыс. до н.э. - I тыс. н.э.- РА, 1993. № 4.
19. Костенко В.И. Сарматские памятники Днепро-Донского междуречья III в. до н.э. - середины III в. н.э. Днепрпетровск, 1983.
20. Кропоткин В.В. Предисловие. Могильники Черняховской культуры. Вып. 2. М. 1988.
21. Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.
22. Медведев А.П. Ранний железный век лесостепного Подонья. Археология и этнокультурная история I тысячелетия до н.э. М, 1999.
23. Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М. 1977.
24. Нейштадт М.И. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М., 1957.
25. Полін СВ. Про сарматське завоювання північного Причорномор'я.- Археологія, 1984, Вып. 45.
26. Рикман Э.А. Поздние сарматы Днестровско-Дунайского междуречья- СЭ, 1966, №1
27. Рикман Э.А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М, 1975.
28. Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918.
29. Ростовцев М.И. Скифия и Боспор. Л., 1925.
30. Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993.
31. Симоненко А.В. Европейские аланы и аланы-танаиты в Северном Причерноморье. - РА. 2001. № 3.
32. Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.
33. Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Сарматские древности Днестро-Дунайского междуречья. III Могильники Васильевский и Кубей. Киев, 1990.
34. Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья.- МИ А, 1960, Вып. 89.
35. Хазанов А.М. Генезис сарматских бронзовых зеркал.- СА, 1963. №3.
36. Щукин М.Б. Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой.- АСГЭ, Вып. 14, Л., 1972.

37. Щукин М.Б. Сарматы на землях к западу от Днепра и некоторые события I в. в Центральной Европе.- СА. 1989. №1.
 38. Щукин М.Б. На рубеже эр. СПб., 1994.
 39. Eggers H.J. Der romische import im freien Germanien. Hamburg, 1951.
 40. Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. - BAR, Int. Ser., 278. Oxford, 1986.
 41. Robinson H. Russet. The armour of imperial Rome. Arms and armours. London, 1975.
 42. Sulimirsky T. The Sarmatians. London, 1970.

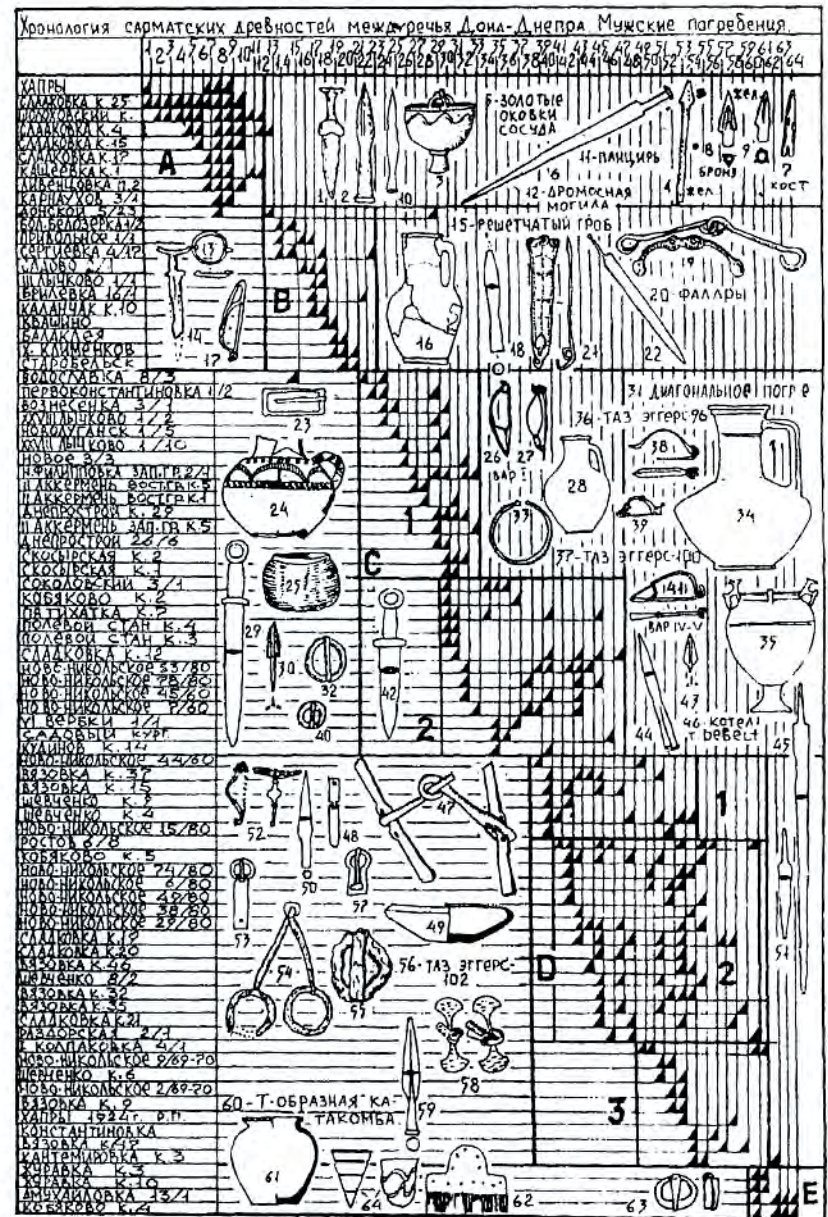

Рис. 1.

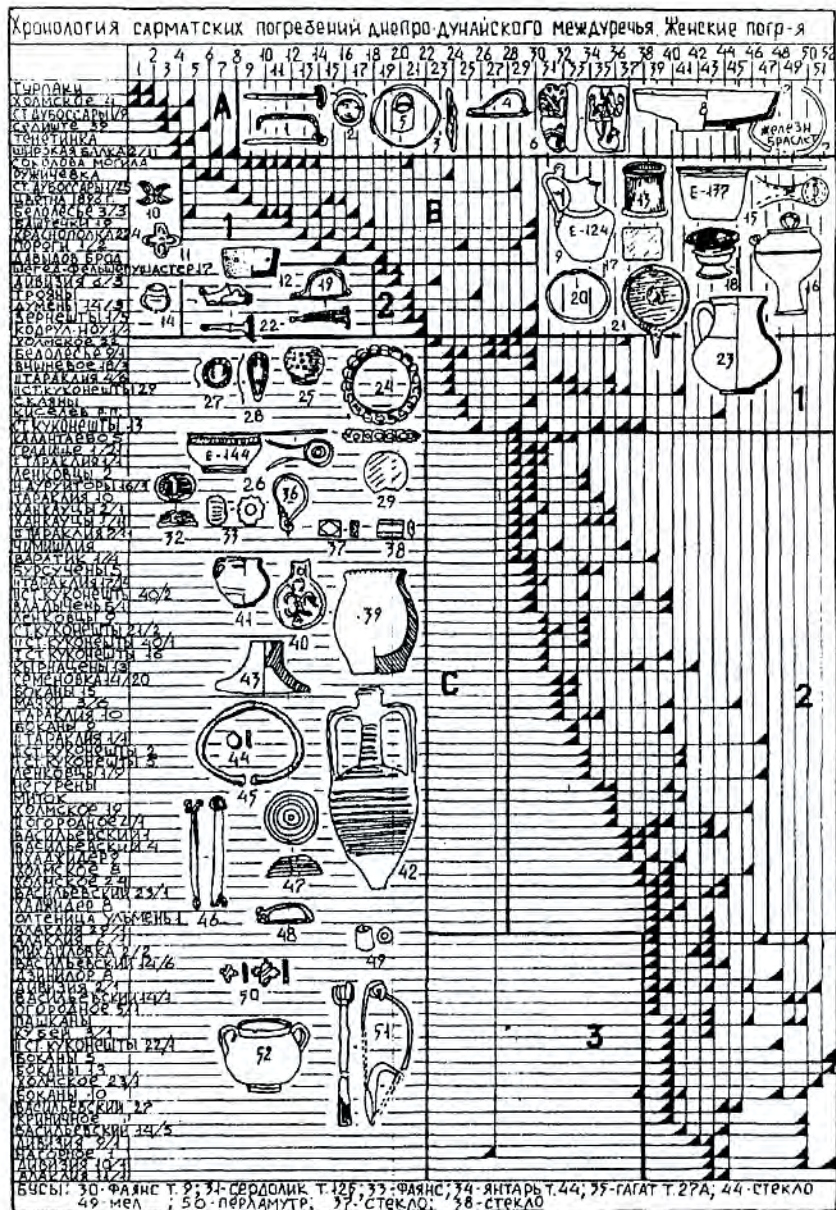

Рис. 4.

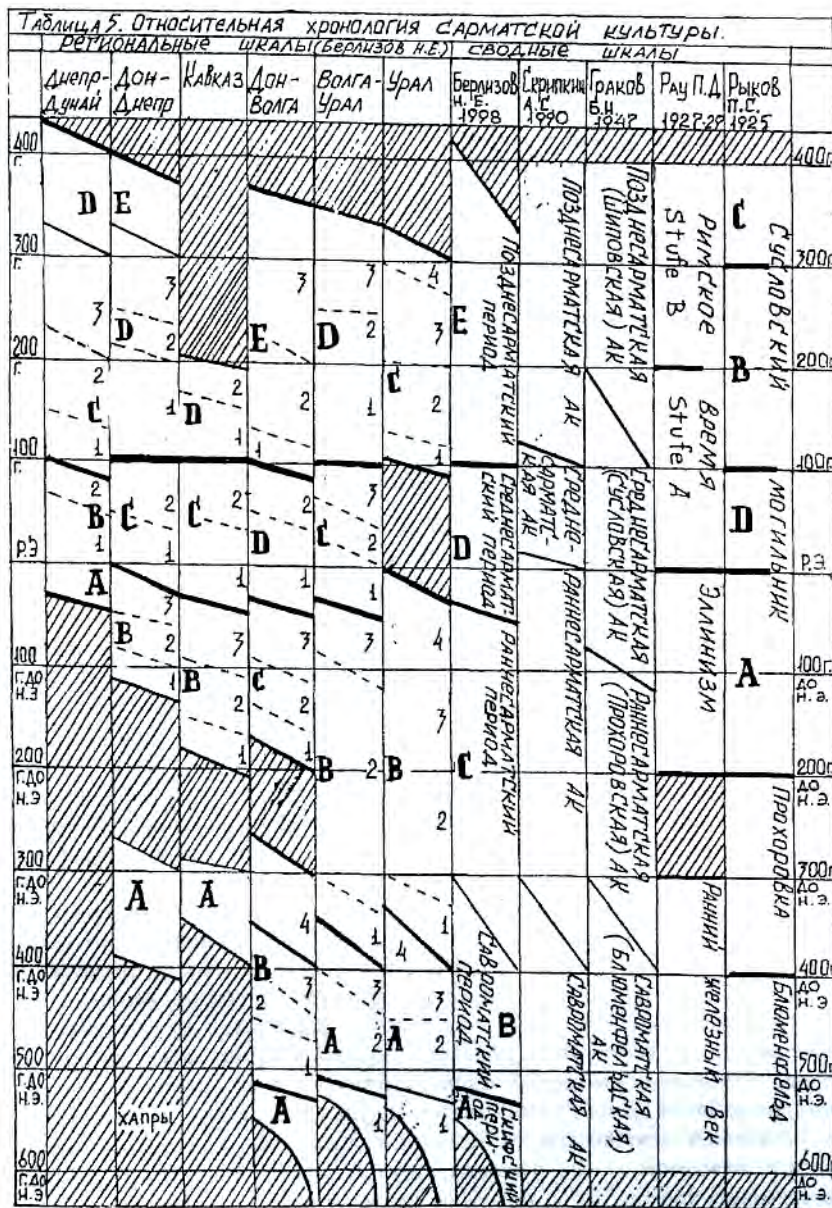

Рис. 5.

ЛАТЕНСКИЙ И РИМСКИЙ ИМПОРТ В САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Изучение сарматской культурно-исторической общности невозможно без разработки подробной хронологии сарматских древностей. Типологическое разнообразие характерных для этой культуры вещей дает прекрасные возможности для выделения хронологических индикаторов. Кроме того, успешное решение этой проблемы есть один из путей правильного понимания исторической и культурной ситуации сарматского времени в Северном Причерноморье. С момента своего появления здесь и до исчезновения с исторической арены сарматы постоянно и тесно контактировали с соседними античными государствами: греческими полисами и Римской империей. Именно оттуда сарматы получали импортные товары: фибулы и другие детали костюма, керамические, металлические и стеклянные сосуды, драгоценности, некоторые виды оружия. Хронология этих вещей хорошо разработана и может использоваться как базовая для хронологических разработок по сарматской культуре.

Первые латенские, италийские и провинциальные импорты в сарматских погребениях были найдены еще в 19 в. и сейчас составляют многочисленную категорию, требующую отдельного изучения. Однако между накоплением материала и его исследованием создалась заметная диспропорция. Единственная обобщающая работа, где собрано менее половины известных на сегодняшний день римских импортов из сарматских погребений Северного Причерноморья - книга В.В.Кропоткина (Кропоткин В.В., 1970) - из-за долгой подготовки устарела уже к моменту издания. Часть предметов опубликована в отдельных работах А.И.Мелюковой (1962, с. 193 сл.), М.И.Вязьмитиной (1954, с.220 сл.), Е.В.Махно (1961, с.14 сл.) В.И.Костенко (1993) и других. Однако, не будучи основной целью, римские импорты в этих публикациях исследованы походя и недостаточно документированы. Большая часть материала (особенно из раскопок последних лет) неопубликована и хранится в фондах музеев и научных организаций различных городов Украины и России. В настоящее время, при кризисной экономической ситуации в этих странах, изучение и публикация импортов (трудоемкая и затратная из-за сложных иллюстраций) стали непростым делом.

Таким образом, в современной науке фактически нет отчетливого представления ни о структуре римского импорта в сарматской культуре Северного Причерноморья, ни об этапах и путях его поступления. Соответственно, разработка хронологии сарматской культуры и корреляция результатов с системой европейской хронологии, основанной целиком на римском импорте, невозможны без решения этих вопросов. Эта работа особенно своевременна теперь, когда подобное исследование выполняется учеными Чехии, Польши, Венгрии, Словакии и других стран, территории которых в

римское время были включены в сферу политического и культурного влияния Империи.

На территории современной Украины мне известны 144 сарматских комплекса, содержащих латенские и римские импорты (378 золотых, серебряных, бронзовых, железных, стеклянных, керамических и др. предметов) нескольких категорий. Наиболее многочисленна керамика: амфоры, буро-, черно- и краснолаковая посуда (последняя найдена в каждом четвертом погребении). Керамический комплекс включает чаши, миски, тарелки, кубки, блюда, фигурные сосуды в основном малоазиатского производства.

Достаточно широко представлена металлическая посуда. Преобладают бронзовые кувшины Эггерс 124 (Цветна), Geglierte kanne (Чугуно-Крепинка) и Blechkanne (Чугуно-Крепинка, Павловка, Константиновка, Котловина, Оланешты) по А.Радноти. Последние принадлежат варианту Стралджа по Б.А.Раеву, доказавшему их фракийское производство. Немногочисленны позднелатенские ситулы Эггерс 23 (Марьевка, Веселая Долина, Новые Бедражи). Обычны в сарматских погребениях бронзовые ковши Эггерс 137 (Цветна), 140 (Траяны, Старая Кобуска, Краснополка, Кагарлык), 142 (Ново-Петровка), 144 (Чугуно-Крепинка, Старые Куконешты) и тазы Эггерс 70 (Новофилипповка, Усть-Каменка), 100, 102 (Вербки, Павловка, Константиновка, Чугуно-Крепинка, Оланешты). Редки находки бронзовых палеры Эггерс 155 (Петрики), цедилки Эггерс 160 (Чугуно-Крепинка, Оланешты) и кубка типа Тассинари Z 2134 (Баштетки).

Серебряные сосуды представлены уникальными ближневосточными кувшинами штучной работы (Соколова Могила, Весняное), фракийскими канфарами Эггерс 168 и 169 (Соколова Могила, Запрудье), позднеэллинистическими чашами (Весняное, Цветна, Великопоское) и стаканами редких форм (Чугуно-Крепинка, Актово).

В Ново-Подкряже и могильнике Шевченко найдены бронзовые кованые фракийские котелки Дебелт, в могильнике Градешка - ситула Хем-моор.

Среди стеклянных сосудов преобладают кубки и кувшины. Три однотипных кубка Айсингс 44 происходят из позднесарматских могильников конца 2 - первой пол. 3 в.н.э. Нагорное и Хаджидер 2. Конусовидные кубки Айсингс 106d найдены в более поздних могилах в Дмухайловке, Богуславе и Шаболате, кувшин Айсингс 52с - в Михайловке. Единичны находки фрагментов кубка в технике миллефиори (Богуслав) и канфара с накладным орнаментом (Белолесье). Среди туалетных сосудов - бальзамарии Айсингс 28b (Приморское) и Айсингс 6 (Маяки), кувшинчик Айсингс 14 сирийского производства (Аккермень).

Импортное оружие редко и представлено умбоном щита типа Ко-жень или Циллинг К2 из могильника Курчи, наконечником ножен гладиуса типа Помпеи (Долиняны) и шлемами Монтефортино (Марьевка, Беленькое, Веселая Долина, Приволье, Мелитополь). По форме и орнаментации они

принадлежат следующим разновидностям (по Г. Робинсону): Марьевка, Беленькое - А или А/В; Веселая Долина, Приволье, Мелитополь - В.

Импортные фибулы - раннеримские шарнирные типа Ауцисса (6 экз.) и с кнопкой на конце приемника и дуговидной орнаментированной спинкой (3 экз.), с ажурным приемником (2 экз.), броши (4 экз.). Хорошо представлены сильно-профилированные фибулы причерноморских и западных типов (21 экз.), фибулы с высоким приемником, поздние варианты шарнирных. Уникальна золотая фибула из могильника Фрикацей, инкрустированная сердоликом в технике клуазонне.

Италийские и провинциальные зеркала из сарматских погребений двух типов: с диском, украшенным концентрическими кругами (4 экз.) и прямоугольные (4 экз.).

Импортные пряжки двух разновидностей: "маркоманнские" или Раддац С (5 экз.) и с 8-видной рамкой из богатых погребений в Цветне и Чугуно-Крепинке. Бронзовые и серебрянная, плакированная золотом "маркоманнские" пряжки - импортные, железные - копии римских оригиналов.

Многочисленны золотые полихромные украшения: ожерелья, браслеты, серьги, перстни со вставками из драгоценных и полудрагоценных камней (рубин, гранат, изумруд, топаз), бусины и плакетки в виде скарабеев, амфор, алтарей, "кукишей" и проч. из египетского фаянса.

Обычны костяные пиксиды и туалетные флаконы из золота и различных минералов, детали шкатулок.

Среди уникальных изделий опакхала (Соколова Могила), бронзовые маски и костяные статуэтки (Соколова Могила, Чугуно-Крепинка), весы, фрагменты древних предметов, непонятные сарматам и использованные как амулеты (например, костяной наконечник стиля из Соколовой Могилы).

Рассмотренные импорты объединяются в достаточно компактные хронологические группы. Такие группы европейского Барбарикума Р.Волонгевич в свое время (1970, s.121) назвал волнами ("чешская", "словацкая" и т.д.). Я посчитал целесообразным продолжить эту номенклатуру, однако названия волн увязал с определенными историческими событиями, в результате которых импорты и попадали в Сарматии. Первая волна, в составе которой ситулы Эггерс 23, шлемы Монтефортино и псевдо-атические, латенское оружие и воинское снаряжение, позднеэллинистическая металлическая и керамическая посуда, датируется концом 2 - первой третью 1 в. до н.э., что совпадает с фазой D₁ позднего предримского времени по К. Голдовскому. Эти вещи попали в Сарматии, скорее всего, во время правления Митридата Евпатора, когда сарматы активно контактировали с галатами. Поэтому первую хронологическую волну импортов я предлагаю называть "Митридатовой". Вторая - наиболее многочисленная волна (бронзовая и серебряная посуда Эггерс 70, 100, 102, 124, 137, 140, 142, 144, 155, 160, 168, 169, сирийские серебрянные кувшины, малоазийский красный лак,

фибулы, зеркала, стекло миллефиори и дуговая посуда Айсингс 6, 14, 28b, 52c, полихромные драгоценности, египетский фаянс и алебастровые флаконы, пиксиды и проч.) - датируется второй пол. 1 - серединой 2 в.н.э. и синхронизируется в целом со ступенью В₂ европейской хронологии. Историческое ее содержание сложное. Судя по составу комплексов и их топографии, часть импортов (раннеримские шарнирные фибулы, стекло миллефиори, бронзовые миски Эггерс 70, сирийские серебрянные кувшины, пиксиды, алебастровые сосуды, египетский фаянс) появилась в Северном Причерноморье с их владельцами - сарматами "восточной волны", перекочевавшими сюда из Азиатской Сарматии во второй пол. 1 в.н.э. Я вслед за М.Б.Щукиным связываю эту перекочевку с римско-боспорским конфликтом 45 - 49 гг. Многочисленная краснолаковая керамика, амфоры, античные драгоценности, возможно, бесцветное стекло поступали к сарматам, вероятно, из причерноморских античных центров (Ольвия времени "царства Фарзоя", Тира, Боспор) на протяжении всего рассматриваемого периода. Приток паннонских и дакийских фибул, бронзовых сосудов и сервизов, зеркал и других вещей европейского происхождения может быть связан с активизацией римско-сарматских контактов на дунайской границе при Флавиях и первых Антонинах. Таким образом, вторую волну римских и провинциальных импортов в Северное Причерноморье возможно называть "римско-боспорской". Одной из ее особенностей является запаздывание некоторых вещей - ранние хронологические индикаторы (фибулы Ауцисса, кувшины Рандз, Geglierte Kanne, гёдакерский ковш с клеймом Picus времени Флавиев) найдены в комплексах, которые на 50-100 лет позднее их. Третья хронологическая группа (вторая пол. 2 - первая пол. 3 в.н.э., ступень С₁ европейской хронологии) представлена стеклянными кубками Айсингс 44 и фиалами Сорочкина А14/16, провинциальными шарнирными фибулами и фибулами с высоким приемником, поздним красным лаком. Историческая канва поступления этих вещей - события Маркоманнских войн, поэтому эту волну я предлагаю назвать "маркоманнской". Наконец, наиболее поздняя группа, подразделяющаяся на две подгруппы (умбон Кожень, украшения в технике клуазонне, стеклянные кубки Айсингс 106d, ситула Хеммоор) отражает контакты сарматов с поздней Империей и ее федератами на ступенях С₂ и С₃ европейской хронологии, и эта волна может быть названа "позднеримской".

Б.А.Раев (1992, с.78-79) выделил волны поступления импортов к сарматам юга Восточной Европы (Нижний Дон, Прикубанье и Предкавказье). По его мнению, наиболее ранняя группа (металлическая и стеклянная посуда позднего Латена, кельтское оружие) датируется 1 в. до н.э. и связана с участием сарматов в войнах Митридата Евпатора и Фарнака. Вторая волна (конец 1 в.н.э.) есть следствие аланского похода в Закавказье в 72 г.н.э. Походами аланов в 114 и 134 гг. и во второй пол. 2 - нач. 3 вв.н.э. Б.А.Раев объясняет третью и четвертую волны импортов, представленные провинци-

ально-римскими металлическими и стеклянными сосудами ступени В2 европейской хронологии и их более поздними кавказскими репликами. Поступление импортных изделий во второй половине 3-4 в.н.э., по мнению автора, уже не связано с аланскими походами.

Нетрудно заметить, что выделенные Б.А.Раевым и мной волны поступления импортов в отдельных моментах совпадают. Можно поспорить по поводу нижней даты моей первой волны, которую диагностируют, в частности, ситулы Эггерс 23 (по моему мнению), Эггерс 19 (по мнению Б.А.Раева) или Эггерс 20 по В.Е.Еременко (1997, с. 177). Такие сосуды из Сарматии вообще несколько отличаются от эггерсовых форм (Eggers 1951, Taf.4,19,20,23). Однако при общем сходстве корпуса у ситул Эггерс 19 и 20 на плечиках и горловине имеются фигурные бронзовые атташи для дужки, следов которых нет на сосудах из Сарматии. Дужки последних всегда железные, как у ситул Эггерс 23 (точно определить систему крепления не позволяют коррозия и утраты). Впрочем, все перечисленные типы Х.Ю.Эггерс относил к одной и той же ступени А его хронологии. В.Е.Еременко полагает, что ситулы из Сарматии "с достаточной уверенностью" можно отнести к Латену С2 или 197 - 101 гг. до н.э. по современной европейской хронологической шкале (Еременко 1997, с. 15, Рис.1; с. 177). Боюсь, что эти хроноиндикаторы не помогут сузить дату комплексов, где они были найдены (Сипотены, Новые Бедражи, Марьевка, Веселая Долина, Новочеркасск). Не исключено, что эти вещи попали к сарматам во время Митридатовых войн [Раев, Симоненко, Трейстер 1990, с. 124]. Однако, судя по крымским материалам, начало активных контактов скифов и сарматов с понтийскими галатами (от которых кельтские вещи и попадали к ним) относится еще ко времени Скилура и Палака. Таким образом, ситулы Эггерс 23 (19? 20?) могли начать поступать в Северное Причерноморье и в конце 2 в. до н.э. "Римско-боспорская" волна импортов имеет несколько иную природу, нежели синхронная ей вторая волна Б.А.Раева, однако обе они связаны с аланами (первая в меньшей, вторая в большей степени). Волны импортов позднесарматского времени в Северное Причерноморье и Азиатскую Сарматию имеют разную историческую основу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вязьмитина М.И., *Сарматские погребения у с. Новофилипповка* //ВССА. М. 1954.
2. Еременко В.Е., "Кельтская вуаль" и зарубинецкая культура. СПб. 1997.
3. Костенко В.И., *Сарматы в Нижнем Поднепровье (по материалам Усть-Каменского могильника)*. Днепрпетровск. 1993.
4. Махно С.В., 1961. *Розкопки курганів епохи бронзи та сарматського часу в с.Усть-Кам'янка*//АП УРСР. Т.9.
5. Мелюкова А.И., 1962. *Сарматское погребение из кургана у с.Оланешты* //СА. №1.
6. Раев Б.А., 1992. *Аланские походы в Закавказье. Археологические данные* //Киммерийцы и скифы. Тез. докл. междунар. конф. пом. А.И. Тереножкина. Мелитополь

7. Раев Б.А., Симоненко АЛ, Трейстер М.Ю., 1990. *Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе* //Древние памятники Кубани. Краснодар.
8. Eggers H.-Jü., 1951. *Der römische Import im Freien Germanien. Atlas der Urgeschichte. Bd. I. Hamburg.*
9. Wotagiewicz R, 1970. *Napływ importów rzymskich do Europy na północ od środkowego Dunaju*//AP. T.XV. Warszawa.

ДВЕ НОВЫЕ НАХОДКИ ИМПОРТНЫХ ШЛЕМОВ ИЗ ЦЕНТРАЛЬНОГО ПРЕДКАВКАЗЬЯ

В 1995г. при раскопках сарматского курганного могильника у с.Заманкул Северной Осетии было исследовано погр.56, кур.2.* Погребение в катакомбе III типа (по К.Ф.Смирнову). Во входной яме целое захоронение лошади и отдельные части другой лошади, сопровождаемые находками железных кольчатых удил с псалиями, железных втульчатых наконечников стрел, сосуда, железного тлена, бронзовой подвески, бусины. В заполнении дромоса обнаружен шлем типа Монтефортино (Рис.1). В камере катакомбы зафиксировано шесть погребений, три из которых являются последующими подзахоронениями. При их совершении, вероятно, был потревожен костяк лошади. Дно камеры с меловой подсыпкой. Погребение сопровождалось керамическими сосудами, мисками, стеклянным канфаром, железными втульчатыми наконечниками стрел и копий, бус, бисера, предмета из кости, звеньев железной цепи, фрагментов железа, железной пряжки, бронзовой фибулы с кварцевой вставкой, железного стержня в деревянной оправе и бронзового навершия в золотой фольге, костей барана [13].

Найденный сильно деформированный и разрушенный шлем (хранится в фондах СОГОМИАЛ) имел полусферическую тулью, переходящую в шейку усеченно-конического навершия и узкий козырек-назатыльник. Край тульи отогнут, утолщен и украшен косыми насечками. Над ним располагаются две параллельные линии, пространство между которыми заполнено точечным орнаментом, полоса елочного орнамента, над которой повторялись две параллельные линии с заполнением точечным орнаментом. Назатыльник украшен фризом из треугольников с шишечками. По бокам тульи сделано по два отверстия для отсутствующих нащечников. Навершие имеет небольшое углубление, украшено двумя параллельными линиями, под которыми изображены парные арки, основание которых подчеркнуто горизонтальной линией. Шлем относится к типу Монтефортино А/В 2 пол. 4 - нач. III вв. до н.э. Наиболее близок ему шлем из Новочеркасска, Шлем является 15-м найденным на юге Восточной Европы экземпляром шлемов типа Монтефортино [3; 12], и, в отличие от большинства из них, надежно зафиксирован в замкнутом комплексе.

Появление таких шлемов в сарматских погребениях связывают с проникновением в Нижнее Поднестровье во 2-й-3-й четвертях 3 в. до н.э. кельтов (галатов декрета в честь Протогена) [3,с.80], столкновением в 3 в. до н.э. в районе Поднестровья кельтов и сарматов [15, с. 112; 4, с. 19 сл.], участием сарматов в действиях Гатала во время воинов Фарнака I (183-170 гг. до н.э.) [10, с 71], в войнах Митридата VI Евпатора на стороне и против великого правителя (88-63 гг. до н.э.) [18, с. 22; 19, р. 239; 12, с. 124], в войнах

Фарнака II (63-47 гг. до н.э.) [7,с.77 сл.]. Заманкульское погребение, датированное автором раскопок 3-2 вв. до н.э., позволяет еще раз обратиться к данной проблеме. Более вероятно, что найденный в дромосе шлем принадлежал одному из поздних подзахоронений, поскольку его положение мешало самому процессу подзахоронения гораздо больше, чем потревоженный во время него костяк лошади. В целом, представленная в катакомбе керамика датируется 3-1, бусы 2-1 вв. до н.э.

Среди подзахоронений выделяется костяк II, ориентированный головой в северном полуокружье. У его левой руки лежал железный стержень в деревянной оправе и бронзовое навершие в золотой фольге (скипетр?), а у правой руки малоазийский стеклянный канфар близкий по форме канфарам типа II а, варианта I [8]. Датой их производства считают конец 2 - первую пол. 1 в. до н.э., что соотносится со вторым этапом появления стеклянных канфаров в Прикубанье в период Митридатовых воинов [8, с.72 сл.; 10, с.46 сл.]. Здесь же обнаружены стеклянная глазчатая бусина и бронзовая фибула с насаженной на спинку большой кварцевой бусиной. Подобные фибулы зафиксированы в погр.10 Чегемского могильника, где найдено и варварское подражание шлемам типа Монтефортино. Такие фибулы сближаются с фибулами-брошами [9, с. 198 сл.], появляющимися под греко-римским влиянием во 2-1 вв. до н.э. [1, с.30 сл.; 11, с.206 сл.; 6, с. 145].

Таким образом, можно предположить, что появление шлема в заманкульском погребении было связано с участием одного из сарматских предводителей Центрального Предкавказья в событиях 1-й пол. 1 в. до н.э. в Малой Азии В письменных источниках упоминаются только примеотийские народы - языги, сираки и аорсы. О какой-то связи заманкульского погребения с Прикубаньем может свидетельствовать находка в нем меотской миски.

Другой уникальной находкой из того же могильника является шлем из погр.3, кург.1 [2, с. 48] (Рис.2). К сожалению, мне не удалось непосредственно ознакомиться со всеми материалами захоронения и отчетами экспедиции. Судя по фотографии, это одиночное погребение сопровождалось двумя керамическими сосудами и железными втульчатыми наконечниками стрел. Шлем сохранился в трех больших фрагментах, реставрирован, имеет полусферическую тулью с изогнутым назатыльником. Тыльная часть украшена двумя выпуклыми линиями, образующими линзовидную фигуру. По бокам тульи пробито по четыре отверстия для отсутствующих нащечников. С левой стороны над ними пробито еще одно отверстие для крепления отсутствующего значка легиона. Шлем относится к типу Манхейм, ранее не известному на территории Восточной Европы. Такие шлемы входили в состав защитного вооружения воинов Галльского легиона Юлия Цезаря.

Каковы могли быть пути появления шлема у сарматов Центрального Предкавказья? Известно, что 2 августа 47 г. до н.э. у г.Зела Фарнак II был разбит Юлием Цезарем. С 1000 всадников, которым было приказано пере-

резать коней, он на кораблях бежал на Боспор, где, собрав скифов и савроматов, захватил Феодосию и Пантикапей, но из-за малочисленности коней и неумения своих сторонников сражаться в пешем строю проиграл сражение наместнику Азиатского Боспора Асандру. Фарнак погиб, а Асандр воцарился на престоле, женившись на дочери Фарнака Динамии, которую отец некогда пытался сосватать за Цезаря [Плутарх."Гай Цезарь".50, Страбон.ХІ,ІІ,11, Дион Кассий.ХІІ,45-48, Аппиан. "Митридатовы воины".120]. Возможно, заманкульский шлем достался бежавшему вместе с Фарнаком сармату, который одержал при Зеле свою личную победу над римским легионером, либо от него шлем достался сарматскому союзнику Асандра.

Можно предположить и иной путь. Цезарь, видимо, планируя кампанию против Парфии, стремился поставить на стратегически важном направлении своего человека [Плутарх."Гай Цезарь".58]. В 46 г. до н.э. он провозгласил царем Боспора побочного сына Митридата Евпатора, своего друга и соратника, оказавшего ему помощь в осажденной Александрии, – Митридата VII Пергамского [Гай Юлий Цезарь."Александрийская война". 78], но оставил того действовать самостоятельно, будучи поглощен делами в Италии и Африке. Митридат с войсками отправился через Колхиду, ограбив по пути храм в Фасисе, но при столкновении с Асандром потерпел поражение [Страбон.ХІ,ІІ,17,ХІІ,ІV,3; Дион Кассий.ХІІ,9,46, Аппиан. "Митридатовы воины". 121]. Полагают, что поход на Азиатский Боспор не наиболее удобным путем по морю, а через Кавказ диктовался стремлением отрезать Асандра от преданного ему населения, и найти поддержку у некоторых племен Северного Кавказа [14,с.78]. Если события развивались осенью, такой маршрут мог диктоваться обычными в это время года штормами. Этим некогда воспользовались скифы Палака, напавшие после отъезда Диофанта на Херсонес [IOSPE,I²,№185].

С участием воинов Галльского легиона Цезаря в качестве вспомогательной силы в армии Митридата связывают находки золотых фибул типа "Алезия" на Боспоре и в Прикубанье (курганы Ак-Бурун, Зубовский) и на Кавказе [17, с.68], что встретило некоторые возражения [5, с. 13 сл.]. Находка шлема типа Манхейм, на мой взгляд, может подтвердить участие в походе Митридата воина Галльского легиона Цезаря, убитого в столкновении с сарматским союзником Асандра.

В целом, находки двух импортных шлемов в Заманкульском могильнике могут свидетельствовать о незафиксированном письменными источниками активном участии сарматов Центрального Предкавказья в мировых событиях 1 в. до н.э.

*Выражаю искреннюю признательность В.Л.Ростунову за возможность ознакомиться и использовать неопубликованные материалы раскопок.

1. Амброз А.К. *Фибулы юга европейской части СССР II в. до н.э.-IV в.н.э.- САИ, Вып. (ДІ-30).М.,1966.*
2. Березин Я.Б., Ростунов В.Л. *Сарматские подкурганые могильники у сел.Заманкул (Северная Осетия).- Международное сотрудничество археологов на великих торговых и культурных путях древности и средневековья. Кисловодск, 1994.*
3. Бруяко И.В., Росохацкий А.А. *Кельто-италийский шлем из коллекции Белгород-Днестровского музея.- ПАВ, 1993, №7.*
4. Виноградов Ю.А., Марченко К.К., Рогов Е.Я. *Сарматы и гибель "Великой Скифии".- Донские древности, Вып. 5. Азов, 1997.*
5. Гаджиев М.С. *Между Европой и Азией. Махачкала, 1997.*
6. Дашевская О.Д., Михлин Б.Ю. *Четыре комплекса с фибулами из Беляусского могильника.- СА, 1983, №3.*
7. Еременко В.Е., Берлизов И.Е. *Латенские импорты в сарматских памятниках: проблемы интерпретации.-I Кубанская археологическая конференция. ТД. Краснодар, 1989.*
8. Засецкая И.П., Марченко И.И. *Литые стеклянные канфары из Прикубанья (Классификация и хронология).-I Кубанская археологическая конференция. ТД.Краснодар. 1989.*
9. Кереев Б.М. *Чегемский курган-кладбище сарматского времени.-Археологически исследования на новостройках Кабардино-Балкарии, т.2. Нальчик, 1985.*
10. Марченко И. И. *Сираки Кубани. Краснодар, 1996.*
11. Михлин Б.Ю. *Фибулы Беляусского могильника,- СА, 1980,№3.*
12. Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю. *Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе.- Древние памятники Кубани. Краснодар, 1990.*
13. Ростунов В.Л. *Отчет об археологических раскопках кургана №2 у с.Заманкул Правобережного района РСО-Алания за 1995 г.- Архив СОГОМИАЛ, ф.№4, оп.№2, д.№№ 562,563.*
14. Сапрыкин С.Ю. *Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже н.э.- Античность и варварский мир. Орджоникидзе, 1985.*
15. Симоненко А.В. *Кельто-италийские шлемы на территории Восточной Европы-Памятники бронзового и раннего железного века Поднепровья. Днепрпетровск, 1987.*
16. Трейстер М.Ю. *Комплекс металлических изделий из Марьевки в собрании ГМИИ им. А.С.Пушкина (датировка и интерпретация).- Научная сессия ГМИИ за 1986 г. ТД. М.,1987.*
17. Щукин М.Б. *Фибулы типа "Алезия" из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже нашей эры.- СА, 1989, №3.*
18. Щукин М.Б. *На рубеже эр. Спб.,1994.*
19. Shchukin M.B. *Rome and Barbarians in Central and Eastern Europe 1st century B.C. - 1st century A.D., Vol. II. Oxford, 1989.*

ЕЩЕ РАЗ О ГРУЗИНСКОМ "ПРИСУТСТВИИ" В ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ КУБАНИ 10-13 вв.

(состояние источников)

Четверть века назад выдающийся ученый-этнограф, академик АН Грузинской ССР Алексей Иванович Робакидзе обратился ко мне — молодому доктору исторических наук из г. Грозного — с просьбой отрецензировать в научной печати один из фундаментальных томов «Кавказского этнографического сборника», изданного его научной школой в г.Тбилиси, в издательстве "Мецниереба", и посвященной этнографии горной Ингушетии и грузино-ингушским взаимоотношениям. Вместе с первым моим учеником — кандидатом исторических наук С.Ц. Умаровым — пространная рецензия была написана и опубликована [1, с.340 сл.].

С тех пор в моем библиографическом списке появилось около полусотни названий работ, освещающих самые различные тематические и хронологические аспекты северокавказско-грузинских связей [2].

В связи с выходом в свет обобщающего исследования в этом направлении [3], явственно проявилась необходимость концентрации внимания на изучении ранней истории взаимоотношений полиэтничного населения Северо-Западного Кавказа и Грузии [4, с. 162 сл.]. Первые же шаги в этом русле породили острую полемику с известным алановедом В.А.Кузнецовым, которая продолжается до сего дня [см., напр.: 5, с.55 сл.; 6, с. 18 сл.; 7, с. 23 сл.; 8, с.42 сл.; 9, с. 16 сл.; там же и подробная библиография]. Однако, в последнее время она сосредоточилась преимущественно вокруг нумизматических материалов [8, с.42 сл.; 9, с. 16 сл.; 10, с. 11], которые при всей своей значимости и выразительности (это — два многочисленных клада медных монет царицы Русудан 1227 г., обнаруженные у г.Майкопа в Адыгее и станицы Сторожевой Карачаево-Черкесии, а также находки у г.Азова в Ростовской области) вряд ли могут пока исчерпывающе решить дело.

Куда перспективнее путь мобилизации и комплексного исследований разнохарактерной информации [см., напр.: 3; 11, с. 12 сл.] в русле апробируемого "метода многообразия и исторической достоверности фактов" [12, с. 34; 13, с. .5 и др.]. Именно при таком подходе могут быть по достоинству оценены и отвергнуты настойчивые попытки В.А.Кузнецова (и специалистов, следующих за ним) минимизировать тесные грузино-кубанские связи в 10-13 вв., придать им характер исторических частностей, эпизодов, случайностей; поставить их в полную зависимость от степени влияния Византии (действительно решающего, но отнюдь не всеобъемлющего, как это понимают некоторые чрезмерно увлеченные коллеги) [ср.: 14, с. 12; 15 с 39].

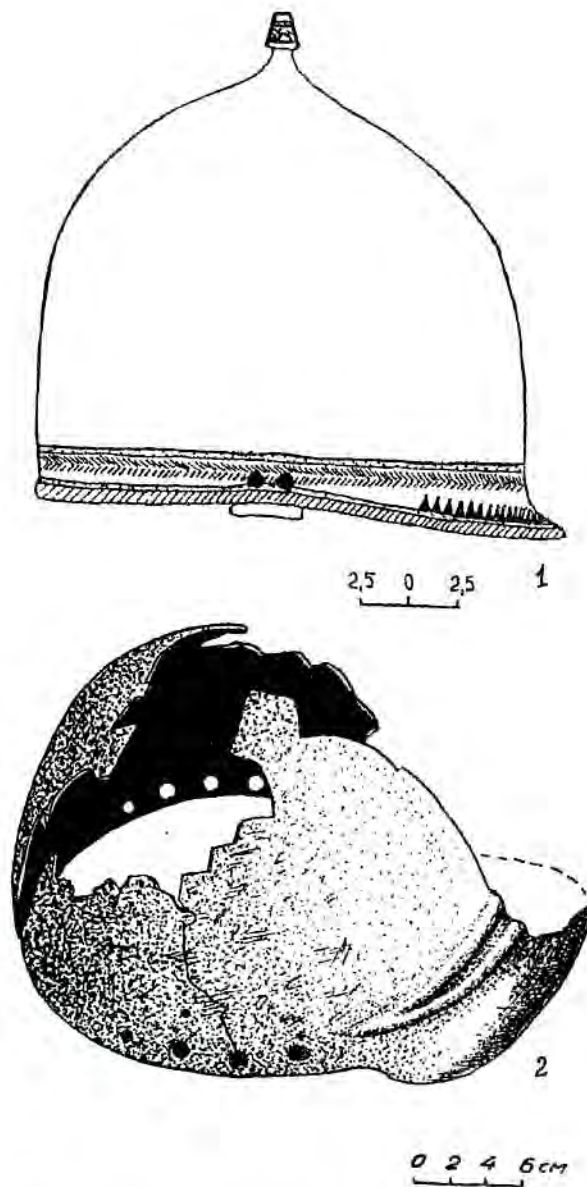

Рис. 1. Бронзовые шлемы из могильника у с.Заманкули

Подобный анализ применительно к сумме доступных письменных источников был предпринят З.В.Папаскири [см., напр.: 16] и минувшие с тех пор годы показали серьезность и основательность ее подходов [5, с. 55 сл.; 17, с.7 сл.; и др.]. Взвешенный вывод о том, что "взаимоотношения Грузинского царства с народами Северного Кавказа (включая Северо-Западный, — В.В.) были составной частью общей северной политики Грузии" [16, с. 46 сл.], веско противостоит любым крайностям в толковании феномена грузино-кубанских контактов интересующего нас периода [6, с. 18 сл.].

Остаются непоколебимыми материальные свидетельства о христианских храмах грузинской архитектурной школы [см.: 18, 19, 20, 21], сперва принятые В.А.Кузнецовым [22, с. 94], но вскоре и голословно отвергнутые [23, с. 59 сл.], что не мешает их широкому научному признанию [см.: 4, 5, 14, 15, и др.].

К сожалению, никогда ранее не предпринимался специальный анализ артефактов археологического характера с целью выявления среди них пласта грузинских заимствований. Однако, тончайший знаток материальной культуры древней и средневековой Карачаево-Черкесии Е.П.Алексеева не единожды в своих обобщающих трудах констатировала закавказско-грузинские элементы, проникавшие в обиход населения Верхней Кубни вплоть до 14 в. [24, с. 123; 25]. Известны и другие попытки интерпретации местных памятников средневековья в этом направлении [26, с. 47 сл.], нуждающиеся в дальнейшем развитии. Не все здесь в равной мере убедительно. Но ведь и работа только начинается!

Не систематизированы в должной мере эпиграфические, топонимические, фольклорные, лингвистические и иные источники вспомогательного характера. Больше того, они еще просто не выявлены и не осмыслены в подавляющем массиве собственно северокавказской (адыгской, тюркской, алано-ираноязычной) и византийской принадлежности. Впрочем, симптомы будущего преодоления данной ситуации уже появляются [см., напр.: 27; 28; 29 и др.], и эта тенденция станет сохраняться, а также и нарастать, вопреки сегодняшнему (временному) разрыву общего российско-грузинского научно-исследовательского "поля".

Исключительная же роль нумизматических находок отмечена выше, и любое пополнение фонда этих источников будет расширять, сталкивать между собой и неизбежно сближать круг версий и концепций, ученых трактовок историко-культурного процесса и его основных эпизодов на Западном Кавказе [обзор таковых см.: 9, с. 16 сл.]. Очень важно не обеднять лишь в угоду своим амбициям или научным пристрастиям панораму международных контактов полиэтничного населения Кубани, не изолировать его от соседней самобытности и эпохально обусловленной "грузинской цивилизации".

И тогда картина грузинского "присутствия" в истории и культуре Кубани 10-13 вв. станет куда полнокровнее и объективнее, нежели несколько слов, выданных сквозь зубы, в соответствующей главе "Истории народов Северного Кавказа" [30, с. 149 сл.].

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В.Б., Умаров С.Ц. *Очерки этнографии горной Ингушетии (в освещении грузинских специалистов)*, - *Вопросы истории Чечено-Ингушетии*, Т. 10. Грозный, 1976.
2. Виталий Борисович Виноградов. *Библиографические сведения. Российские исследователи Кавказа. (Сер. Ист., арх., этн.), Вып. 18, Армавир, 1998*
3. Виноградов В.Б. *Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских связей (до начала XX в.). - IV Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.*
4. Виноградов В.Б. *О реализации грузинского влияния на Северо-Западном Кавказе в X-XIII вв. - Известия АН Груз.ССР. Серия истории, археологии, этнографии и истории искусств (Мацне), 1988, №2.*
5. Виноградов В.Б. *К дискуссии о грузинском влиянии в -X-XIII вв. на Северо-Восточное Причерноморье. - Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990.*
6. Кузнецов В.А., Чеченов И.М. *История и национальное самосознание. - Проблемы современной историографии Северного Кавказа. Пятигорск, 1998.*
7. Нарожный Е.И. *По поводу критики В.А.Кузнецовым и ИМ. Чеченовым некоторых примеров освещения грузино-северокавказских связей. - Историческое регионоведение Северного Кавказа — вузу и школе. Материалы Шестой международной научно-практической конференции, посвященной 35-летию научно-педагогической Школы В.Б.Виноградова. Ч.1. Армавир, 1999.*
8. Прокопенко Ю.А. *Находки монет царицы Русудан и Джелал-ед-Дина Магзуберта на Северном Кавказе в свете трагических событий первой половины XVIII в. - Из истории народов Северного Кавказа. Вып.3. Ставрополь, 2000.*
9. Виноградов В.Б. *К оценке монет Русудан на Кубани. - Вопросы Северокавказской истории. Вып. б. ч.1. Армавир, 2001.*
10. Нарожная Ф.Б. *О находке монеты Русудан в г.Азове (Ростовская область). "Грузинские и русские народы, вы братья!" (К 200-летию присоединения Грузии к России). Армавир, 2001.*
11. Виноградов В.Б. *Грузия и Кубань в X-XIII вв. - "Грузинские и русские народы, вы братья!" (К 200-летию присоединения Грузии к России). Армавир. 2001.*
12. Виноградов В.Б. *Метод многообразия и исторической достоверности фактов. - В кн.: Матвеев О.В. Николай Федорович Дубровин (1837-1904). Армавир. 1994*
13. Приймак Ю.В. *Северо-Западный Кавказ в системе Османской империи. XVIII- первая треть XIXв. - Автореф.дисс. ... канд.ист.ч.аук. Краснодар, 2000.*
15. Нарожный Е.И. *Северный Кавказ в 2000-летней истории христианства (Основные этапы христианизации региона). - Христианству 2000 лет. ТД конференции. Армавир, 2000.*
16. Папаскири З.В. *У истоков грузино-русских политических взаимоотношений. Тбилиси, 1982.*

17. Голованова С.А. Из истории русско-грузинских связей XI-XII вв. в северокавказском контексте.- "Грузинские и русские народы, вы братья!" (К 200-летию присоединения Грузии к России). Армавир, 2001.
18. Ложкин М.Н. Новые памятники средневековой архитектуры в Краснодарском крае.- СА, 1973, №4.
19. Ложкин М.Н. Каменная алтарная преграда храма № 1 Ильичевского городища XII-XIII вв. в Отраденском районе Краснодарского края. - Второй Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси, 1977.
20. Ложкин М.Н. Христианские памятники домонгольского периода как источник изучения внешних связей народов Северо-Западного Кавказа.- ТД конференции "Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье". Москва, 1981.
21. Бесолов В.Б. Архитектура храма Сенты и многоаспектное сравнение его с памятниками христианского Востока и Византии.- Четвертый Международный симпозиум по грузинскому искусству. Тбилиси. 1983.
22. Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977.
23. Кузнецов В.А. Алания и Византия.- Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.
24. Алексеева Е.П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. Москва, 1981.
25. Алексеева Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. Москва, 1992.
26. Виноградов В.Б., Нарожный Е.И. Грузины и русские в среде "западный алан".- Прочноокопский историко-культурный многоугольник. Армавир. 1994.
27. Зардалашвили Г. К установлению некоторых географических наименований Клухорского района.- Известия Всесоюзного Географического общества. Т.84, Вып.3. Л., 1952.
28. Алиев Кизи-Магомет. Памятники Карачаево-Черкесии. Города мертвых.- Аланский мир — 1. Черкесск, 2000.
29. Дьяченко А.М. Крупицы фольклорной старины Кубани (воспоминания).- (В печати).
30. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Москва, 1988.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ О СТЕПНОЙ ФАУНЕ ПОЗВОНОЧНЫХ ПРИАЗОВЬЯ

Археологические материалы, полученные в результате раскопок разновременных памятников, дают материалы не только для реконструкции истории, но и позволяют восстановить природные условия, выявить характер их антропогенных изменений. Многолетние исследования остатков млекопитающих и птиц позволили отметить среди них наличие диких представителей степной зоны Приазовья и Подонья. По численности они существенно уступают домашним животным, довольно редки, но их присутствие свидетельствует о составе фауны прошлого и их роли в жизни населения.

Кости птиц из-за хрупкости очень редко сохраняются и изымаются из раскопа. Поэтому, даже незначительное количество остатков пернатых, обнаруженных в культурном слое, свидетельствует об их большом количестве и значительном участии в быте человека. За время сборов с 1971 по 2000 год собран и определен 31 вид птиц из 13 памятников на территории Ростовской области. В 7 из них представлены все перечисленные в таблице 1 виды. В остальных, не включенных в перечень, имеется по 1-2 вида. Например: Темерницкое городище (обыкновенная кряква), Верхний Сал (скелет пеганки), Нижне-Гниловское городище (скелет орлана-белохвоста), Семикаракорское городище орел-могильник, Мокро-Чалтырское городище (дрофа).

Наибольшее количество костей в пяти указанных в таблице 1 пунктах принадлежит трем видам - большому баклану, серому гусю и обыкновенной крякве. Первый, возможно, использовался для рыбной ловли, а последние два вида употреблялись в пищу. Находки свидетельствуют о их большой роли в пищевом рационе. Так же часто (в 4 из 7 памятников) встречались орел-могильник, серая куропатка и дрофа. Хищник мог, будучи дрессированным, применяться как ловчая птица при охоте на лисиц, сурков, волков, остальные употреблялись в пищу. Дрофа, еще недавно была обычной птицей и ее изображение не редко на предметах быта. В 3 из 7 мест раскопок обнаружен орлан-белохвост (ловчая птица) и синантропные виды - серая ворона и грач. Птенцы и молодые особи грача могли употребляться в пищу как деликатес.

Сравнительно редко попадаются кости кудрявого пеликана, легкие тонкие кости которого годились для поделок, большой белой цапли и серой цапли (перья для украшения), лебедя кликуна, свиязя обыкновенного и гоголя обыкновенного (пролетные птицы, употреблялись в пищу), балобана (ловчая птица с красивым оперением), перепела, лысухи, поганки сероще-

кой (красивый перьевой убор), чайки озерной, совы болотной, галки, ястреба-тетеревятника (сейчас может быть только на пролете, не гнездится).

Из всего перечня птиц включены в "Красную книгу" два вида пеликана, дрофа, орлан-белохвост, орел-могильник, ястреб-тетеревятник. Местный фазан уничтожен. Редкими в настоящее время считаются лебедь кликун, серый гусь, пеганка.

Литературные сведения значительно дополняют представление об авиафауне прошлого. Так В.В. Богачев в книге "Очерки географии Всевеликого Войска донского" (1918) сообщал, что дрофа "в задонских степях между Салом и Манычем встречается во множестве". Археологические данные свидетельствуют об их широком распространении не только на левобережье, но и по правому берегу Дона. Находки обыкновенного фазана В.В. Богачевым уже не упоминаются, но они многочисленны по костным данным из Елизаветовского городища и Азака. Орла-могильника автор "Очерков" отмечает в Задонской степи. Кости же его встречены в целом ряде памятников, что свидетельствует о его большой численности до нашей эры и в средневековье. Пеганка сейчас редкая птица, хотя на территории Войска донского в конце 19 и нач. 20 вв. была обычной, как и в более раннее время. Среди околотовных птиц в начале прошлого века по данным В.В. Богачева часто встречались оба вида пеликанов, большой и малый баклан, два вида журавля, казарки, особенно серые гуси. Лебеди гнездились уже редко, но на пролете были во множестве. Автор книги отмечает, что яйца птиц в прежние времена привозили на продажу целыми лодками, бочками, возами, что подрывало численность и разнообразие гнездящихся птиц. Думаю, что казаки повторяли опыт местных жителей прошлого, что в итоге привело к обеднению фауны.

Костные остатки диких млекопитающих степной зоны также крайне многочисленны. Охота не была основой хозяйства кочевников и оседлого населения. В таблице 2 представлена фауна 7 местонахождений, хотя отдельные находки встречаются в 15 других исследованных памятниках раскопок. Так интересны раскопки пос. Батай, где обнаружены 20 черепов водяной полевки. Или скелетное залегание барсука в Самсоновском пос. (Сп I 21 II) и там же корсака (Сп IV). На Беглицком пос. (р. II кв. IX) встречены остатки низкорослой лошади (118 см в холке; рост тарпана). Особенно редки находки мелких млекопитающих. Лишь на пос. Раздоры В.В. Титов, просеивая отвалы, извлек кости грызунов (Табл. 2).

Из крупных млекопитающих наиболее многочисленна лисица (10 находок из 17 пунктов), волк (7), тарпан (7), дикий кабан (7), заяц русак (7), но почти во всех раскопах (14) встречены рога и кости благородного оленя. Нередки кости косули (5), сайгака (6), тура (5). По 4 находки хорька, барсука, зубра, бобра, слепыша. Наибольшее количество видов представлено в многолетних сборах Азака (13 видов), Самбека (12 видов), в Самсоновском пос. (8 видов). Полученные данные можно сравнить с результатами подсче-

тов фаунистических остатков с городища Саркел, опубликованных Н.К. Верещагиным в 1971 г. (Труды ЗИН, т. XLIX, с. 229). Из включенных в Табл. 2 наиболее интересны вымершие, или находящиеся на грани вымирания животные - зубр, тарпан, кулан, сайгак, тур, бобр, выдра.

Остатки зубра немногочисленны, но они свидетельствуют о продолжении интереса к громадному зверю, который фиксируется с палеолита (пос. Каменная балка) у с. Недвиговка. Там его кости преобладают над другими дикими представителями мегафауны. С переходом от охоты к скотоводству, эти крупные животные, угрожающие жизни человека, уже не составляют основы питания, но постепенно истребляются человеком. По свидетельству Михаила Литвина в 16 в. под Киевом "диких зверей: зубров, диких лошадей и оленей такое множество в лесах и полях, что за ними охотятся ради кожи". Видимо, в южных степях они стали редкими гораздо раньше, хотя, судя по костным остаткам из Саркела, зубры на Нижнем Дону были еще многочисленны в 13 в.

В Каменной балке второй по численности после зубра была широкопалая лошадь *Equus caballus latipes*. В римское и более позднее время наиболее распространенными из этого семейства в степях стали тарпан и кулан. Вопрос о происхождении домашних лошадей остается пока нерешенным, но наиболее близким по набору хромосом к домашней является не лошадь Пржевальского из Монголии, а тарпан. Последний отличается, как свидетельствовали современники, диким нравом. В неволе они погибали, а помеси несли в себе неукротимые черты злобного нрава. Одно несомненно: те, кто приручал лошадей отличались большой наблюдательностью и близостью к природе, что помогло создать такую породу - скифских лошадей, - изображения которых отмечены доместификационными признаками. Они отличались от других пород большей выносливостью, неприязательностью, да и внешне напоминали доноров породы - тарпанов низким ростом. Поскольку последние полностью вымерли, остановлюсь на этих объектах охоты и селекционной работе многих поколений жителей степей. Костные остатки тарпана отличить от домашних лошадей очень трудно. Тем не менее, их кости и зубы идентифицируются. Восстанавливается облик лошади с короткой и курчавой гривой, коротким хвостом (доместикационный признак - длинный хвост), мышинового цвета с пепелистым брюхом и черными от колен до копыт ногами. Шерсть длинная, густая, при осязании напоминает мех. Голова толстая. Глаза огненные. Бегали тарпаны вдвое быстрее домашней лошади. Таким описал тарпана в 1768 г. С.Гмелин. Судя по шкуре последнего шатиловского тарпана, у них был широкий черный ремень на спине. Очевидцы упоминают также широкую грудь, отсутствие длинной челки, прямую спину, крутые ребра, широкую сзади нижнюю челюсть, большой разрез глаз и ноздрей. Высота в холке небольшая - 115-146 см, т.е. она была меньше культурных лошадей мелких пород. Паслись они в степи около небольших степных озер. При неблагоприятных условиях кочевали.

Жили косяками голов 10-15 под водительством жеребца. Табуны состояли из 50-60 голов. В конце 18 века они были еще многочисленны, но теснились местным населением. Дикая природа тарпана, а не одичание домашней лошади не вызывает сомнения (Гептнер, 1955).

Кости кулана обнаружены нами в Раздорах и Н.К. Верещагиным в Саркеле. В Туркмении он еще сохранился. Придерживается сухих степей, каменистой полупустыни, межгорных долин. Это высоконогая, с тяжелой головой, стоячей гривой, темным ремнем на спине на фоне палевой летней шерсти, быстрая лошадь, отнесенная к полуослам. Раньше путешественники встречали тысячные табуны куланов, в том числе и в южных степях Европы. В косяке главенствует жеребец, а водит табун самка. Помимо костных остатков есть свидетельство Страбона об обитании "онагров" на рубеже эр в Скифии. В Эрмитаже есть навершие древка с изображением головки кулана, определенного как "онагр". Шкуры этих полуослов известные как шагрень, ценились очень высоко.

Остатки сайгака часто встречались в пунктах археологических материалах. Они были спутниками шерстистых мамонтов и дожили до наших дней. Непропорционально большая со вздутой мордой и мягким хоботком голова помещалась на низком туловище величиной с овцу. Ее посткраниальный скелет слабо отличается от овечьего, но череп, и особенно костные основания рогов, определяются безошибочно. Лирообразные с поперечными кольцами воскового цвета рога самцов сайгака ценились и ценятся сейчас, особенно в китайской медицине, как тонизирующее вещество. Эта своеобразная антилопа наших степей почти исчезла из-за хищнической охоты, но была возвращена к жизни. Она являлась эмблемой I Международного териологического конгресса и считалась "русским чудом", что было примером успеха охраны природы, но сейчас существование сайгаков опять под угрозой.

Бык-тур в лесах Польши сохранялся до 16 в. По-видимому, и у нас они обитали в пойменных и байрачных лесах Подонья, но были малочисленны по сравнению с зубрами. Их кости встречены в Елизаветовском городище, Азаке и еще в 3-х местонахождениях. Ясно, что этот объект привлекал внимание жителей Подонья. Хорошие изображения тура, исчезнувшего из фауны, сделаны очевидцами в начале 1500 гг. Но еще более замечательны они в произведениях искусства греков и римлян, знавших толк в селекции животных. Судя по ним, можно представить себе тура подобным примитивным породам домашнего крупного рогатого скота - коров венгерской, серой степной украинской, несущими признаки прирученных туров. Одомашнивание туров сыграло огромную роль в освоении степей под хлебопашество, долгое время обеспечивало население шкурами, мясом, молоком и транспортом.

Джейраны (*Gazella subgutturosa Güld*), которые мне не известны в раскопках, по свидетельству В.В.Богачева раньше появлялись в степях По-

донья. Жители охотились на них из-за вкусного мяса и шкуры. Эти грациозные парнопалые были украшением нашей фауны в прошлом.

Необычными обитателями Подонья следует считать бобров, требующих для своей жизни древесную растительность. Однако, кости их найдены в 4 пунктах (Табл. 2), что нельзя считать случайностью. Мех, мясо, жир, "бобровая струя", годная в медицине и парфюмерии, - вот предметы внимания человека к этому животному. Пушнина бобра высокого качества служила ценным подарком у послов. Варварская охота привела к уничтожению бобров в Приазовье гораздо раньше, чем на севере.

Также исчезла из фауны Ростовской области прежде вездесущая выдра, требующая только зарослей тростника у воды. Кости ее отмечены только в Саркеле, но по свидетельству В.В.Богачева в середине 19 в. она сохранялась в Области Войска донского. Ее мех принадлежит к наиболее ценным видам пушнины.

Из крупных хищников в Саркеле найдены кости бурого медведя. Сейчас его нет. О проживании его остались предания и топонимические свидетельства - названия рек и балок - Медведица, Аюта (балк.), Аюла, Медвежинское, Мишкино (кабард.). В.Е.Гептнер (1967) подтверждает: "Медведи несомненно жили по урезам южных рек... степным балкам и камышам этой области. В низовьях Дона звери встречались еще в VIII-XII веках... . Медведь экологически очень гибок и мог существовать... даже в степи".

Костные остатки крупных кошек рода *Panthera* у нас не встречены. Эти хищники вообще редко встречаются в ископаемом состоянии в силу своей малочисленности по сравнению с травоядными. Но по свидетельству Ю. Мягковой такая кошка как лев (*Panthera leo L*) обнаружена при раскопках поселений вокруг Ольвии. То, что приручение диких местных обитателей возможно, свидетельствуют сцены на пекторали из Толстой могилы, где показан поединок льва и барса с диким кабаном в одном месте и с оленем в другом. В природе эти два хищника вместе не охотятся, и, скорее всего, это поединок прирученных животных. Об обитании льва в природной обстановке, в частности в степи, говорят золотые нашивные бляхи из Майкопского кургана 2 тыс. до н.э.). Особности гривы позволяют отнести оригиналы к переднеазиатскому подвиду льва (*P.l. persica Mayer*). Н.Н. Погребова (1950) с полным основанием указывает на то, что многие изображения льва в искусстве Скифии выполнены мастерами с живых объектов. О возможном присутствии льва в фауне юга Европейской части свидетельствует летопись, повествующая об охоте Владимира Мономаха, когда мощный зверь повалил коня с всадником. Такой силой, скорее всего, обладал лев. В Закавказье львы дожили до 10 в. на них охотились ширван-шахи.

О современных львах мы знаем, что это животное открытых пространств. Следовательно, они не могли конкурировать с другой крупной кошкой - любительницей леса и камышей, - тигром (*Panthera tigris*). По

Виды птиц из археологических памятников Ростовской области

№ п/п	В И Д							
		Елизаветинское городище	Тыванис	Кобяково городище	Рогожинно	Самарское	Азак	Ново-Садков-ский мог.
1	ПЕЛИКАН РОЗОВЫЙ (<i>Pelicanus onocrotalus</i> L.)	■						
2	ПЕЛИКАН КУДРЯВЫЙ (<i>P. crispus</i> Bruch.)	■						
3	БОЛЬШОЙ БАКЛАН (<i>Phalacrocorax carbo</i> L.)	■						
4	РЫЖАЯ ЦАПЛЯ (<i>Ardea purpurea</i> L.)	■						
5	БОЛЬШАЯ БЕЛАЯ ЦАПЛЯ (<i>Egretta alba</i> L.)	■						
6	СЕРАЯ ЦАПЛЯ (<i>Ardea cierea</i> L.)	■						
7	ЛЕБЕДЬ КЛИКУН (<i>Cygnus cygnus</i> L.)	■						
8	СЕРЫЙ ГУСЬ (<i>An L.</i>)	■						
9	БЕЛОЛОБЫЙ ГУСЬ (<i>A. albi</i> Scopoli.)	■						
10	ПЕГАНКА (<i>Tadorna tadorna</i> L.)	■						
11	КРЯКВА ОБЫКНОВЕННАЯ (<i>Anas platyrhynchos</i> L.)	■						
12	СВИЗЬ ОБЫКНОВЕННЫЙ (<i>A. Penelope</i> L.)	■						
13	ГОГОЛЬ ОБЫКНОВЕННЫЙ (<i>Bucephalia clangula</i> L.)	■						
14	ОРЛАН БЕЛОХВОСТ (<i>Heliaetus albicilla</i> L.)	■						
15	ОРЕЛ-МОГИЛЬНИК (<i>Aquila heliaca</i> Savigny)	■						
16	БЕРКУТ (<i>A. chrysaetos</i> L.)	■						
17	КАНОК (<i>Buteo buteo</i> L.)	■						
18	БАЛОБАН (<i>Falco cherrung</i> Cray.)	■						
19	ЯСТРЕБ БОЛЬШОЙ – ТЕТЕРЕВЯТНИК (<i>Accipiter gentilis</i> L.)	■						
20	ОБЫКНОВЕННЫЙ ФАЗАН (<i>Phasianus colchicus</i> L.)	■						
21	СЕРАЯ КУРОПАТКА (<i>Perdix perdix</i> L.)	■						
22	ПЕРЕПЕЛ (<i>Coturnix coturnix</i> L.)	■						
23	СЕРЫЙ ЖУРАВЛЬ (<i>Grus grus</i> L.)	■						
24	ЛЫСУХА (<i>Fulica atra</i> L.)	■						
25	ДРОФА (<i>Otis tarda</i> L.)	■						
26	ПОГАНКА СЕРОЩЕКАЯ (<i>Policeps griseigena</i> Boddaert)	■						
27	ЧАЙКА ОЗЕРНАЯ (<i>Larus ridibundus</i> L.)	■						
28	СОВА БОЛОТНАЯ (<i>Asio flammeus</i> Pontoppidan)	■						
29	СЕРАЯ ВОРОНА (<i>Corvus corone</i> L.)	■						
30	ГРАЧ (<i>Corvus frugilegus</i> L.)	■						
31	ГАЛКА (<i>Coloeus monedula</i> L.)	■						

мнению В.Г.Гептнера она проникала к устью Дона и в южнорусские степи в средние века (10-12 вв.), а может быть и позже. Вплоть до нового времени поселения в степной зоне были редкими, водоемы полноводными, а кабаны, олени, косули, куланы, тарпаны многочисленны. Изображения тигра принадлежат не только восточным скифам. Не подобный ли тигр изображен на золотой гривне из кургана "Хохлач" в Новочеркасске и из погр. у с. Верхнее-Погромное Волгоградской области? Морда животного имеет характерные черточки. Присматриваются они на спине, на шее. В Восточном Причерноморье (Колхида, Аджария) тигр был полностью истреблен только в первой пол. 19 в.

На предметах быта и украшениях кочевников скифского времени встречаются фигурки барса (леопард, пантера) (*Panthera pardus* L.). Основными биотопами ее были горы Кавказа, где барс встречается и сейчас в горах Осетии, и предкавказские степи; возможны были его заходы и на Нижний Дон. Барс, как и тигр, пользовался почетом у коренного населения. Они обожествлялись, часто их изображения служили талисманом у кочевников. В китайской медицине ценились кости конечностей, высушенные глаза.

Лев, тигр и барс относятся к одному роду и часто археологи определяют силуэты крупных кошек как "пантера". Следует внимательнее присматриваться к рисунку. Каждая из представительниц имеет свои характерные черты, связанные с пропорциями тела, строением головы, конечностей, хвоста, наличием гривы, узором на шкуре. Жизнь этих кошек не очень зависит от климата. Существование их определяет количество и качество стад травоядных, других хищников и наличие главного врага крупных кошек - человека. В древности все они, очевидно, были представлены в фауне Подо-донья.

Находки костей и другие свидетельства о диких обитателях Подо-донья Приазовья дополняют картину прошлого. Донские степи включают различные ландшафты (горы, обрывы, осыпи, скалы, полупустыня, пойменные леса, заросли кустарников и камыша, пески, плавни, озера, реки, старицы, взморье). Они - часть северочерноморских степей, связанных со степями внутриконтинентальных районов умеренного пояса Евразии от Венгрии до Монголии.

Представители фауны позвоночных были необходимы человеку не только для утилитарных целей, но и для духовной жизни и формирования личности. Все это указывает на значимость находок в археологических раскопках костей диких животных и требует особого внимания к их сборам.

ВЗГЛЯД НА ПРИРОДУ НИКЕЛЯ В РАННЕЙ БРОНЗЕ КАВКАЗА

Мышьяковая бронза Кавказа и юга Восточной Европы уже давно привлекает к себе внимание исследователей древнего металла тем, что при анализе нередко показывает высокое содержание никеля [2; 5; 7]. При этом совместное существование высоко- и низконикелевого металла характерно лишь для периода ранней бронзы. В период развитой бронзы находимый металл уже с низким содержанием никеля. Взгляды исследователей на природу никеля в кавказском металле заметно различаются, при этом наиболее аргументированы два подхода. По мнению Е.Н.Черных различие в составе ранних кавказских бронз по содержанию никеля связано с экспортом высоконикелевой меди с юга, из Ирана, Передней Азии и Анатолии [7, 39,45]. Иной взгляд высказывает В.А.Галибин [2, 60], согласно которому повышенное содержание никеля в бронзе обусловлено легированием местной меди минералом никелином NiAs. К такому выводу исследователь пришел на том основании, что в составе металла повышенному содержанию никеля часто соответствует повышенное содержание мышьяка, а доступность местных никелевых руд подразумевается, по мнению исследователя, существованием на Кубани поселка с названием Никель. Близкий В.А. Галибину взгляд на природу никеля высказал и С.Н. Корневский [5].

Представляется, однако, что особенности состава ранней бронзы Кавказа и юга Восточной Европы можно объяснить на основании иных закономерностей, не прибегая к предположениям об экспорте или использовании для легирования минералов, доступность которых в крае не подтверждена. Внимание при этом следует, прежде всего, обратить на постоянно сопровождающие меднорудные месторождения блеклые руды, в которых в высокой концентрации могут присутствовать различные элементы.

Блеклые руды - группа минералов подкласса сложных сульфидов, образующих изоморфный ряд теннантит - тетраэдрит $Cu_{12}As_4S_{13}$ - $Cu_{12}Sb_4S_{13}$. Синонимическое, но реже употребляемое в русской геологической литературе, их название - фальэрц¹ [3, т.1, 81]. Название рудам дано лишь по их внешнему виду, что, можно предполагать, подразумевает непостоянство их состава. Действительно, колебания соотношения мышьяка и сурьмы в блеклых рудах столь значительны, что иногда фальэрцем называют и сам тетраэдрит [9, 242]. Блеклые руды "встречаются во всех (курсив мой - А.Е.) медных и свинцово-цинковых месторождениях, однако редко образуют крупные скопления" [1, 199]. Они образуются при выветривании сульфидных руд как промежуточный слой между выветренной и первичной

¹ Название «блекля я руда» представляет собой точный перевод немецкого слова Fahlerz, которое используется и в англоязычной литературе.

Таблица 2
Виды млекопитающих из археологических памятников
Ростовской области

№ п/п	В И Д	Ростовская область						
		Елизаветовское городище	Самановское поселение	Радорское поселение	Кобяково городище	Н-Гниловское городище	Самбек	Саркел-Бетая Бежа
1	Заяц (<i>Lepus europaeus</i> Pall.)							
2	СУСЛЮК ТОНКОПЛАКИЙ (<i>Spermophilus</i> sp.)							
3	СУСЛЮК (<i>Citellus pygmaeus</i> Pall.)							
4	СУЛОК (<i>Marmota bobac</i> Moll.)							
5	БОБЕР (<i>Castor fiber</i> L.)							
6	МЫШОВКА (<i>Sicista</i> sp.)							
7	ТУШКАНИК ПЯТНАТЫЙ (<i>Altaxaga</i> sp.)							
8	СЛЕПЫШ (<i>Spalax microphthalmus</i> Guld.)							
9	ЖЕЛТОГОРЛАЯ МЫШЬ (<i>Arodemus flavicollis</i> Melchior)							
10	ДОМОВАЯ МЫШЬ (<i>Mus musculus</i> L.)							
11	ХОМЯК ОБЫКНОВЕННЫЙ (<i>Crictetus crictetus</i> L.)							
12	СТЕПНАЯ ПЕСТРУШКА (<i>Lagurus</i> sp.)							
13	ВОДЯНАЯ ПОЛЕВКА (<i>Arvicola terrestris</i> L.)							
14	ПОЛЕВКА ОБЫКНОВЕННАЯ (<i>Microtus arvalis</i> Pallas)							
15	ВОЛК (<i>Canis lupus</i> L.)							
16	ЛИСИЦА (<i>Vulpes vulpes</i> L.)							
17	КОРСАК (<i>V. corsac</i> L.)							
18	ХОРЕК (<i>Mustela</i> sp.)							
19	ЛАСКА (<i>Mustela nivalis</i> L.)							
20	ВЫДРА (<i>Lutra lutra</i> L.)							
21	БАРСУК (<i>Meles meles</i> L.)							
22	МОРСКАЯ СВИНЬЯ (<i>Phocaena phocaena</i> L.)							
23	КУЛАН (<i>Equus hemionus</i> Pall.)							
24	ТАРПАН (<i>E. gmelini</i> Ant.)							
25	КАБАН (<i>Sus scrofa</i> L.)							
26	БЛАГОРОДНЫЙ ОЛЕНЬ (<i>Cervus elaphus</i> L.)							
27	КОСУЛЯ (<i>Capreolus capreolus</i> L.)							
28	ЛОСЬ (<i>Alces alces</i> L.)							
29	САЙГАК (<i>Saiga tatarica</i> L.)							
30	ЗУБР (<i>Bison bonasus</i> L.)							
31	БЫК ТУР (<i>Bos primigenius</i> Boj.)							

сульфидной рудой, в котором, как установлено, способны накапливаться многие элементы из первичной руды, в полной мере не попадающие в выветренную. Кроме мышьяка и сурьмы это серебро, цинк, железо, висмут и другие, в том числе и никель [3, т. 1, 81]. До какой степени может происходить само концентрирование элемента показывает состав такой разновидности фальэрца, как фрейбергит (в основе тетраэдрит), в котором содержание серебра достигает 26% [3, т.2, 393], несмотря на то, что в среднем для германского Рудогорья, по месту добычи в котором он и получил свое название, соотношение в фальэрце As:Sb:Ag составляет примерно 2:2:1 [8, 28]² Не утруждая себя переверачиванием страниц «Геологического словаря» приведем еще примеры фальэрца с той же страницы, где описан фрейбергит: фредрицит (в основе теннантит) - серебра до 13,6%, фригидит (в основе тетраэдрит) - никеля до 7,55%, железа до 12,67%. Примеры можно продолжить. Приведенные данные говорят о том, что состав блеклых руд является производным от состава первичной сульфидной руды, но селективность концентрирования того или иного элемента определяется, вероятно, и внешними условиями, что приводит к самому разнообразному совместному присутствию элементов в фальэрце. Такие условия накопления могут сложиться в блеклых рудах и для никеля, что, впрочем, уже отмечено в литературе. Так, высокие значения никеля в металле 16 и 17 вв. из центральной Германии объясняется именно накоплением никеля в фальэрце [8, 27]. Хорошо известно также о распространении в 3 тыс. до н.э. высоконикелевого металла на юге Месопотамии (а не на севере примыкающего к Закавказью циркуммесопотамского региона!). Предполагается, что тогдашняя никелистая шумерская медь выплавлялась из рудного месторождения в нынешнем Омани, хотя причины высокого присутствия никеля в меди не называются [6, 74; 9, 247, 297]. Следует добавить, что никель относят к тем элементам, которые не теряются при выплавке и его отношение к меди в выплавленном металле соответствует таковому в исходной руде [10, 22].

Предположение о блеклорудном характере никеля в бронзе Кавказа открывает новый подход для объяснения особенностей местной бронзы. В первых, становится ясным, почему высокое содержание никеля характерно именно для ранней бронзы. Причина этого в том, что блеклые руды перекрывают первичную сульфидную руду и, естественно, были выработаны в первую очередь. Во-вторых, одновременное существование высоко- и низконикелевой бронзы легко объясняется тем, что блеклые руды, также как и первичные, являются по своему характеру сульфидами и технология выплавки металла из первичных руд с примесью блеклых та же, что и из самой первичной руды. Попадание блеклых руд в шихту (можно предпола-

гать и целенаправленное их введение) и привело к различию выплаваемого металла по содержанию никеля.

Как видно, представление об использовании древними кавказскими металлургами блеклых руд как примеси к первичной руде снимает необходимость предполагать экспорт одного из двух видов металла, тем более, что оба вида бронзы постоянно сочетаются, например, в комплексах майкопской культуры, где нет явных переднеазиатских импортов [5, 92 сл.]. Порой оба вида использованы для изготовления типологически тождественных изделий, и в этом смысле показателен приводимый В.А.Галибиным [2, 61 сл.] пример двух обушных гвоздиков в топоре из курганного погребения у ст. Новосвободная Краснодарского края, отличающихся по содержанию никеля в 25 раз. Что же касается повышенного содержания мышьяка в высоконикелевой бронзе, то его присутствие в фальэрце в соответствии с его природой совершенно естественно, но соотношение мышьяка и никеля зависит как от содержания этих элементов в первичной руде, так и от условий их концентрирования в фальэрце.

Если принять высокий никель в кавказской бронзе как показатель использования блеклых руд, то следует принять и то, что в это время (3 тыс. до н.э.) на Кавказе и юге Восточной Европы уже была освоена выплавка меди из первичных сульфидных руд. В этом отношении металлурги Кавказа, видимо, шли впереди металлургов юга Туркменистана, где, как теперь можно заключить по обширному количеству выполненных для поселения Алтын-депе анализов металла, выплавка меди осуществлялась скорее всего из медистых песчаников [4], найденных там же. Уместно заметить, что показателем выплавки металла из сульфидных руд не может быть присутствие в металле серы: в составе минералов медистых песчаников на Алтын-депе рентгеноструктурным анализом установлено присутствие брошантита $Cu_4[SO_4](OH)_6$, который также представляет собой источник серы в металле, причем выплавленном не только из выветренных руд, но даже из осадочных пород. Вместе с тем, в алтынском металле хорошо виден марганец, содержание которого доходит до десятых долей процента, а в отдельных случаях даже превышает 1%, что также является показателем выплавки металла из осадочных пород, к которым относятся и медистые песчаники. В кавказском же металле марганец отсутствует, и это можно расценивать как еще одно подтверждение его выплавки из первичных сульфидных руд.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бетехтин А.Г. Курс минералогии. М, 1954.
2. Галибин В.А. Изделия из цветного и благородного металла памятников эпохи ранней и средней бронзы Северного Кавказа.-Древние культуры Прикубанья Л., 1991.
3. Геологический словарь. М., 1973.
4. Егорьков А.Н. Особенности состава металла Алтын-депе.-Особенности производства поселения Алтын-депе в эпоху палеометалла. СПб., 2001.

²Из-за недоступности первоисточников я вынужден приводить данные по добротной компиляции Н.Forshell, хотя все они получены не самим автором,

5. Корневский С.Н. К вопросу о месте производства металлических вещей Майкопского кургана.-Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп, 1988.
6. Терехова Н.Н. Металлообрабатывающее производство у древнейших земледельцев Туркмении.- Очерки технологии древнейших производств. М., 1975.
7. Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966.
8. Forshell H. The inception of copper mining in Falun. Stockholm, 1992.
9. Moorey P.R.S. Ancient Mesopotamian materials and industries, Oxford, 1994.
10. Tylecote R.F. The prehistory of metallurgy in the British Isles. L., 1986.

РУЧКА СОСУДА В ВИДЕ ФИГУРЫ МЕДВЕДЯ ИЗ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

В 1980 г. в Ямало-Ненецкий окружной краеведческий музей поступила небольшая коллекция археологических предметов из металла. Вещи были переданы из школьного музея небольшого пос. Овгорт на р.Сыня Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа. Понимая ценность накопленной коллекции, директор Овгортской школы сочла, что этим экспонатам следует храниться в окружном музее. Комплекс получил название Овгортская коллекция. Все предметы происходят из случайных сборов на берегах р.Сыни. Среди предметов была объемная полая фигурка медведя, служившая в древности ручкой сосуда, по-видимому, деревянного. Сама фигурка отлита из белого металла, возможно, из серебра, но пока апробация ее не произведена. Подробности ее находки остались не известны.

В 1996 году в числе других экспонатов из археологического собрания ЯНОКМ ручка в виде фигуры медведя выставлялась в Эрмитаже и была опубликована в каталоге выставки «Сокровища Приобья» [4, 58, Кат. № 12.]. Однако жанр краткой каталожной статьи не позволил ее автору привести в публикации развернутое описание предмета и определить круг аналогий. К тому же выставочный каталог - довольно специфическое и редкое издание, и ручка в виде фигурки медведя из фондов ЯНОКМ остается малоизвестной, следовательно, есть потребность ее повторной публикации.

Изделие отлито в двусторонней объемной форме с сердечником, полировано; размеры 4,8 x 8,1 см. Реалистично выполненная фигура медведя оформлена восемью гранями, вдоль загривка идет глубокий желобок. Пасть зверя открыта, глаза миндалевидные, над глазами выполнено по два узких желобка; уши полукруглые, украшены парой выпуклых кружочков-перлов. Зверь стоит на четырех лапах с опущенной вниз головой. Ступни оформлены в виде уплощенных площадок, в каждой имеется круглое отверстие для крепления. Они находятся в разных плоскостях, и можно предполагать, что фигурка являлась ручкой профилированного сосуда, имеющего шейку. Граненость фигуры и орнамент в виде перлов на ушах зверя позволили Н.В. Федоровой отнести ручку к приобским изделиям конца 8 - 9 вв. [4, 58].

Наиболее близкой аналогией нашей ручке по иконографии, месту находки и времени изготовления является многократно опубликованный деревянный сосуд с ручкой в виде фигурки медведя из Веслянского могильника на р. Вымь. Сосуд-чаша вырезан из березового капа; по венчику окантован бронзовыми треугольными пластинами. Туловище зверя-ручки было частично украшено металлическими пластинками, прикрепленными бронзовыми шпеньками, уши и глаза - серебряными накладками. Фигурка медведя граненая, оформление ушей, глаз и пасти, а также поза зверя аналогичны ручке из Овгорта. Специалисты считают чашу изделием местных мастеров конца 6 - 7 в. н.э. [1, 435,470, Рис. 27,/].

На европейском Северо-Востоке и в Северо-Западной Сибири эти ручки не имеют других аналогий. В то же время типологически они тяготеют к группе драгоценных зооморфных ручек иранского и скифского происхождения. Ручки деревянных сосудов, изготовленные из драгоценных металлов, являются относительно частыми находками на памятниках степной полосы Евразии скифского и сарматского времени. Типология драгоценной посуды и посуды из дерева с золотой обивкой и зооморфными ручками степных кочевников Евразии раннего железного века разработана Е.Ф. Корольковой [3, 48 сл.].

В качестве наиболее близких южных аналогий можно привести ряд зооморфных ручек сосудов из раскопок богатых сарматских курганов; могильники Косика, Вербовский, Октябрьский V, Высочино 7, Бердия, Пороги, Хохлач, Мигулинская. Эта группа изделий Б.А. Раевым* отнесена к узкому хронологическому отрезку конца 1 - нач. 2 вв. н.э. Наиболее ранние аналогии подобных изделий относятся к ахеминидскому времени. Ручки сосудов этого круга оформлены в виде фигур таких животных, как волки, зайцы, кабаны, лошади, пантеры и грифоны. Е.Ф. Королькова отмечает чрезвычайную близость изображений сарматских находок скифским образцам 4 века до н.э., одной из основных черт которых она называет подчеркнутую схематичность [3, 49 сл.]. Общеизвестно, что, начиная с раннего средневековья, в Верхнее Прикамье и Нижнее Приобье проникает большое количество импортных изделий. Однако реалистичные фигурки ручек из Ямало-Ненецкого музея и Вислянского могильника стилистически не вписываются в круг южных аналогий.

В иконографии ручки из Овгорта отчетливо заметны местные традиции. Это, как было отмечено Н.В. Федоровой, орнамент в виде перлов на ушах зверя и граненость фигуры. Например, абсолютно аналогичное оформление ушей парой перлов встречено на бронзовом навершии в виде головы оленя из той же Овгортской коллекции [4, 56 сл., Кат. № 9]. Разделка бронзовых изделий на грани является одной из самых характерных черт художественного литья Северного Приобья в средние века. В конце I - нач. II тысячелетия н.э. в Западной Сибири были широко распространены объемные полые зооморфные подвески в виде фигур животных, часто медведя. Звери изображались в профиль, стоящими на четырех лапах на плоском основании, с опущенными вниз головами. В качестве наиболее близких по иконографии аналогий можно привести подвеску в виде фигуры медведя из той же Овгортской коллекции [4, 56 сл., Кат. № 10] и подвеску из Сайгатинского I могильника [5, 140, Кат. № 129]. Последняя отличается граненостью фигуры и использованием желобков в оформлении шеи, загривка и передних лап. Наиболее реалистичные изображения медведей встречаются в комплексах 8 - 9 вв. Именно к этой группе, по-видимому, следует относить и ручку из Овгорта.

В Нижнем Приобье фиксируется и традиция изготовления чаш из капа. Так каповая чашка, аналогичная по форме чаше из Вислянского могильника, была найдена при раскопках городища конца 10 - нач. 11 вв. Ярте 6 в средней части полуострова Ямал (раскопки Н.В. Федоровой). Чаша имела крючковидную ручку. Уместно вспомнить также о существовании в Западной Сибири традиции украшения керамической посуды зооморфными налепами, правда, редкой в средневековье, и более характерной для ранних эпох. На могильнике 6-8 вв., Редка в Среднем Приобье, был обнаружен ладьевидный керамический сосуд, украшенный лепной головой медведя [6, Рис. 19,4). Наиболее яркий комплекс с большим количеством глиняной посуды с зооморфными налепами происходит из раскопок поселения середины II тыс. до н.э. Вары-Хадыга II, расположенного в южной части полуострова Ямал. В коллекции представлены и многочисленные лепные керамические ручки сосудов в виде стилизованных фигурок животных [2, 24 сл.; коллекция хранится в фондах ЯНОКМ].

И все же такой тип изделий, как металлические ручки деревянных сосудов, не характерен для лесного Приуралья и Зауралья позднего железного века, поэтому остается открытым вопрос о том, не было ли у чаши из Вислянского могильника и ручки из Овгорта вполне реальных прототипов из числа более ранних импортных предметов.

* Устное сообщение; автор благодарит Б.А. Раева за содействие в подготовке публикации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Археология республики Коми. М., 1997.*
2. Васильев Е.А. *Поселение Вары-Хадыга II и проблемы первобытной археологии Ямала.* — *Научный вестник. Вып. 3. Археология и этнология. Материалы научно-исследовательской конференции по итогам полевых исследований 1999 г. Салехард, 2000.*
3. *Золотые олени Евразии. СПб., 2001.*
4. *Сокровища Приобья СПб., 1996.*
5. *Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.*
6. Чиндина Л. А. *История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релькинская культура). Томск, 1991.*

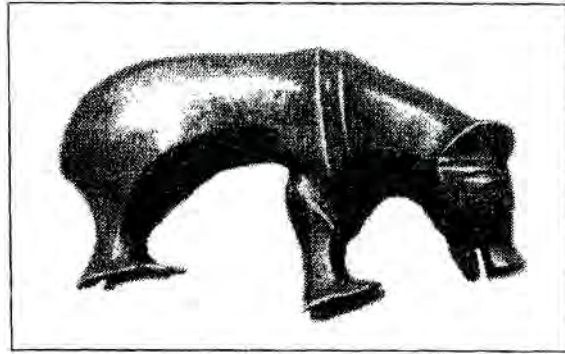

Рис. 1. Серебряная ручка из Овгортской коллекции
(Фото К.Г.Карачарова)

Медведев А.П.	К исторической оценке скотоводческих обществ на юге Восточной Европы II—I тыс. до н.э.....	3
Хачатурова Е.А., Вальчак СБ., Пьян- ков А.В., Эрлих В.Р. Вольная Г.Н.	Новые материалы предскифского времени из могильника Казаво 3.....	15
Дударев С.Л.	К вопросу о происхождении бронзовых прямоугольных ажурных пряжек.....	21
Батиева Е.Ф.	Еще раз о времени появления на Кавказе шлемов ассирийского типа.....	27
Переводчикова Е.В., Фирсов К. Б.	Антропологические материалы из скифских погребений Беглицкого некрополя.....	37
Мордвинцева В.И., Зайцев Ю.П.	О конструктивных особенностях зооморфных конских наносников (налобников) из скифского кургана Козел.....	47
Прохорова Т.А. Цуциев А.А.	Деревянные сосуды из Усть-Альминского некрополя.....	57
Кропотов В.В.	"Посвящение коня покойнику".....	68
Берлизов Н.Е. Симоненко А.В.	Находка двух столиков-блюд из Даргавского катакомбного могильника.....	74
Туаллагов А.А.	Предгорный Крым во второй половине 3 в. н.э. (по материалам могильников Дружное и Нейзац).....	78
Виноградов В.Б.	Хронология Европейской Сарматии.....	81
Байгушева В.С.	Латенский и римский импорт в сарматских погребениях Северного Причерноморья.....	94
Егорьков А.Н. Брусницына А.Г.	Две находки импортных шлемов из Центрального Предкавказья.....	100
	Еще раз о грузинском "присутствии" в истории и культуре Кубани 10-13 вв. (состояние источников).....	105
	Археологические сведения о степной фауне позвоночных Приазовья.....	109
	Взгляд на природу никеля в ранней бронзе Кавказа.....	117
	Ручка сосуда в виде фигуры медведя из Нижнего Приобья.....	121